

Чарльз Данн

Традиционная Япония. Быт, религия, культура

Предисловие

Жизнь в Японии всегда носила отчетливо замкнутый характер. Это не означает, что японцы были не расположены к принятию веяний из-за границы, - в действительности на протяжении большей части своей истории Япония заимствовала много чужеземных новшеств, которые неизменно приспособливала к собственным нуждам, и в первую очередь из Китая, а за последнюю сотню лет - чаще всего с Запада, особенно из Америки. Однако был один продолжительный и важный период, когда происходило совсем противоположное, - эпоха правления сегунов[1] Токугава, и именно она описывается в этой книге.

Гость с Запада постоянно убеждается в том, что кажется ему двойственностью жизни японцев: смесь западных веяний и вековых традиций. Япония, несмотря на современный характер своей экономики и досаду, которую многие молодые японцы испытывают по отношению к прошлому своей страны, тем не менее сохранила очень многое из того, что характерно только для Японии. Многие из этого, как и в любой стране с историческим прошлым, родом из древних времен. Государственное устройство Японии претерпело коренные изменения XIX века с Реставрацией Мэйдзи в 1868 году[2].

Сегун Иэясу Токугава захватил верховную власть как военный диктатор; после адаптационного периода гражданские раздоры подошли к концу, и последовали почти два века без серьезных конфликтов, а также почти полной изоляции от внешнего мира. Это было время стабильности, когда то, что стало затем традицией для сегодняшней Японии, упрочнялось и застывало, и, хотя на протяжении этих столетий и происходили определенные события, оно представляет собой довольно последовательное явление.

Итак, мы можем считать период приблизительно с 1600 по 1850 год, неоспоримые годы правления сегуната[3] Токугава, годами «традиционной Японии», и цель этой книги - представить читателю общую картину жизни страны в эпоху Токугава.

Глава 1

Страна в изоляции

Географическое положение

Располагаясь на восточной оконечности азиатского континента, Япония имеет климат, во многом схожий с климатом североатлантических штатов США, то есть зима холодная (с ветрами, дующими из Сибири), а лето теплое (благодаря ветрам с Тихого океана). Прежде чем попасть на гористое, обращенное к континенту побережье страны, зимние холодные ветра пролетают над Японским морем и в пути насыщаются влагой, которая большей частью осаждается в виде снегопадов, и, как правило, довольно сильных: снег зачастую доходит до свешивающихся крыш домов. В тихоокеанских регионах Японии зимой погода бывает ясной, но холодной. Летом в обращенной к континенту части страны погода ясная, в то время как на тихоокеанском побережье облачно, так что лето холодное и

влажное, особенно на юге и востоке. Японцы находят летнюю жару более неприятной, чем зимний холод, и строят свои жилища с учетом этого.

Япония состоит из четырех больших островов и бесчисленных мелких. Самый северный - Хоккайдо, который был недостаточно заселен во время рассматриваемого нами периода. Южнее находится Хонсю, главный остров, несколько больший, чем Великобритания, с Кюсю и Сикоку, расположенными южнее. Дополнительную сложность климатической картине придает то, что, за исключением Хоккайдо, в июне бывает короткий, но зачастую обильный сезон дождей, вызываемый северными муссонами, в то время как еще один сезон дождей длится с конца июля до середины сентября. Япония, особенно ее южные регионы, лежит на пути тайфунов с Тихого океана, поэтому в любой части страны могут возникнуть сильные ветра, обильные снегопады или приливные волны. Вдобавок ко всем этим бедствиям Япония расположена в поясе землетрясений и вулканов Тихоокеанского бассейна, и, хотя действующие вулканы обычно находятся далеко от населенных областей, урон от извержений не слишком большой, а землетрясения с несильными толчками, но они постоянно напоминают японцам, что катастрофа может произойти в любой момент, и являются частью каждодневной жизни.

Благоприятной стороной географического положения Японии является то, что она находится в низких широтах, когда солнце стоит высоко, и изменения в продолжительности светового дня меньше, чем в Северной Европе. Зима короткая, и поэтому вегетационный период растений продолжительный. Тепло и влага, плодородные наносные почвы в большинстве сельскохозяйственных районов способствуют изобильному произрастанию продовольственных культур. Япония - очень гористая страна, но склоны покрыты деревьями. Это означает, что в рассматриваемый нами период дома строили из дерева - кедра и другой прочной древесины, не требующей покраски. Постройки легко возгорались, настолько легко, что пожары быстро уничтожали целые деревни или районы городов, если ветер дул в их сторону. Однако, когда происходило землетрясение, гибкие каркасные дома разрушались меньше, чем если бы были выстроены из более прочного материала - кирпича или камня[4].

Народонаселение

Вместе с большинством других обитателей азиатского тихоокеанского побережья современных японцев классифицируют как монголоидную расу, но, по-видимому, население составляли несколько племен.

Весьма вероятно, что происходило смешение народов из Кореи, Северного Китая, Южного Китая и с тихоокеанских островов, пришедших в Японию через архипелаг Рюкю. Существуют доказательства, что некоторые элементы японской культуры заимствованы с юга; архитектура домов, возможно, имеет некоторую связь с полинезийской.

Японский язык, хотя и имеет определенное структурное сходство с некоторыми континентальными азиатскими языками, такими как корейский и монгольский, не обнаруживает с ними общего происхождения, и единственный близкородственный язык - язык островов Рюкю. Уникальную чуждую этническую группу составляют айны. Айны теперь ограничены островом Хоккайдо на севере. Они пришли с большого острова Японии задолго до XVII века, и определенные географические названия, в том числе название горы Фудзи, являются исключительными реликтами их древнего, гораздо более продолжительного пребывания, до тех пор пока их не вытеснил народ, который сам не подвергался никаким вторжениям и выковал сильную и однородную культуру, насчитывающую около 2000 лет.

Местная японская религия, теперь называемая «синто» - «путь богов», имеет некоторые элементы, которые можно приписать шаманизму Северной Азии, но также включает простые анимистические культы, когда обожествляются деревья и скалы, а иногда горные хребты или острова[5]. Венцом синтоизма явился сборник легенд о происхождении мира,

среди которых есть объяснение божественного происхождения императорского семейства.

Важным элементом синто является забота о возделывании употребляемых в пищу культур и плодородии, рисовом вине и веселье. Синто также много внимания уделяет чистоте, стремлению избежать осквернения смертью и предпочитает не иметь никакого к ней отношения. С другой стороны, буддизм, который пришел в Японию из Китая через Корею около 1500 лет тому назад, принес с собой вместе с важными элементами китайской цивилизации и достижениями искусства новый «взгляд в себя» и удаление от мира, интерес к загробной жизни и принятие смерти.

На протяжении многих столетий эти две религии дополняли одна другую: боги синто были включены в буддийскую веру, но, несмотря на это, два центра веры и поклонения, буддийские храмы и синтоистские святилища, обычно сохраняли свою независимость. Между ними две религии давали и в значительной степени до сих пор обеспечивают предпосылки для почти всей человеческой деятельности в Японии, но только предпосылки, а не мораль. Мораль, правила поведения в обществе были определены светскими принципами, в основном почерпнутыми из конфуцианства[6]. Эти принципы состояли в системе лояльности, когда верность господину была приоритетной перед верностью семье, а долг перед родителями ставился выше долга перед супругом и детьми, вместе с безоговорочным признанием власти. Умеренность и бережливость требовались от людей, занимающих высокое положение, в то время как расточительность - будь то в одежде, чувствах или расходах - порицалась, хотя другого и нельзя было ожидать от низших сословий, особенно от тех, чьей целью в жизни было скорее накопление денег, чем служение своему господину или своей стране. Хотя меркантильные мотивы сегодня менее предосудительны, такое отношение до сих пор бытует среди японцев и проявляется в лояльности к своему работодателю и своей стране.

Конец гражданских войн

Начиная с XII века, когда правление императора и его придворных сменилось правлением военачальников, в Японии периодически вспыхивали гражданские войны между отдельными враждующими кланами и союзами самурайских домов; порой за оружие брались и сторонники императора, пытавшегося вернуть себе былую власть. Эти войны тормозили развитие торговли, наносили урон урожаю и истощали людские ресурсы. Конечно же создавались литературные произведения, но в основном при императорских дворах в окружении военачальников и в крупных религиозных центрах. Пьесы театра Но[7], чайная церемония и реформирование поэзии, которое привело к возникновению 17-слоговой хайку (хокку), - все это своим развитием обязано периоду междоусобиц, но за пределы узкого круга аристократов, жрецов и священнослужителей достижения культуры в ту пору не выходили.

Однако к середине XVI века, несмотря на то что междоусобицы время от времени еще будут вспыхивать и в последующие 50 лет, жизнь начала налаживаться, наметился прогресс торговли и искусства. В 1573 году фактически власть надо всей Японией сосредоточилась в руках одного человека, Оды Нобунаги. Он был необузданным и безжалостным человеком; например, предал огню целый комплекс монастырских храмов со всеми их обитателями как часть своего плана лишения власти буддийских монахов-воинов, которые представляли собой слишком большую разрушительную силу в предшествующие годы. В то же время Ода Нобунага был поклонником искусства. В 1582 году он был убит одним из своих военачальников, к которому относился с презрением. Нападение на храм, где он пребывал, произошло во время исполнения им танца из пьесы театра Но. Его преемник, Токатоми Хидэеси, который продолжил объединение Японии, почти в равной степе-

ни знаменит как тем, что ввел в обычай любование цветущей вишней, так и своим мудрым управлением страной и неудачным походом в Корею.

Войны разметали многих приверженцев императорского двора, поэтому стало гораздо меньше тех, кто проживал в столице, теперь называемой Киото, и великие ежегодные празднества, которые поддерживались этими придворными, прекратились. Они были возобновлены горожанами, и волна энтузиазма по поводу такого веселого церемониала прокатилась по большим городам; праздник Гион, во время которого до сих пор в июле по улицам Киото разъезжают огромные колесницы, тому пример. Появлялись и другие развлечения: например, повсеместно распространились танцы фурию[8]. Они были большим развлечением, зачастую их связывали с буддийским праздником Бон в разгаре лета, когда души умерших возвращаются на землю, и их веселили песнями и танцами. В танцах фурию было принято надевать маски и маскарадные костюмы, а танцевали на улицах. Женская мода стала более простой по фасону, чтобы не сковывать движения, а ткани с более изысканным рисунком, особенно у жен купцов.

Это было время, когда велась оживленная торговля с внешним миром. В 1543 году первые европейцы, несколько португальцев, высадились на Танэгасиме, острове на юге от Кюсю, а в 1549 году Франциск Хавьер прибыл с миссией ордена иезуитов. Она была столь успешной, что вскоре иезуиты фактически установили контроль над городом Нагасаки, а церкви были открыты даже в Киото и Осаке. Христианские эмблемы стали популярны в качестве декоративных узоров, иноземная одежда, особенно иностранные головные уборы, пользовалась большой популярностью как элемент маскарадных костюмов, надеваемых для исполнения фурию. Невиданных зверей выставляли в зверинцах, а в Киото и в других местах давали интермедии и кукольные представления[9] наряду с простонародными драмами. У крестьян, несомненно, было меньше оснований быть довольными, чем у остальных, но стабильное правительство и распространение духа национального единства, пробужденного контактом с иностранцами, а также возникшего в ответ на угрозу национальной безопасности, которую, по-видимому, создавало присутствие чужеземцев, вело к улучшению общественной морали.

Изделия, характерные для того времени, - разрисованные ширмы, очень часто передают картину жизни в основном в городах, на них изображены сцены активной деятельности людей и празднеств.

Такие развлечения и празднества продолжались до XVII века и стали предшественниками, кроме прочего, народной бытовой драмы. Однако дух нации изменился, по мере того как пуританское холодное и расчетливое правление клана Токугава все сильнее сжимало страну в тисках после смерти Хидэеси в 1598 году и поражения его сына в 1615 году. Иноземные влияния ограничивались, а запреты и гонения, начатые при правлении Хидэеси, все чаще направлялись на христиан. Их восстание в Симабаре, близ Нагасаки, было подавлено в 1637 году, и было сделано все, чтобы искоренить христианство, и скорее из политических, чем из религиозных соображений. В то же время велась политика изоляции, цель которой - избежать любого иностранного влияния, которое могло бы привести к разрушению мира внутри страны. Все японцы, находящиеся за границей либо занимающиеся торговлей на юго-западном азиатском полуострове, либо их жены или те, что работали в сфере развлечений на Яве, были отрезаны от родины, и единственный контакт с внешним миром осуществлялся через небольшие и строго контролируемые голландскую и китайскую торговые фактории в Нагасаки, все остальные иноземцы были выдворены из страны. Эта политика изоляции была усилена запретом на постройку океанских кораблей, и ни одному японцу под страхом смертной казни не разрешалось покидать Японию.

Такое положение дел продолжалось до 1853 года, когда корабли commodора Пери[10] появились в заливе Эдо и вынудили правительство открыть некоторые порты. В Японии снова начали появляться иностранцы. Режим Токугава, уже находясь под внутренним давлением (страна тревожно бурлила), просуществовал только пятнадцать лет, прежде чем

правление снова перешло к юному императору и его сторонникам: хлынул поток новых идей, расшатав феодализм старой Японии.

Правительство после 1603 года

Описание повседневной жизни в период правления дома Токугава будет трудным, а вероятно, и невозможным для понимания без некоторых сведений о том, как было организовано правительство страны. Для этого, в свою очередь, необходимо понять положение представителей рода Токугава. Основатель династии сегунов, Токугава Иэясу, человек выдающихся способностей, если не гений, был союзником как Нобунаги, так и Хидэеси, своих предшественников. При правлении Хидэеси он захватил восток Японии, имея крепость в Эдо (сегодняшнем Токио). Когда он официально стал сегуном в 1603 году, именно в Эдо он перевел свое правительство - отчасти, чтобы оно было под контролем его сподвижников, а частично потому, что, подобно некоторым военным правителям древних времен, он считал, что атмосфера столицы Киото с ее увлечением изящными искусствами и с ее лишенным строгой добродетельности образом жизни испортит нравы его сторонников.

После смерти сына Хидэеси в осаде Осацкого замка, предпринятой в 1615 году, самая непосредственная угроза власти Иэясу была устранена. Он умер в следующем году, но члены клана Токугава сменяли один другого на посту сегуна (который, в сущности, стал передаваться по наследству), осуществляя тотальный контроль за всеми землями Японии. Какие бы угрозы ни возникали - от императора, религиозных группировок или военных феодалов, - им противостояла ловкая и жесткая оперативность - правительство было намерено любой ценой поддерживать спокойствие в стране.

Император со своим двором в Киото теоретически обладал верховной властью, и, конечно, именно он жаловал сегуну титул. Этот древний титул (сокращение более длинного выражения «сэйи тайсегун», что означало «великий полководец, карающий варваров»), фактически давал своему обладателю полномочия военного диктатора страны. Как только клан Токугава взял бразды правления в свои руки, обязанности императора были сведены исключительно к официальному присвоению чинов и титулов: сегуна и других менее значимых - тем, кого назначит сегун. Император должен был проводить время в занятиях литературой и проведении церемониалов; его нужды и нужды его придворных удовлетворялись за счет предоставления земель, с которых они имели гарантированный доход. За его деятельностью надзирал киотский представитель бакуфу, государственный чиновник, поэтому император был лишь номинальным главой, хотя и уважаемым во всей стране. Трон никогда не пустовал, императора постоянно уверяли в преданности, и именно вокруг его персоны был сконцентрирован тот самый последний мятеж против режима Токугава.

Другой потенциальный источник оппозиции находился в буддийских храмах и синтоистских святилищах; именно буддийские монахи играли значительную роль в древних гражданских войнах. Сегун держал их под контролем многочисленных надзирателей, жалование которым назначалось из центральных или местных источников и при необходимости могло значительно урезаться. С одной из буддийских сект - сектой Син[11], в отношении которой сегун питал особые подозрения, - обошлись с характерной токугавской тактикой «разделяй и властвуй». В предшествующее правление представители этой секты вызывали обеспокоенность военных властей учреждением независимых общин верующих, и, чтобы такого больше не повторилось, Иэясу приказал разделить секту на две ветви - ревнителям Истинного слова пришлось содержать отдельные группы храмов, между ними неизбежно возникло соперничество, и в итоге враг сегуната потерял свою силу.

Однако подобные угрозы были очень незначительны по сравнению с теми, что исходили от враждебно настроенных военных феодалов. Токугавский правитель наделял землями в обмен на клятву верности и предусматривал, чтобы преданные сторонники и родственники, включая тех, кто сражался на его стороне в битве при Сэкигахаре в 1600 году,

получали земли в стратегических позициях, образующих кольцо буферных поместий вокруг Эдо. Цепь других поместий защищала большие дороги Японии или стояла на страже возможных путей, по которым могли двинуться на Эдо потенциально враждебные феодалы, например так называемые «внешние» князья [12], которые сдались Иэясу в битве при Сэкигахаре или позже. Большинство из них являлись крупными землевладельцами и иногда были гораздо более состоятельными, чем сторонники Токугава. Тем не менее сам сегун владел огромными поместьями, а также управлял главными городами Эдо - Киото и Осакой.

Таким образом, политический контроль в стране осуществлялся чиновниками захваченных земель и вследствие вассальной зависимости властителей, которые жили под угрозой лишения владений и ссылки за неверность или плохое исполнение своих обязанностей. Феодалов подталкивали шпионить за своими соседями и докладывать о подозрительной деятельности, в то время как социальные контакты не поощрялись. Кроме того, существовали правительственные надзиратели, чьей функцией было не сводить глаз с феодальных правителей и проверять, чтобы они вели свои дела в установленном порядке.

Еще одним орудием в арсенале сегуна для контроля за высшими слоями общества было обязательное присутствие при его дворе в Эдо представителей знатных семей. В первые годы правления Токугава их возможные противники должны были оставлять заложников в Эдо в качестве поручительства за собственное примерное поведение, но позднее была создана единая система. Она требовала от каждого землевладельца (за исключением тех, чьи земли находились либо совсем рядом, либо очень далеко от центрального правительства) жить год в Эдоской резиденции, а на следующий - в родном поместье, так что каждому крупному феодалу приходилось совершать ежегодное путешествие либо в Эдо, либо обратно домой. В Эдо нужно было содержать подобающие статусу резиденции, где приходилось пребывать женам и детям вассалов. Эта мера вместе с созданием войск для защиты токугавских замков - дзиро и предоставлением помощи в определенном роде общественных работ обеспечивала как политический, так и экономический контроль над богатыми властителями - ведь постоянные путешествия туда-сюда и содержание двух домов в соответствии с положением влекли значительные расходы денег, времени и усилий.

Остальное население в городе и деревне контролировалось двумя способами. Во-первых, существовало чиновничество, назначаемое местными властями или центральным правительством, и оно действовало через чиновников, которые выполняли функции «полицейских». Другой способ - система обязательств, так что обычный японец редко мог нарушать принятые нормы поведения, не обрекая других на наказание за свой проступок: глава семьи отвечал за всех членов семьи, пятидворки - за каждое отдельное хозяйство, сельский староста - за свою деревню, и за преступление одного из членов сообщества могла быть наказана любая группа.

Никакого подобия конституции не было. Что касается уголовного судопроизводства, префекты, исполняющие обязанности судей, располагали сводом законов, которым руководствовались, но он никогда не публиковался полностью, хотя уведомления о наказаниях за определенные преступления время от времени обнародовались. В принципе не наказывали без признания вины, и это часто вело к тому, что подозреваемого сурово допрашивали. Уголовный кодекс мог быть изменен без всякого предупреждения. Это соответствовало позиции Токугава, основы которой были почерпнуты из конфуцианских наставлений о том, что народу не нужно объяснять существующие законы, а он должен просто делать то, что ему велят.

Именно такими способами сегуны клана Токугава старались сохранить свою власть над страной и влияние на все стороны жизни в Японии, фактически на каждого человека. Их попытки увенчивались заметным успехом на протяжении двухсот лет, и этому способствовала сама природа японского общества, поскольку существовавшая сословная система была в руках военных правителей мощным оружием, которое требовалось лишь поддерживать в боевой готовности. Только на удивление небольшого числа японцев не косну-

лось такое строгое разделение на сословия: с одной стороны, это были придворные и священнослужители, лекари и немногочисленные представители умственного труда, а с другой - парии, пестрая толпа, выполняющая разнообразную черную работу. Все остальные были либо воинами, крестьянами, ремесленниками, либо торговцами.

В такой жесткой сословной системе существовала столь же жесткая иерархия с сословием воинов (самураев) наверху. Самураи пользовались такими привилегиями, как право носить два меча, но имели и обязательства: им полагалось быть трезвенниками и подавать пример остальным. Затем шли крестьяне (основная масса населения), занимающие такое важное место, поскольку именно от них зависело пропитание воинского сословия (в виде риста). Эта честь была сомнительной, поскольку на них налагались жестокие ограничения: они не могли покидать свои хозяйства. Их участь обычно была незавидной: тяжелый труд и, как правило, бедность. Затем следовали ремесленники, а купцы или торговцы шли последними. Их презирали, поскольку считалось, что они ничего не производят и ими движет лишь стремление к наживе; действительно, именно этим они и занимались, и культура последней части рассматриваемого периода была в основном делом их рук, а рост их могущества - ведущим фактором упадка старой сословной системы.

Поскольку сословия были столь разделены и вели совершенно различный образ жизни, следует рассмотреть их отдельно, описывая условия и повседневную жизнь каждой из этих социальных групп.

Глава 2

Самураи

Было установлено, что на протяжении большей части эпохи Токугава население Японии насчитывало чуть меньше 30 миллионов, и эта цифра на удивление постоянна. Самураев, представителей высшего из четырех сословий, на которые строго делилось население Японии, вероятно, было меньше двух миллионов. Слово «самурай» означает «слуга» и применимо только к вассалам, но возник обычай называть этим словом все воинское сословие, представители которого были в любом случае вассалами, прямо или косвенно, самого сегуна, стоящего на вершине пирамиды.

Принадлежность к этому сословию наследовалась, и оно включало многих, чьи предки в давние времена были крестьянами, готовыми взяться за оружие, чтобы сражаться в местных армиях. Другие принадлежали к кланам, владеющим большими поместьями в областях, далеких от столицы, будучи их прямыми потомками или людьми, занявшими место прежних землевладельцев при императоре, когда он еще реально правил Японией. Некоторые семьи самураев изначально были тесно связаны с императором, который, отягощенный финансовым бременем слишком многочисленных потомков, в X веке понизил некоторые группы своих иждивенцев до положения обычной знати, наделив их землей и, таким образом, освободив себя от дальнейших обязательств. Одной из этих групп был клан Минамото, расширивший свои землевладения грабительством и возвысившийся до правителей Японии в XIX веке, семейство же Токугава, которое долго владело небольшим имением в провинции Микава, к востоку от Нагои, прежде чем переехать в Эдо, утверждало, что является потомком этих древних сегунов.

Рис. 1. Самурай на улице. Самурай, носящий два меча, в сопровождении слуги с ношей, завернутой в традиционный шелковый платок (фуросики), идет мимо лавки, торгующей водорослями. Мужчины слева режут сушеные водоросли, которые в Японии едят с рисом. Над входом - норэн (ткань, защищавшая помещение от пыли и служившая символом независимости предприятия) с надписью «Накадзима-я». Старший продавец вносит записи в бухгалтерскую книгу.

Рис. 2. Самурай у торговца домашней птицей. Он выходит из лавки и вкладывает в ножны свой большой меч, который вытаскивал, чтобы удобно было сидеть, пока он улаживал свои дела с владельцем лавки. Последний подобострастно провожает гостя из помещения на улице; у лавки слуга самурая в кимоно, подоткнутом сзади за пояс, терпеливо поджидает своего хозяина.

В начале XVI века не существовало резкой границы между сословиями, особенно между крестьянами и воинами, но Хидэеси пытался стабилизировать общество и издал в 1586 году рескрипт, по которому самураи не могли стать городскими жителями, а крестьянам запрещалось покидать свой земельный надел.

Жесткость сословной системы, столь характерная для последующих веков, действительно устанавливается с этого времени, и уже в следующем году крестьяне вынуждены были сдать свое оружие в ходе акции, известной как «охота за мечами Хидэеси». С тех пор только самураи имели право носить длинный меч, а также и более короткий, и первое, по чему можно было узнать самурая, - это две рукоятки мечей, выступающие из-за пояса с левой стороны, куда можно дотянуться правой рукой и выхватить оба. Городским жителям разрешалось носить короткие мечи для самозащиты, сельские должны были довольствоваться своими сельскохозяйственными орудиями, как всегда и поступали крестьяне. Время от времени отдельные лица или группы людей, не принадлежащие к сословию самураев, выполняли особые услуги, и им даровалась привилегия носить «большой и малый», как называли мечи.

Воинское сословие включало всех, имеющих право носить два меча, начиная от сегуна и ниже, от больших феодальных властителей, имеющих поместья, и чиновников бакуфу высокого ранга, до чиновников низшего ранга и пеших воинов. Они все получали довольствие в соответствии со своим чином, и механизм его распределения был основополагающим принципом организации общества. Доход исчислялся не в деньгах, а в рисе. Две основные группы, которых это касалось, состояли из воинов, как получателей, и крестьян, как поставщиков.

Земля измерялась не столько площадью, сколько количеством риса, которое она может родить за год. Используемая для этих целей мера - коку - была эквивалентна приблизительно 150 килограммам, и такое количество фактически могло прокормить одного человека на протяжении года. В начале XVII века в отчетах сообщалось, что ежегодный национальный продукт составлял около 25 миллионов коку. Этот рис распределялся сегуном, после того как для собственных нужд оставлял около одной пятой, среди владельцев усадеб, то есть земель, где выращивалась эта культура, небольшое количество предоставлялось императору. Более всех получали «внешние» властители Каги, которые жили в замках в Канадзаве, рядом с северным побережьем, их наделяли 1 300 000 коку риса. Симадзу из Сацумы (на Кюсю) получал 730 000, и в начале эпохи Токугава всего около 270 господ имели доход 10 000 коку или более. Это были дайме - князья и крупные землевладельцы, и как сегун оставлял часть для своих нужд и распределял остальное, так и дайме оставляли часть своего довольствия для себя и своей семьи и распределяли остальное среди своих вассалов с земельными наделами. Вассалы высшего ранга имели в своем распоряжении земли; низшего - ее не имели, а получали довольствие, измеряемое в коку. Люди низшего сословия получали рис или жалованье, эквивалентное установленной мере риса.

Доходы, выраженные в коку, зависели от продуктивности земли, и господин должен был получать рис от крестьян или, точнее, его чиновники от деревенского старосты, который, в свою очередь, получал рис от крестьянина. Последнему позволялось оставлять себе часть урожая - иногда до шести десятых, но часто меньше; на практике же получатель забирал все, что ему было положено, и лишь остаток доставался крестьянину, а это обычно зависело от полученного урожая. Иногда землевладелец, особенно если он имел небольшое довольствие, использовал свои запасы еще до времени сбора урожая и был вынужден

заставлять своих крестьян платить раньше времени, предоставляя им пускаться на любые ухищрения, только чтобы требования были удовлетворены.

Следует понимать, что получаемое довольствие обычно не было связано с работой, которую исполнял получатель, в том смысле, что доход предоставляли человеку скорее за то положение, занимаемое в обществе, чем за заслуги. Служить господину в качестве чиновника - часть феодальных обязательств, и вассал не должен был ожидать оплаты, особенно за то, что считалось его долгом. В XVIII веке произошли небольшие изменения, что позволяло сегуну выдавать временное довольствие человеку, доход которого фактически не зависел от статуса, но чьи способности заслуживали того.

Качество жилища, которое занимал самурай, зависело от его положения в обществе, определявшегося его доходом. Сегун имел собственный замок-дворец в Эдо (где сейчас находится резиденция императора), и большинство дайме также имели замки, вокруг которых вырастали города. Замки вошли в обиход в Японии, точно так же как и в Европе, в качестве крепостей князей, опасавшихся нападения со стороны своих соседей.

Большинство замков, сохранившихся до наших дней в Японии, датируются XVI веком, поскольку при правлении Токугава не велось активного строительства (разве что в Эдо), поскольку фортификации строго контролировались. Сегуна больше всего заботило, чтобы ни один феодал не стал настолько сильным, чтобы бросить вызов власти. До XVI века воины проживали в своих имениях и являлись в замок только по вызову, но когда воинское и крестьянское сословия разделились, то первые отправились жить в города, которые начали образовываться вокруг замков, чтобы дать пристанище людям, занятым изготовлением товаров и предоставлением услуг. Когда самурайское сословие перебралось в екамати - призамковые посады, их размеры и влияние возросли, и они постепенно превратились в самую обычную форму городских застроек в Японии. Вся деятельность в таких городах была сосредоточена вокруг замка и контролировалась им, и атмосфера здесь резко отличалась от той, что была в Киото, где доминировал императорский двор, а еще больше - от Осаки, основного торгового города, в котором Хидэеси выстроил дворец, позднее ставший резиденцией представителя сегуна, но которому тем не менее удалось сохранить значительную независимость.

Обычно город окружали внешние рвы замка. Например, в Эдо существовавшие в то время рвы, заполненные водой, располагались так, что образовывали множество относительно прямоугольных участков, в центральном был замок, в промежуточных находились резиденции чиновников, а в самых удаленных от центра, протянувшихся к заливу, жили купцы и ремесленники. Функция внешних рвов состояла в том, чтобы замедлить продвижение противника, заставив его воспользоваться существующими мостами, и таким образом воспрепятствовать свободе его передвижения.

Замок обычно воздвигался на естественной возвышенности или искусственной, которая была выложена камнем, отдельные валуны зачастую были очень большого размера и глубоко погружены в почву. Такая земляная насыпь имела характерные изогнутые очертания за счет наличия ската у основания (для придания устойчивости) и крутого, почти вертикального склона, по которому нападающим трудно было забраться наверх. При возведении многих замков использовали преимущества ландшафта, чтобы они доминировали на местности, и исключительный пример тому - Гифу, который воздвигнут на крутом холме, возвышающемся на несколько сотен футов над городом, и единственным доступом к которому в прошлом была крутая, почти отвесная дорога, ведущая вверх.

Земляные насыпи укрепляли стенами из оштукатуренного дерева с черепичными двускатными крышами. Вход через ворота всегда был устроен таким образом, чтобы при приближении нападающие попадали под огонь. Там была башня - тэнсю в несколько ярусов, тоже деревянной конструкции, с толстым слоем штукатурки и решетчатыми окнами. Для стрельбы из лука и мушкетов были предусмотрены щели и амбразуры; обращенные книзу щели часто располагались под окнами, через которые можно было метать на нападавших

снаряды. Башни увенчивали изящными, крытыми черепицей крышами, зачастую украшенными узорами с позолотой.

Жилые помещения находились не в башне, а в отдельных строениях, входящих в замок-комплекс.

Когда строились замки, предполагалось, что они должны выдерживать мечи и копья, стрелы и стенобитные орудия, а также огнестрельное оружие, но определенно никак не тяжелую артиллерию. Оружие, ввезенное португальцами и другими иноземцами, - это мушкетеры, пистолы и немногочисленные маленькие пушки. Оборонительным целям служили укрепленные железом ворота, округлые амбразуры для мушкетов и бойницы, необходимые лучникам, - этого было вполне достаточно. Сегун, естественно, старался, как мог, чтобы никакое усовершенствованное оружие не попало в руки его потенциальных противников. Более того, кроме функций обороны от соседей-феодалов, эти замки в большей степени предназначались для защиты от возможного нападения взбунтовавшихся горожан или недовольных крестьян, которые вряд ли подчинялись строгой дисциплине или были вооружены лишь своими орудиями труда. Таким образом, не требовалось ничего, кроме крепких ворот и крутых дорог.

Одним из самых великолепных замков является тот, что построил Иэясу в Киото в первом десятилетии XVII века. Скорее дворец, чем крепость, он использовался как жилище сегуна, когда тот приезжал в Киото; он был построен в претенциозном стиле, соперничающем и с императорским двором, и с великолепием дворца Хидэси (который позднее разрушил Иэясу) за пределами Киото. Замок Нидзе до сих пор окружен стеной и рвом, и холм, на котором была построена башня, сохранился, хотя сама она разрушилась. Замок представлял собой в основном ряд помещений с полами, покрытыми татами - толстыми соломенными циновками, отделанными вплетенной травой, стандартным половым покрытием в домах состоятельных людей. Покои отделены раздвижными перегородками от коридоров, а коридоры отделялись от внешнего мира фусума из деревянных решеток, обтянутых бумагой, пропускающей свет, а потом еще и тяжелыми деревянными створками, похожими на ставни, - ситоми, которые задвигались по ночам и в плохую погоду. Комнаты, ближайšie к входу, предназначались для гостей, и чем большим доверием пользовался человек, тем ближе предоставляемое ему помещение находилось к залу аудиенций и императорской опочивальне. Рядом с местом сегуна в зале для приемов были предусмотрены несколько отсеков, которые скрывали воинов, стоявших там на посту и готовых броситься в бой в случае необходимости, причем приближение потенциального врага можно было определить благодаря особой конструкции дощатых полов - «соловьиной» тропы: доски «пели», когда на них ступали.

К услугам самурая, доход которого измерялся в коку, прибегали в разнообразных обстоятельствах. Тем, кто был статусом ниже дайме с их минимальным доходом в 10 000 коку, площадь надела, на котором самурая разрешалось строить, определялась величиной рисового пайка. Например, паек 8000 коку давал право самурая на земельный участок площадью около двух акров, 2000 коку - около одного акра, в то время как самый низкий доход в пять тюков риса давал право на площадь строительства около 280 квадратных ярдов[13]. Фактически представители самых низших рангов жили более или менее коллективно в «длинных домах», разделенных на комнаты с определенной степенью общих удобств. Типичное устройство такого дома заключалось в том, что над входом располагался ряд комнат, занимая верхний этаж. Наконец, были некоторые самураи, которые совсем не имели официального дохода и права на жилье. Они были самураями без господина, ронинами[14], которые либо пренебрегали обязанностями вассала, либо их покровителя лишили статуса. Ронины были одними из самых свободных жителей Японии, поскольку поддерживали свой статус самурая без бремени обязанностей, но и без гарантированных средств существования. Они, как могли, зарабатывали себе на жизнь: одни становились писателями, учеными-конфуцианцами или школьными учителями; другие учили фехтованию кэндо[15] или становились наставниками в других военных искусствах; некоторые

продавали свое оружие и нанимались телохранителями к богатым купцам, улаживали возникающие неприятности.

Пока у них был какой-то доход, они могли позволить себе удобное жилище; когда дела шли хуже, им приходилось в лучшем случае жить в храмах, в худшем - в любом убежище, какое возможно было найти.

Рис. 3. Самурай в нагабакама

Рис. 4. Самурай в камисимо

Чину соответствовала определенная одежда. Для церемониальных случаев и при исполнении служебных обязанностей самураи надевали парадное платье - камисимо, то есть верхнюю накидку без рукавов (катагина) с накрахмаленными плечами и шаровары (хакама), больше похожие на современную юбку-брюки; такие шаровары были очень широкими и длинными, с разрезами по бокам и держались с помощью имеющихся спереди и сзади завязок, оборачиваемых вокруг талии. Обычные, повседневные хакама у самураев всех рангов не доходили до земли, но воины высшего ранга на особых церемониях носили очень длинные шаровары, которые волочились по полу, целиком скрывая ступни. Ношение этих нагабакама[16] требовало особого умения; любая смена направления должна была сопровождаться резкими движениями стопы, чтобы волочащаяся часть оказывалась позади, в противном случае это грозило падением. Одновременно самурай должен был подхватывать каждую штанину, подтягивая ее вверх при каждом шаге, чтобы дать место ноге для движения. В нагабакама даже можно было бегать, но требовалась чрезвычайно хорошая координация движений рук и ног. Очевидно, это была непрактичная одежда, хотя и очень впечатляющая. Она символизировала статус, демонстрируя, что ее обладатель имел досуг, чтобы научиться справляться с ней, но есть мнение, что правители приказывали ее носить, потому что она помешает любому, кто попытается совершить покушение на их жизнь. Обычно на улице нагабакама не носили.

Под камисимо надевались белое исподнее кимоно и обычное кимоно[17] с поясом, под который засовывались полы накидки. Мечи в ножнах удерживались тоже этим поясом. Наряд дополнялся белыми таби - носками с утолщенной подошвой и разделением между большим и маленькими пальцами для того, чтобы просунуть перемычку обуви, если ее надевали. Сам сегун и дайме, когда не находились на публике, не носили камисимо, а надевали роскошные одежды, похожие на обычное кимоно. Для редких, очень грандиозных церемоний сегун и его окружение облачались в императорское церемониальное платье с шапкой, которая была показателем их ранга.

Во время официальных походов конные самураи носили хакама с хаори - курткой с широкими рукавами длиной в три четверти кимоно вместо накидки; полы куртки удерживались завязками на уровне груди. Плоская круглая шапка, слегка конической формы для защиты от солнца и дождя, также была характерным предметом одежды. Пешие мужчины носили нечто похожее на бриджи, стянутые под коленом, с крагами. Кафтан приподнимался на спине мечом, что придавало самураю характерный силуэт, когда он был в походе.

Рис. 5. Самурай в походе

Вообще-то цвета одежды самураев были очень строгими, в основном тускло-синие, серые и коричневые, однотонные, с мелким рисунком или в полоску. Накидка и кимоно, надеваемое под нее, обычно украшались фамильным гербом владельца, его моном. Штаны на подкладке носили зимой, а без подкладки - летом, было установлено время смены одежды - пятый день пятой луны и первый день девятой луны. Одеждой во внеслужебное время служило кимоно без хаори и хакама. Самурай, отправляющийся в город для развлечений, чтобы не быть узнанным, поскольку мог нарушить устои мест, где он проживал, часто прятал свое лицо под глубоко надвинутой на лицо шапкой, которая представляла собой довольно комичное, похожее на корзину сооружение.

Другой характерной особенностью была прическа. Макушка выбривалась, а оставшиеся волосы сзади и с боков собирали вместе в «хвост», смазывали маслом, а потом складывали вдвое, вверху на макушке, и перевязывали в месте двойного сложения. Концы волос в пучке подрезались очень аккуратно и ровно. Для самурая было очень важно, чтобы прическа не растрепалась, и, если завязка развязывалась или ее перерезали мечом в боевой схватке, это считалось большим позором, еще большим, чем если бы срезали мечом весь пучок. Во время болезни самурай обычно переставал брить голову, и волосы росли беспорядочно, но на людях в таком виде он не появлялся.

Бо?льшую часть времени самурай посвящал управлению именем, к которому был приписан, или, если он состоял на службе в центральном военном правительстве, - управлению Эдо и всей страной. Обязанности были разнообразны, начиная от не слишком важных, например дежурство в карауле у ворот замка, до исполнения обязанностей старшего советника дайме. Если он получал доверие из того, что произрастало на земле, владельцем которой был самурай, он к тому же должен был заниматься и своим хозяйством. В дополнение к своим обычным обязанностям, самураю было необходимо участвовать в церемониях. Поскольку самурай высшего ранга в основном был занят работой внутри замка или в правительственных учреждениях, его нечасто видели люди других сословий - разве только в походе или в роли судьи.

Дайме приходилось оставаться на год в столичном Эдо, а следующий проводить в своих имениях. Когда князья были в дороге, они и их сопровождающие представляли собой внушительное зрелище; однако населению не позволялось наблюдать эту картину, поскольку

ехавшие во главе процессии кричали: «Ниц! Ниц!» - и все должны были падать ниц и ждать, пока шествие не проследует мимо. Непосредственно в конце эпохи Токугава, в 1861 году, когда были проделаны первые бреши в самоизоляции Японии, случилось одно происшествие, которое может служить примером того, какое почтение нужно было оказывать в таких случаях. Властелин Сацумы возвращался в свое имение, и когда он со своей свитой приближался к Йокогаме, где тогда уже находилось поселение заморских купцов, четыре британских подданных попытались проехать через процессию. Самураи обнажили свои мечи, и один из дерзких иноземцев был убит, а двое ранены. Такой поступок был вызван незнанием обычаев страны, и тогда в соответствии с духом того времени последовали репрессии, город Рагосима подвергся бомбардировке, и в конце концов Британии была выплачена большая компенсация. Случались и неприятности иного рода, особенно в Киото: дайме мог быть ниже по рангу, чем аристократ из императорского дворца, хотя последний не обладал политической властью. Появление такой личности вблизи процессии могло вызвать немалое замешательство: ведь дайме пришлось бы вылезти из своего паланкина, чтобы упасть ниц на дороге. Однако аристократия находилась в очень стесненных обстоятельствах, и многие из них были не прочь пополнить свой скудный официальный доход, поэтому некоторые не стеснялись намекнуть, что уладить сословный инцидент можно за вознаграждения.

Рис. 6. Паром до Токайдо. На заднем плане знакомый силуэт горы Фудзи

Тем не менее обычно процессия следовала по дорогам, соединяющим Эдо с большими городами и провинциями, без помех. Самым важным путем был Восточный морской путь - Токайдо. В то время он был самым оживленным и пролегал между двумя самыми большими в мире городами - ведь он вел от столицы сегуната к императорской столице, с ответвлением к великому святилищу Исэ, и простирался до Осаки.

По-видимому, самое большое различие между этими дорогами и европейскими состояло в том, что на них не было никакого колесного транспорта. Экипажи с впряженными в них волами считались прерогативой императорского двора, и время от времени их можно было видеть на улочках и дорогах Киото. В дни некоторых праздников в пышных процессиях использовали колесные повозки, но они были очень неуклюжими транспортными

средствами с неподвижной колесной базой и приводились в движение толпами мужчин. Иногда транспортировка тяжелых грузов, таких как большие камни для замковых стен, требовала использования колесных транспортных средств. Однако ни одно из них не передвигалось по большим дорогам, по которым путники шли пешком, или неспешно ехали верхом на коне, или передвигались в каго - паланкинах, похожих на коробки, поставленные на шесты, которые несли на плечах носильщики. Поскольку не требовалось очень широких дорог и не было телег, которые могли бы их изрезать колеями, нужды в дорожном покрытии не было; только чрезвычайные обстоятельства могли воспрепятствовать передвижению людей и медленно бредущих коней.

Дороги зачастую были обозначены рядами деревьев - криптомерий или сосен, посаженных близко друг к другу по обе стороны, чтобы люди не сбились с пути, а при необходимости нашли укрытие от солнца, дождя и снега. В горной местности дороги были уже более узкими и труднопроходимыми, хотя удобно проложенными. Переправы через реки являлись значительными препятствиями, поскольку в сельской местности было немного мостов, в отличие от городов. Японские реки обычно имеют широкие русла, вдоль которых большую часть года низкая вода разделялась на относительно узкие потоки, в такое время они не представляли собой серьезных препятствий для путешественников. Использовались паромы, а в некоторых местах носильщики переносили людей или их груз по воде на плечах. Когда наступал разлив, такие пути становились временно непроходимыми, и движение было вынуждено останавливаться, однако ненадолго, поскольку в Японии вода быстро спадает.

Может показаться, что правительство стояло перед дилеммой в отношении дорог. С одной стороны, хорошее сообщение между Эдо и провинциями было необходимо, чтобы чиновники и посыльные могли быстро передвигаться с места на место; с другой стороны, страх сегуна перед восстанием и вооруженным нападением заставлял его желать ограничения свободы передвижения для тех, кто путешествовал не по служебным надобностям. Решалась проблема таким образом: во-первых, узкие дороги позволяли передвигаться верхом или пешком лишь небольшими группами, а во-вторых, была усовершенствована система застав, существовавшая с древних времен. Пытаясь избежать проверки на контрольных пунктах, путники сворачивали в поля, это считалось серьезным проступком, и нарушителей ждало наказание. Строгий указ о заставах, которых насчитывалось более семидесяти, имел двойную цель: принудить любого идти только по определенным дорогам и одновременно подвергнуть его строгому надзору.

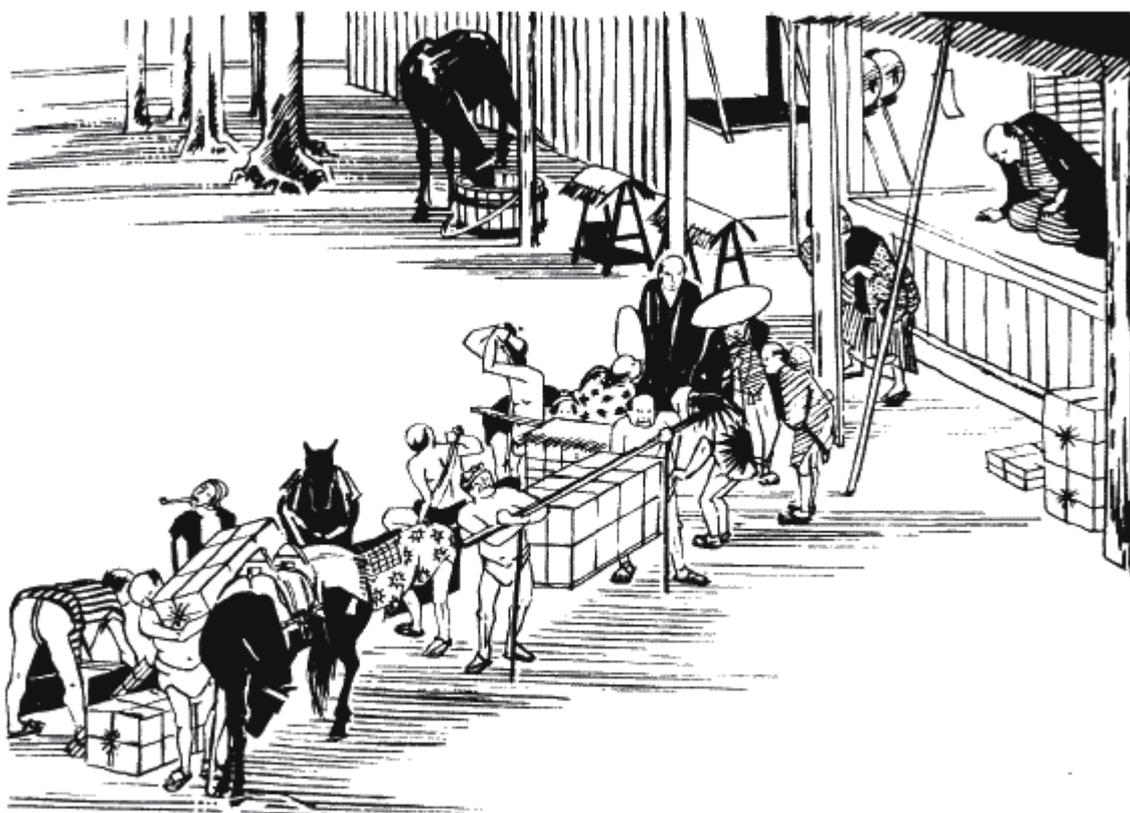

Рис. 7. Почтовая станция с прибывшими путешественниками и полуодетыми носильщиками

Важной функцией такого контроля на заставах было не дать дайме вывести каких-то членов своей семьи из Эдо без разрешения; дорожные стражи должны были особенно внимательно удостовериться, что среди путников нет женщин. Путешествующие женщины должны были иметь при себе особое разрешение с детальным описанием их внешности и зачастую подвергались суровому обращению на заставах - обыскам и допросам; и чем более высоким было сословное положение женщины, тем строже был досмотр. Еще тщательно следили за тем, чтобы никакого оружия, особенно огнестрельного, в Эдо не привозилось, так как опасались восстаний.

Ограничения распространялись и на дайме: например, при правлении восьмого сегуна Есимунэ (правил в 1716-1745 годы) было установлено, что дайме с доходом в 200 000 коку или более должны сопровождать 120-130 пеших солдат и 250-300 слуг и носильщиков, в то время как князьям с доходом в 100 000 коку или более - соответственно 80 и 140-180. Самураев высокого ранга должна была сопровождать свита, достаточно большая, чтобы значительно истощить их материальные ресурсы, но и не столь многочисленная, чтобы представлять угрозу для центрального правительства.

Большие дороги были поделены на перегоны, на каждом из которых находилась почтовая станция, где обязаны были предоставлять лошадей и носильщиков для следующего перегона. Система целиком управлялась правительством, которое устанавливало плату за пользование услугами почтовых станций. Определенным правительственным чиновникам давались пропуска, по которым им бесплатно полагалась одна лошадь и три человека. С дайме, путешествующих по официальным делам, взималась особо низкая плата, ограниченная определенным лимитом, сверх которого они должны были оплачивать стандартные издержки. Они также оповещали о своих планах заблаговременно, чтобы почтовые станции и постоялые дворы смогли подготовить все необходимое. Ответственность за обеспечение лошадьми и людьми была возложена на местных крестьян, и это как раз один из примеров того, как самураи паразитировали на земледельцах.

Процессия дайме представляла собой впечатляющее зрелище: марширующие люди, кони, лаковые паланкины, впечатление усиливали знамена, пики и нагината[18] в расписных чехлах, другие живописные предметы, которые несли, высоко подняв, сопровождающие лица. Такая процессия была аналогична известным нам западным военным парадам и служила напоминанием населению мест, через которые она проходила, о могуществе и власти их господ.

Эта власть осуществлялась в городах силами городских префектов и полиции. Административная система в провинциях формировалась по модели центрального правительства в Эдо: ранги, обязанности чиновников, поэтому описание эдоской административной системы может служить иллюстрацией и для всей страны.

К 1631 году эта структура сложилась и сохранялась на протяжении всей эпохи Токугава. Два матибуге, «городских префекта», сообща исполняли обязанности, которые теперь являются функцией главы полиции, судьи и городского мэра. Однако они не делили эти должности между собой, а каждый делал и то, и другое, и третье, пребывая на службе в течение месяца, а следующий месяц они отдыхали от своих непосредственных обязанностей. Их называли Северным и Южным префектами. Дублирование подобного рода было типичным для сегуната: в своей настойчивой заботе о самосохранении он пытался всеми способами не дать ни одному возможному противнику достаточно силы, чтобы захватить власть. Каждый из двух префектов контролировал другого, и в руках ни у одного из них не были сосредоточены все ресурсы власти. Оба должны были подписывать отчеты, предоставляемые правительству, так что действовать сепаратно было затруднительно. Однако по мере того как население Эдо увеличивалось - люди при малейшей возможности перебирались из деревни в город, - обязанности матибуге становились все более обременительными, и обоим чиновникам приходилось тратить свой месячный отпуск на то, чтобы доработать все отчеты и расследования, которые они проводили в предыдущем месяце, когда были на посту. В период исполнения служебных обязанностей префект каждый день отправлялся в замок к 10 часам утра и находился там приблизительно до 2 часов. Он обсуждал свои дела со старшими канцлерами, четыремя или иногда пятью чиновниками, которые возглавляли администрацию и несли ответственность перед сегуном за широкий круг дел. Префект обычно сообщал им о любом предпринятом шаге и получал от них приказы.

Пост эдоского префекта предназначался для вассалов сегуна с низким жалованьем в 500 коку, но приносил рисовый паек в 3000 коку. Придворный ранг, который сразу же присваивался человеку, приступившему к выполнению обязанностей префекта, уравнивал его в положении с некоторыми дайме; еще одним свидетельством важности этого статуса было то, что на должность эдоского матибуге нередко переводили чиновников, особо отличившихся на других, не менее значимых постах. Жизнь префекта была полна забот - ведь по возвращении на работу ему приходилось разбирать накопившиеся бумаги и другие рутинные дела. Он не только отвечал за поддержание порядка в Эдо, но и разбирал гражданские судебные дела и выдавал пропуска и подорожные. Однако префекту не приходилось иметь дело с самураями и священниками, этим занимались специальные чиновники. С ними он встречался три раза в месяц, когда со старшими канцлерами и другими они образовывали своего рода высокий суд для разбирательств более серьезных случаев.

Каждый префект имел в своем непосредственном подчинении ерики, или помощников префекта. Они тоже были самураями, прямыми вассалами сегуна, с жалованьем в 200 коку. Ерики, которые служили в других департаментах, обычно не занимали постов по наследству, но те, кто работал на эдоских префектов, практически сменяли своих отцов и дедов на их должностях, начиная профессиональное обучение в возрасте 13 лет или около того. Такая крепкая традиция семейственности означала, что ерики действительно знали свои кварталы (мати) и были постоянными кадрами, обладающими опытом и знаниями. На них мог положиться сам префект, особенно недавно назначенный на должность. Ерики не надеялись на повышение и жили все вместе в казармах. Таким образом, они образовывали

вали сплоченную группу, отрезанную, вследствие своей деятельности и положения, от горожан, с которыми тем не менее ежедневно контактировали, одновременно испытывая презрение старших по положению чиновников. Дело в том, что им запрещалось входить в замок из соображений, что они могут его осквернить, так как имеют дело со смертью, присутствуя на казни преступников, хотя на самом деле палачами были эта[19] - «оскверненные». Ерики имели репутацию людей, очень следящих за своим внешним видом, за прической, они всегда носили два меча, хакама и хаори. Не исключено, что их официальный доход существенно пополнялся дарами дайме за то, что они приглядывали за их слугами, чтобы те не напивались и не нарушали общественный порядок.

Рис. 8. Ерики (слева) и стражник досин с преступницей, проливающей слезы над своим несчастьем

Самураи еще более низкого ранга, досины, что значит «сопровождающие», «стражники», находились в подчинении у ерики, и у каждого префекта их было 120. Они тоже обычно образовывали тесно спаянную группу, где должность наследовалась. Размер их жалованья составлял 30 тюков риса, и они тоже получали подарки от дайме, зачастую хаори с его гербом, а поскольку досин мог получать их от разных дайме, ему следовало быть очень внимательным, чтобы надеть нужное, когда он отправлялся с визитом в резиденцию одного из своих благодетелей. Относительно подарков следует заметить, что, во-первых, обычай дарить одежду существовал в Японии по крайней мере тысячу лет, и до сих пор считается нормальным преподнести такой дар служанке на Новый год; во-вторых, хотя сегодня это вполне могли бы считать за взятку, получение подношений от подчиненных традиционно все-таки не считалось зазорным, и, хотя принятие даров подразумевало определенные обязательства, об этом начальник тотчас же забывал.

мость во вмешательстве ерики, то на место действия он прибывал верхом на коне с кольчугой под кимоно и наручами, с плоским лаковым или покрытым железными пластинами шлемом на голове. Он руководил операцией с безопасного расстояния, но мог подъехать и воспользоваться копьем, чтобы ранить преступника, если все остальные меры не возыме-ли действия.

Арестованного доставляли к префекту, который в это время нес службу. В Эдо тюрьма находилась в квартале Дэмма-те, туда немедленно сажали опасных преступников с предписанием от префекта, в то время как менее провинившихся могли содержать под стражей в здании, где служил префект. Затем преступника заставляли признаться в своей вине, поскольку это было необходимым условием для вынесения приговора, особенно если дело доходило до смертной казни. В основном такое условие, по-видимому, основывалось на принципах справедливости, чтобы избежать наказания невиновного; суды многих стран до сих пор конечно же основывают приговор на чистосердечном признании. (Англосаксонская концепция, предусматривающая то, что выносить решение следует на основании улики и что подозреваемый может лгать, чтобы скрыть свою вину, никоим образом не является универсальной.) Однако необходимость признания вины подразумевает необходимость принуждения, если заключенный не желает признаваться по доброй воле. Порка, придавливание камнями и пытка водой были среди доступных методов и, вне всякого сомнения, применялись, точно так же как в Англии можно было пытками довести до смерти узника, который отказывался признавать свою виновность и, следовательно, не мог предстать перед судом. В Японии, однако, авторитет властей был столь велик, что не многие виновные упорствовали в отрицании своей вины. Когда признание было получено, заключенный предстал перед префектом. Там, на сирасу («белый песок»), пятачке перед зданием суда, где заключенные и свидетели стояли на коленях перед префектом, исполняющим функцию судьи, подозреваемый давал показания и выслушивал приговор. «Белый песок» символизировал правдивость сказанного там, хотя слово «сирасу» имеет и другое значение: глагол такого же звучания означал еще и «доносить».

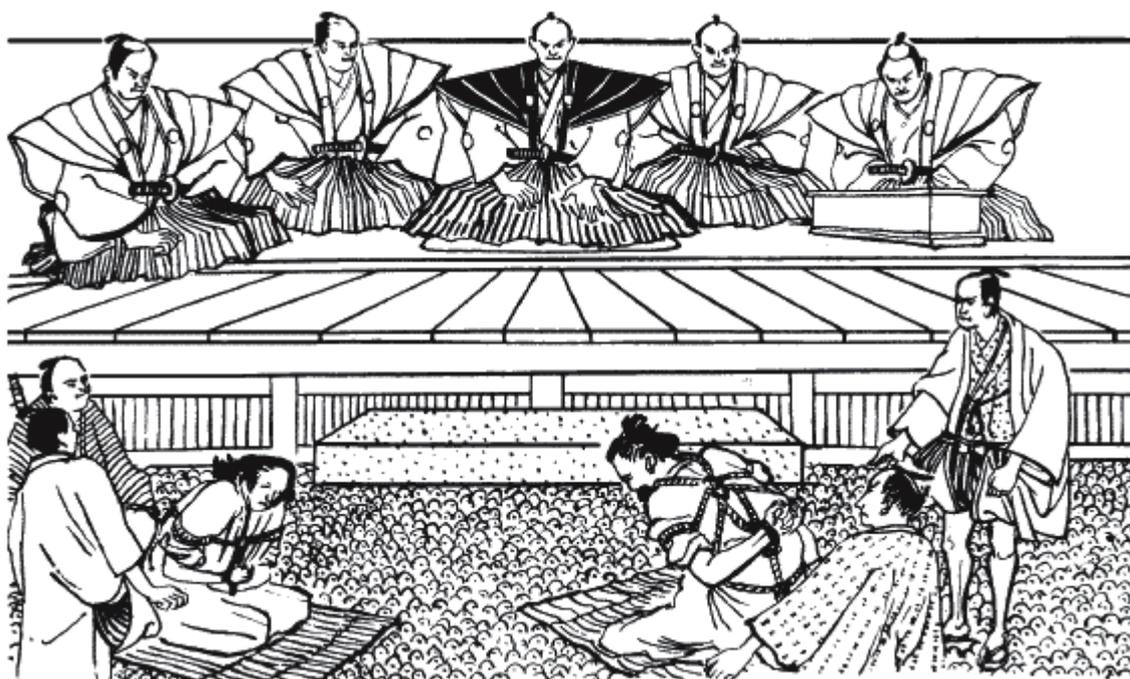

Рис. 10. Сирасу: два заключенных, крепко связанных веревками, предстают перед судом. Из гуманности им дали грубые циновки, на которых они стоят на коленях

Самым суровым наказанием была смертная казнь, после которой тело могли выставить на всеобщее обозрение, что было еще большим позором. Преступления, карающиеся смертью, - это убийство, грабёж и некоторые виды прелюбодеяния, причем сожжением за-

живо наказывался любой, обвиненный в поджоге - преступлении, которое вызывало особый страх в Японии. В качестве альтернативы смерти от руки палача самураю иногда позволялось совершить самоубийство, сэппуку[20], этим поступком он сохранял свою честь: обычно совершающий ритуальное самоубийство самурай вспарывал себе живот[21] своим малым мечом, вонзая его с левой стороны и взрезая тело по направлению к центру, одновременно ударом его же большого меча ему отсекал голову друг или доверенное лицо, чтобы смерть была мгновенной. Наказанием, не уступающим по жестокости, было изгнание: от ссылки на какой-нибудь далекий остров до выселения за десять ри (25 миль) от Эдо, изгнание из Эдо или просто выселение преступника из его родных мест. Более легкие наказания назначали в зависимости от положения виновного в обществе. Существовали различные сроки домашнего ареста и другие ограничения свободы. Женщин иногда наказывали, сбривая им волосы. Заключение в тюрьму не было наказанием; тюрьмы существовали лишь как места для содержания под арестом, пока принималось решение о виновности и выносился приговор. Обращение в них было жестокое, хотя префекту Ооке, который служил с 1717 по 1736 год и которого помнят до сих пор за его легендарную способность справляться с самыми трудными случаями, приписывают некие гуманные реформы, особенно в отношении допросов заключенных. Даже в тюрьме самурая содержали в соответствии с его рангом, отдельно от простолюдинов; женщин также содержали отдельно. Однако еще одним доказательством сильной власти в Японии является то, что при серьезном пожаре рядом с тюрьмой заключенных отпускали под честное слово, хотя за невозвращение в определенное время было очень тяжелое наказание.

Рис. 11. Самурай любит цветочную композицию. Самурай высшего ранга, два воина рангом ниже и буддийский монах менее высокого ранга любят икэбаной, установленной в нише-токонома

Префект имел дело не только с уголовными преступлениями, ему приходилось разрешать и частные тяжбы. Интересно заметить, что способ их разрешения включал в себя

время на «раздумье», что вполне может использоваться и сегодня. При первом обращении в суд записывали заявление истца, но давали ему несколько дней на раздумье. Если он возвращался вновь, к нему выходил префект собственной персоной и приказывал еще раз все взвесить. Если истец настаивал, обязанность расследовать спор возлагал на ерики, хотя в трудных случаях дело могло вернуться к префекту, который в любом случае выносил заключительный приговор.

Такой механизм правосудия в Эдо помогает составить представление о том, как работали чиновники и в каких ситуациях они вступали в общение с обычными людьми. Некоторые самураи конечно же были в непосредственном контакте с крестьянами и с поставщиками, другие к тому же управляли некоторыми предприятиями, которыми обыкновенно руководили купцы. Характерным примером были легендарные золотые рудники Аикава на острове Садо, народная память сохранила легенды о жестокости надсмотрщиков - самураев и о страданиях молодых людей, вынужденных трудиться в штольнях и выработках. Они были в подчинении у чиновника, ранг которого соответствовал рангу городского префекта Эдо. В других провинциях и областях также существовали предприятия, которыми руководили самураи. Таким образом многие из них приобретали опыт в управлении производством, и неудивительно, что с ростом промышленности во второй половине XIX века немало представителей упраздненного воинского сословия сумели найти себе применение в новой, реформированной Японии.

Считалось, что и в часы отдыха, а также и в часы работы самураи должны держаться обособленно от остальных. Однако не всегда они проводили свой досуг подобающим образом. Им не полагалось участвовать в любых развлечениях горожан, таких как посещение театров и визиты в «веселые кварталы» борделей, хотя ясно было, что запреты их не останавливали. Многие другие способы проведения досуга были официально разрешены.

Конечно же самурай низшего ранга, которого могли призвать на службу как человека, умеющего держать в руках оружие, если, например, дело доходило до стычек с грабителями или взбунтовавшимися крестьянами, в какой-то степени был обязан тренироваться в боевых искусствах, а рукопашному бою, фехтованию кэндо, стрельбе из лука - кюдо, верховой езде и плаванию всегда находилось применение.

Самурай высшего ранга наряду с серьезным обучением обращению с мечом занимался другими военными искусствами с тем же вдохновением, что и изучением чайной церемонии и икэбаны, - это больше походило на хобби, но изучалось и практиковалось с большой серьезностью и постоянным поиском скрытых смыслов.

Все эти возвышенные занятия проводились в соответствующих «школах», и всем искусствам обучались только у дипломированных наставников. Различия между школами были иногда довольно незначительными и очень часто не имели практического значения. Даже такое неартистическое занятие, как плавание, было организовано по принципу «школ», каждая из которых обучала различным движениям рук и ног, или специальному чередованию различных стилей плавания, или же искусству верховой езды по воде. Что касалось обучения манерам[22], то лучшей считалась школа Огасавара. Там обучали этикету приветствия, правильной осанке, поведению за столом и тому подобному, а также стрельбе из лука - кюдо, ритуальному виду состязаний, требующему соблюдения определенного церемониала, где больше внимания уделялось грации и этикету, чем попаданию в цель. Только самураи низшего ранга позволяли себе удовольствие принимать участие в более грубых состязаниях лучников. Сохранились сведения об одном из таких соревнований, проходившем на территории киотского храма Сандзюсангэндо в зале более 200 футов длиной, загроможденном изваяниями. На внешней галерее и проводились состязания, цель которых заключалась в том, чтобы выпустить как можно больше стрел за определенный отрезок времени с одного конца галереи в другой. Нависающая кровля не позволяла стрелам летать высоко (на балках до сих пор сохранились следы от отклонившихся от цели стрел), поэтому необходимо было следить за траекторией их полета. Лучшее достижение припи-

сывается одному самураю[23] - он в 1686 году расстрелял 13 000 стрел, из которых 8033 достигли конца галереи.

Более активным развлечением самураев высшего ранга была охота. Лишение живых существ жизни противоречило канонам буддизма, в соответствии с которыми убийство животных могло повлечь за собой наказание в следующей жизни. Тем не менее многие охотились на дичь ради пропитания, а фитильными мушкетами пользовались повсеместно, хотя маловероятно, что стрельба из мушкета считалась забавой. Широкомасштабные экспедиции великих властителей не имели ничего общего с такой охотой. Действительно, некоторые из ранних сегунов время от времени позволяли себе подобное развлечение, до тех пор пока им не положил конец пятый сегун, Цунаеси, который правил в 1680-1709 годах. Он вошел в историю как «собачий» сегун, из-за того что всячески защищал этих животных, поводом чему послужил совет одного буддийского священнослужителя, который поведал, что его бездетность была наказанием за лишение жизни животного в предшествующее существование. Цунаеси выбрал собаку объектом своего особого покровительства, потому что был рожден в год Собаки. Подобные причуды военного правителя имели последствия для всей страны, так что можно себе представить, сколь безоговорочной была власть сегуна. Некоторых людей даже отправляли в ссылку за убийство собак, а для бродячих псов в Эдо был сооружен просторный загон, он оплачивался из особого, «собачьего», налога, в то время как общий запрет на убийство животных сильно мешал крестьянам защищать свой урожай. Однако все это не помогло Цунаеси, и его сменил племянник, который сразу же положил конец эдиктам, защищающим собак. Сегун Есимунэ, правивший в 1716-1745 годах, был энергичным реформатором, а также старался возратить самурайству его прежнюю простоту, поощряя физические упражнения. В особенности он оказывал предпочтение охоте и в списке прозвищ был назван «соколиным» сегуном. В его любимой соколиной охоте Есимунэ сопровождала многочисленная свита, а жертвами становились журавли и другие дикие птицы. Он также возродил охоту на оленя и кабана, что было любимым занятием некоторых из его предшественников и определенно «неспортивным»: ведь дичь гнали в направлении «охотников», которые, сами не подвергаясь никакой опасности, убивали ее стрелами или выстрелами из мушкетов, сидя верхом на коне.

Случай, описанный в дневнике одного самурая из Нагои (1692), свидетельствует о ценностях того времени. Властитель Ие (на Сикоку) потерял своего любимого сокола и искал его по всем своим владениям. Однажды некий крестьянин ушел обрабатывать свои поля, а его жена осталась дома ткать полотно. Сокол влетел в дом и уселся на ткацкий станок. Жена схватила челнок и ударила птицу, которая сразу умерла. Крестьянин вернулся домой, и жена поведала ему, как птица в красивом оперении села на ее ткацкий станок, как она стукнула ее, не собираясь убивать, но птица, к несчастью, умерла. Муж посмотрел на птицу и понял, что это сокол. Он сильно забеспокоился, поскольку ему было известно, что господин повсюду разыскивает свою птицу. С трепетом он рассказал деревенскому старосте о случившемся, тот доложил управляющему имением. Последний в большом гневе приказал связать мужа и жену и привести их к господину для разбирательства. Господин тоже разгневался и велел распять жену, но простил мужа, потому что его не было дома в момент случившегося.

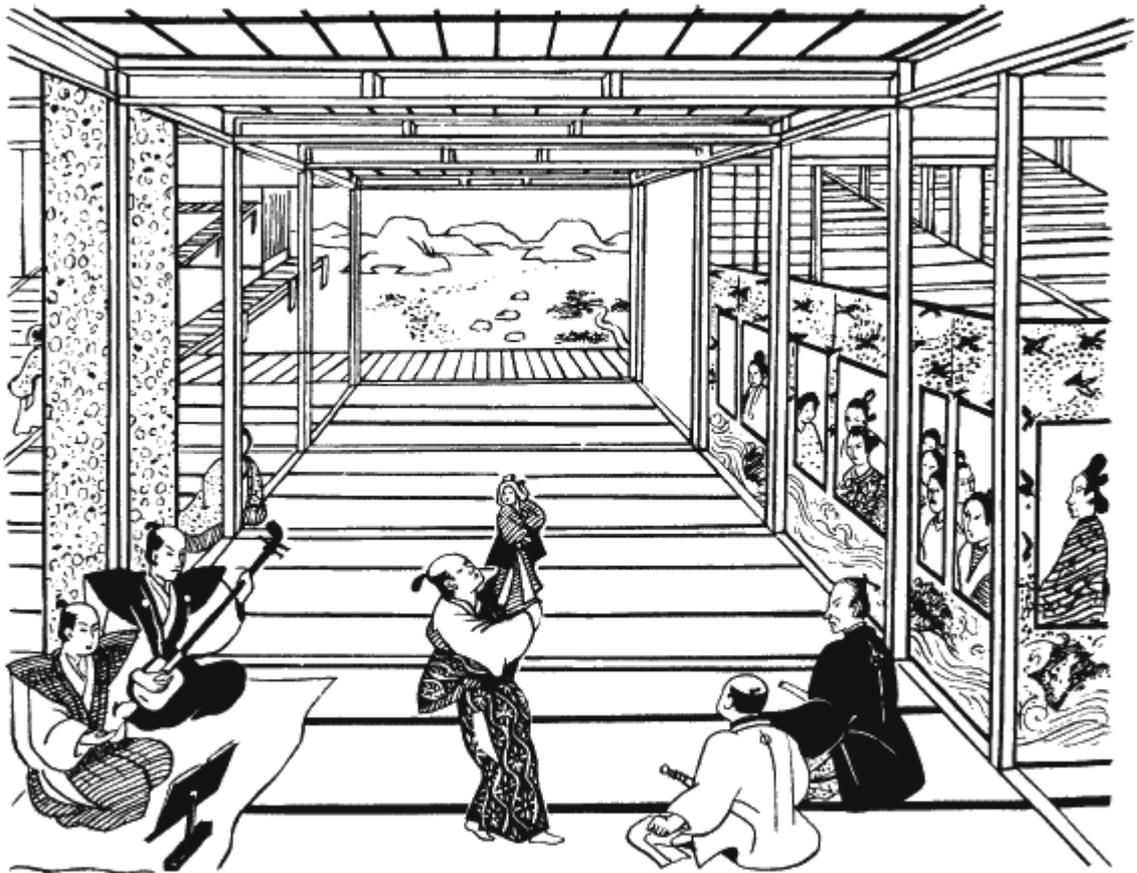

Рис. 12. Кукольное представление в резиденции дайма

Дальше история повествует о том, что когда муж отправился помолиться о своей жене, то обнаружил, что она еще жива, и господин, услышав об этом, приказал ее снять с креста. Жена заявила, что ее спасло покровительствующее ей божество. Самурай, который записал всю эту историю, видимо, не считал обращение с женщиной удивительным, его поразило лишь возвращение ее к жизни.

Однако охота Есимунэ была исключением, поскольку сегуны обычно не участвовали в активных видах состязаний. Их развлечения были обычно гораздо менее энергичными, они скорее были наблюдателями, а не участниками. К примеру, они и дайме поддерживали сумо - вид борьбы, который издревле был популярен в Японии, и ему покровительствовал императорский двор. Другим видом развлечений был драматический театр. Самураям не позволялось ходить в театры, которые посещали купцы, но это не останавливало дайме и других от приглашения театральных трупп или отдельных исполнителей в свои резиденции. Во дворце сегуна обычно давались пьесы. Но и он разрешил горожанам посмотреть один из спектаклей. Сохранившиеся записи свидетельствуют, что властители Тоттори были большими покровителями Но, когда совершали свой обязательный визит к сегуну в столицу. Во второй половине XVII века сам дайме исполнял главную роль во многих пьесах, которые показывали для развлечения его гостей, других князей, во время застолий. Актерам и музыкантам платили деньгами или одеждой, и если просили прибыть издалека, то давали специальную компенсацию и обеспечивали сопровождение. Пьесы театра Кабуки[24] и кукольные представления также можно было видеть в резиденциях, но реже, чем Но, куклы служили развлечением специально для домашней челяди - низшего сословия.

Еще одним и несколько более личным свидетельством является дневник феодального властителя по имени Мацудайра, правителя Ямато (он не имел никакого отношения к провинции, его титул был чисто номинальным, дарованным ему императорским двором), который умер в Эдо на пятьдесят четвертом году жизни в 1695 году. Он интересовался ис-

кустами и всякого рода развлечениями, в том числе каллиграфией, определением качества фимиама[25], пьесами театра Но и их комическими интерлюдиями (кегэн), кукольными представлениями и пьесами Кабуки, живописью, поэзией, танцами, борьбой и охотой. Он был в курсе всего происходившего в театральном районе, часто отправлял туда своих людей смотреть спектакли и сообщать о них или расспрашивать тех, кто проходил мимо театров, о предстоящих премьерах и о том, какие ходили сплетни. Круг его знакомств состоял, в частности, из поклонников кукольного театра, поскольку он часто упоминает о вечеринках в усадьбах своих знакомых и о том, как его развлекали знаменитые актеры. Кроме того, он сам устраивал подобные представления для своих гостей.

Может быть, несколько цинично предполагать, что редчайшим развлечением для двора сегуна был ежегодный визит главы (или капитана) голландской фактории (торгового форта) в Нагасаки. Конечно же появлялась возможность получить какие-нибудь любопытные заморские подарки. Немецкий врач Энгельберт Кэмпфер служил лекарем у голландцев и в 1691 году отправился с ними в Эдо. Он оставил после себя живое описание своего путешествия и аудиенций у сегуна. Первая была официальной, но, по словам Кэмпфера, во второй раз их вели по многочисленным темным галереям: «Вдоль всех этих галерей стоял непрерывный ряд личных охранников, и рядом с императорскими апартаментами находились некоторые высокие офицеры короны, которые выстроились в цепочку перед залом аудиенций, одетые в церемониальные одежды, склонившие головы и сидящие на пятках. Зал для аудиенций был точно таким, как я представил его на своем рисунке. Он состоял из нескольких помещений, обращенных к срединному залу, некоторые были открыты, другие закрыты ширмами и решетками. Одни были размером в 15 циновок, другие - в 18 и на циновку выше или ниже - в соответствии с чинами людей, сидящих на них. В срединном зале циновок не было вообще, их сняли и унесли, пол покрыт аккуратными полированными досками - туда нам и приказали сесть. Император {т. е. сегун} и супруга его высочества сидели за решетками справа от нас. Под решетками я подразумеваю драпировки, сплетенные из тростника, чрезвычайно тонко расщепленного, с обратной стороны покрытые тонким прозрачным шелком с отверстиями шириной около 9 дюймов[26], для того чтобы люди, находящиеся за ними, могли видеть, что происходит по другую сторону решетки. Из соображений эстетики и чтобы лучше спрятать людей, находящихся за ними, они разукрашены фигурами гагар, хотя в других случаях их невозможно было бы разглядеть на расстоянии, особенно когда сзади нет света. Сам император находился в таком плохо освещенном месте, что мы едва узнали бы о его присутствии, если бы не голос, который выдал его, хотя он был таким тихим, словно император намеренно хотел оставаться незамеченным. Сразу перед нами, позади других решеток, находились принцы крови и придворные дамы императрицы. Я заметил, что в некоторых местах решеток между тростинками вложены кусочки бумаги, делающие отверстия шире, чтобы лучше видеть; я насчитал около тридцати таких бумажек, из чего делаю заключение, что приблизительно такое же число людей сидело позади... Нам тоже приказали сесть, предварительно оказав честь: по японскому обычаю, требовалось ползти на коленях и кланяться, касаясь лбом пола, в направлении той части решетки, за которой находился император. Главный переводчик уселся чуть впереди, чтобы лучше слышать, и мы заняли свои места по левую руку от него, усевшись в ряд».

Слова сегуна адресовались главе государственного совета, который повторял их переводчику для перевода гостям. Кэмпфер комментирует это так: «Я полагаю, что слова, исходящие из уст императора, считаются слишком драгоценными и священными для непосредственной передачи в уста людей низшего ранга».

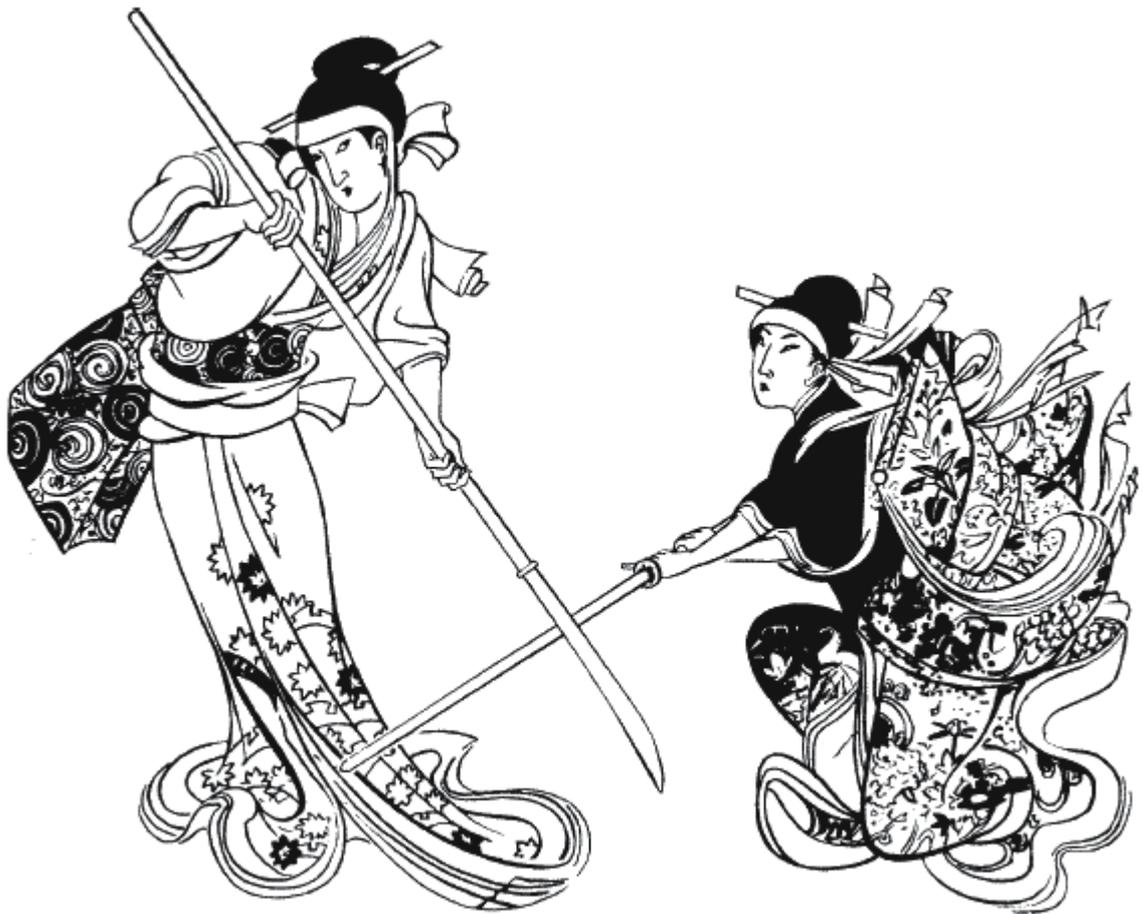

Рис. 13. Придворные дамы сегуна, упражняющиеся с нагината (алебардой)

После расспросов сегуна о внешнем мире и о медицине было приказано «...снять наши «каппа» - плащи, служившие парадным одеянием, и выпрямиться во весь рост, чтобы ему было удобнее рассмотреть нас, затем заставил разыграть целю сцену: пройтись, остановиться, приветствовать друг друга, плясать, подпрыгивать, изобразить пьяных, говорить на ломаном японском языке, читать по-голландски, рисовать, петь, снова надеть плащи и снова снять. Мы старались как можно лучше выполнять приказания императора, и я еще исполнил во время пляски любовную песенку на верхненемецком наречии. Вот так, выполняя множество дурацких трюков на разный лад, мы должны были повиноваться, чтобы развлечь императора и его двор. Нас заставили упражняться таким образом на протяжении двух часов, хотя и с большой любезностью, после чего вошли слуги и поставили перед каждым из нас маленький столик с японской провизией и парой палочек из слоновой кости вместо ножей и вилок. Мы лишь притронулись, а потом нашему почтенному старшему переводчику, который от страха едва мог подняться, приказали унести оставшееся с собой».

Кэмпфер был внимательным наблюдателем, и можно не сомневаться в точности его описаний. Возможно, циновки сняли с пола там, куда вошли голландцы, потому что они были обуты в сапоги. Японцы всегда оставляли уличную обувь у входа и оттуда шли либо босиком, либо в таби - носках с отделенным большим пальцем, - если только не были при исполнении неотложных официальных обязанностей, таких как арест, например, - в таком случае они обычно сразу проходили в дом, усиливая таким образом психологический шок от внезапного вторжения.

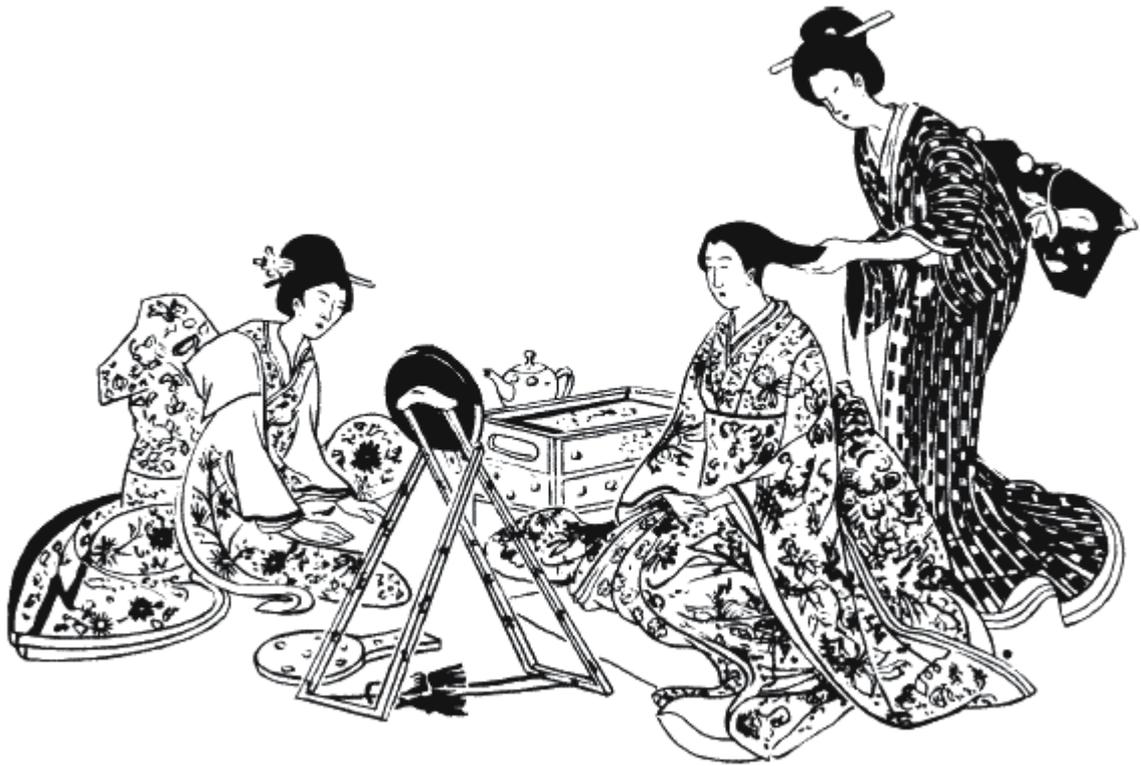

Рис. 14. Наложницы сегуна за туалетом

Вероятно, Кэмпфер при второй аудиенции углубился в неофициальные помещения, домашние покои, одно из трех основных отделений эдоского замка: «передние покои», где решались государственные дела, «срединные покои», упомянутые выше, и «великие покои», которые были женской половиной. Считалось, что устройство последних было скопировано по модели китайского императорского дворца. В эдоские «великие покои» допускались очень немногие мужчины: сам сегун, некоторые высшие канцлеры, лекари и священники. Придворные дамы тоже различались по рангам, примерно как правительственные чиновники, с ревностно сохраняемой иерархией, и при необходимости были готовы даже сражаться, так как были обучены пользоваться алебардами. Это были дочери прямых вассалов и начинали свое обучение в возрасте приблизительно 12 лет. Конечно, служить при императорском дворе считалось большой честью, и обычно это продолжалось всю жизнь, хотя время от времени сегун мог отказаться от наложницы, которая ему надоела, выдав ее замуж за одного из своих вассалов, точно так же он мог взять какую-нибудь красавицу в более зрелом возрасте, чем это было принято. Он имел супругу (по впечатлению Кэмпфера), на которой женился из политических соображений, но никто не ждал от него отказа от других женщин - по некоторым сведениям, Иэнари, одиннадцатый сегун, правивший с 1787 по 1838 год, имел 15 наложниц и 24 менее регулярно выбираемых подружек. Формулировка, которой пользовался сегун, указывая на свой выбор на ночь, сводилась к вопросу, который он задавал одной из придворных дам высшего ранга: «Как зовут эту девушку?» - что приводило машину приготовления в действие.

Эти женщины посвящали большую часть своего времени нарядам и уходу за собой, поскольку их одежда и внешность при исполнении разнообразных обязанностей перед их господином регламентировались строжайшим этикетом. Затем нужно было практиковаться в изящных искусствах: составлении цветочных композиций - икэбана, чайной церемонии (тя-но-ю), распознавании благоуханий и определении качества фимиама, и оставалось еще время для таких занятий, как игра в популярную поэтическую карточную игру[27], или для любования цветением вишни - ханами в призамковых парках.

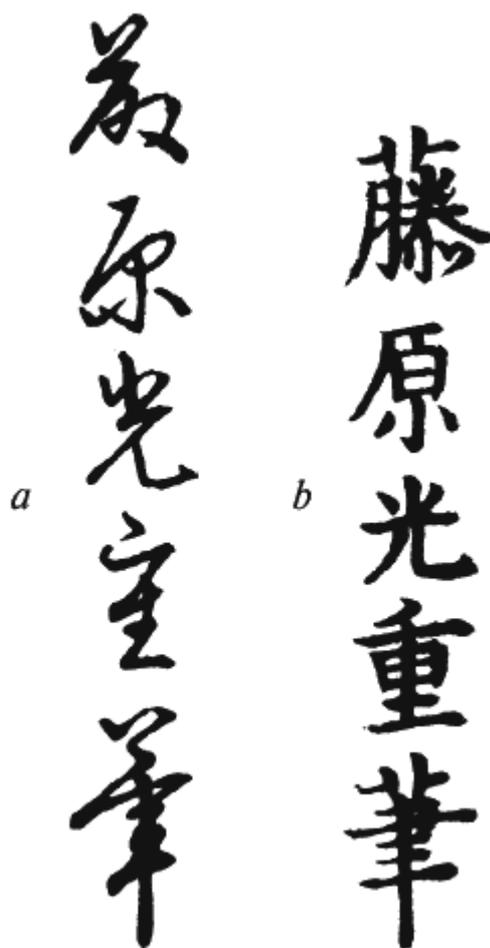

Рис. 15. Японский и китайский стили письма. Обе эти надписи гласят одно и то же: «Фудзивара Мицусигэ хиссу» - «Писано Фудзиварой Мицусигэ», но: *a* - японская «скорость» и *b* - квадратные китайские иероглифы

По-видимому, неизменными занятиями придворных дам были интриги, клевета и ревность, неизбежно вытекающие из обстоятельств, в которых они жили. Время от времени случались интриги иного сорта, и, в частности, одна стоит того, чтобы о ней рассказать, поскольку это проливает свет на не совсем общепринятые занятия дам сегунов Токугава.

Одна из пленниц гарема (как по справедливости ее можно назвать), по имени Эдзима, обрела довольно высокое положение, и одной из ее обязанностей было заключать сделки с торговцами, которые были назначены поставщиками товаров для двора сегуна. Либо напрямую, либо при посредничестве лекаря в замке с ней пытались вести переговоры некие купцы, которые желали попасть в круг избранных, и в качестве подкупа ее сводили в театр «Накамура» и познакомили с одним из актеров Икусимой. Записи об этом происшествии различаются в деталях. Придворная дама даже прятала его в своей комнате во дворце - так или иначе, но у них был любовный роман, роль Икусимы в котором скорее была обусловлена существенной взяткой купцов, чем истинными чувствами с его стороны. Это не осталось незамеченным, властям отправили донос, и в 1714 году Эдзима была отправлена в ссылку (ее наказание могло бы быть еще тяжелее, если бы ей не покровительствовала фаворитка сегуна), как и Икусима, и остальные актеры труппы. Однако брат Эдзимы был приговорен к смерти не потому, что имел какое-то отношение к скандалу, а потому, что семья была в ответе за каждого ее члена. Четыре театра, существовавшие в Эдо в то время, были закрыты; позднее трем из них разрешили открыться снова, но театр «Накамура» навсегда исчез. В этом инциденте было нечто особенно неприятное правительству, в том числе вторжение другого мужчины в сексуальные владения сегуна и вовлечение купцами представителей самурайского сословия в общие дела, а также власть их денег.

Неравенство в положении мужчин и женщин среди самураев было гораздо больше, чем в низших сословиях.

Официальную жену всегда выбирали по политическим мотивам - не по любви, и фактически в различных самурайских кодексах недвусмысленно определено, что столь важное событие, как женитьба, должно восприниматься легко, но только после серьезного рассмотрения всех деталей. Чем скромнее самурай, тем лучше он относился к своей жене, в то же время жены дайме, которые должны были проводить все свое время в Эдо, были особенно несчастными, хотя и не лишенными материального благосостояния и комфорта. Моральные устои, которые требовались от каждой стороны, были диаметрально противоположными: самураи требовали строжайшей верности от своих женщин, но конечно же сами были совершенно свободны от подобных ограничений. Любовница или наложница не могла по эдикту стать официальной супругой, хотя частота, с которой такие эдикты издавались, предполагает, что, видимо, некоторые самураи привязывались до такой степени к своим любовницам, что желали жениться.

Образование женщины было направлено на то, чтобы она была полезной мужчинам, почтительной в первую очередь к отцу, мужу, старшему сыну, а также к женщинам: жене и дочери господина и своей свекрови.

Школ для дочерей самураев не было, они учились дома у окружавших их женщин навыкам ведения домашнего хозяйства и тому, как стать хорошей женой, а посещая учителей - изяществу традиционных ритуалов, таких как аранжировка цветов и чайная церемония, а также танцам, пению и игре на кото - тринадцатиструнном музыкальном инструменте, напоминающем горизонтальную арфу. Они учились писать скорее в плавном японском стиле, чем жесткой китайской каллиграфии, и читать классические японские романы и стихи, несмотря на то что некоторые моралисты презирали роман «Гэндзи моногатари» - «Повесть о принце Гэндзи»[28] (XI века), теперь признанный шедевром японской литературы. Его считали опасным для молодой целомудренной женщины.

Мальчиков воспитывали иначе и обучали иному, но следует сказать несколько слов по поводу особенностей японского языка и его отношении к китайскому. Японский язык по своему словарному составу и грамматике совершенно отличен от китайского, но письменной его формы не существовало. Китайский язык был импортирован вместе с различными другими дарами китайской цивилизации и религии буддизма в VI и VII веках. Позднее китайские иероглифы стали использоваться для написания японских слов. Однако китайский язык не имел, например, окончаний слов, и смысл рождался лишь сочетанием иероглифов, которые по сути своей являются выражением понятий. В японском же языке имела многообразная система окончаний, и для того, чтобы отобразить эти и другие особенности, приходилось использовать китайские иероглифы лишь по их звучанию. Таким образом, возникла двойная система отображения японского слова: либо с помощью иероглифа, который имел значение близкое к нужному, либо с помощью иероглифов, используемых фонетически, либо комбинацией и того и другого. Со временем иероглифы, используемые фонетически, превратились в относительно простую слоговую азбуку (в которой символ означает гласный звук или сочетание согласного и гласного), и таким образом японское письмо стало представлять собой сочетание иероглифов и фонетических символов. Когда писали по-японски, чаще пользовались скорописью, то есть стилем письма, где иероглифы и знаки окончаний принимали сокращенные и плавные формы. Когда писали по-китайски, пользовались квадратными иероглифами, которые можно сравнить с печатными буквами латинского алфавита.

Одной из основополагающих целей в школах для самурайских мальчиков было обучение чтению китайских текстов с помощью шаблонных приемов, таких как чтение иероглифов в другом порядке, чем они встречаются в тексте, с добавлением окончаний, так чтобы они звучали как очень высокий японский стиль. Тексты брались из китайской классической литературы и произведений конфуцианской этики, а их содержание формировало типичный самурайский кодекс поведения с его принципами верности старшим, необходи-

мости соблюдения этикета и акцентом на сильное чувство превосходства по отношению к тем, кто не был самураем. Также придавалось большое значение обучению каллиграфии[29] и, наконец, этике и хорошим манерам (поведению по отношению к старшим в соответствии с их рангом, застольному этикету, правильной осанке и так далее), наряду с основами использования оружия.

При большинстве поместий были школы, посещаемые всеми, за исключением сыновей самураев высшего ранга, таких как дайме, и самого сегуна, - для них предусматривалось частное обучение. Организация школ различалась в разных регионах. В некоторых посещение было обязательным, но обычно свободным. Обучение могло начинаться в возрасте шести лет и продолжаться, если ученик оказывался способным, до тринадцати - к этому возрасту подростки обычно сами начинали обучать младших мальчиков. Однако образование по большей части было доверено профессиональным учителям. Общая схема обучения состояла в том, что мальчики имели краткие циклы индивидуального обучения, чередующиеся с более продолжительными периодами практики и подготовки. Один из главных принципов - избегать унижения достоинства ученика, не заставляя его «потерять лицо» в присутствии своих товарищей, которые могли быть по положению ниже его. Имелась также и программа наставлений по общим вопросам. Хотя существовала система экзаменов с наградами для отличившихся, особое внимание уделялось тому, чтобы ни в каком случае не поощрять дух соревнования, это считалось нежелательным для людей, которым придется жить в строго регламентированном сословном обществе. Было бы несправедливо сказать, что если мальчики хорошо успевали в школе, то лишь потому, что им нравилось учиться и они дорожили возможностью получать награды за старание, поскольку материальная выгода от этого была очень небольшой, - ведь невежество не могло лишить кого-то предназначенного ему поста. Действительно, центральное правительство имело систему пайков для определенных постов, которые были вакантными, но число их было очень небольшим, и они не были доступны для представителей класса «внешних» князей. Для женщины, которую мог прогнать муж, если она не соответствовала его требованиям, все было по-другому, поэтому у нее был стимул учиться старательно, но школ для обучения девочек не было.

Так, самураи с ранних лет учились быть почтительными и преданными своим господам, достойно и прилично вести себя, судить о поведении по стандартам морали и никогда по успеху в обществе, а также справедливо поступать с теми, кто находится у них в подчинении. Хотя большинство из них без труда справлялись с работой, которой им приходилось заниматься, пользуясь принципом прецедентов при принятии решений и иногда приобретая неплохие навыки руководства (что оказалось очень полезным, когда вся система рухнула в 1860-х годах и многие бывшие самураи занялись модернизацией Японии), их косное кастовое сознание и уверенность в высоте своего положения в обществе превратили их в самых твердолобых и бескомпромиссных людей, каких только знал мир. Когда их предки сражались в гражданских войнах до XVII века, им приходилось быть простыми воинами с гибким подходом к жизни, природой которого было представление, что за днем победы может последовать поражение и что чем больше голов снесешь на поле брани, тем большая награда последует от командира, при условии что ты на стороне победивших и тебе удалось выжить. Их потомки в эпоху Токугава знали, что их статус не может измениться, но были обязаны подчеркивать свое положение разным отношением, которое у них вошло в обычное, при общении с высшими и низшими, выражавшимся с помощью запутанного языка, посредством которого выказывалось уважение или неуважение. Даже сегодня в японском языке можно использовать разные языковые стили для заслуживающих уважения персон и для лиц более скромного положения, чем сам говорящий. Самураю было проще, поскольку при разговоре с подчиненными он пользовался языком, который подчеркивал его превосходство и низкое положение остальных.

Постоянным опасением самураев всех рангов было то, что простолюдины станут претендовать на положение более высокое, чем предназначенное им иерархической системой,

и открыто выказывали презрение к ним, о чем говорили важная походка и надменный взгляд, который всех сметал на пути. Их высокомерие подкреплялось таким атрибутом, как мечи, которыми, по-видимому, пользовались гораздо реже, чем это показано в современных фильмах, но все равно, это было самое грозное режущее оружие, придуманное когда-либо: у мечей были острые как бритва клинки, и они были очень тяжелы. Простолюдин прилагал все усилия, чтобы не показаться самураю дерзким, - ведь за это можно было поплатиться жизнью. Если самураи принадлежали к единственному сословию, которое имело право носить два меча, они в равной степени были единственными людьми с двумя именами - обладателями как почетного фамильного, так и своего личного. Все подчеркивало привилегированное положение самураев в обществе, созданном, чтобы их поддерживать, и в котором целая пропасть отделяла их от всех остальных: крестьян, купцов, ремесленников.

Рис. 16. Два примера мон, японских фамильных гербов. Слева - китайский апельсин, а справа - трехлепестковая розовая мальва

Глава 3

Крестьяне

Долг крестьянина состоял в том, чтобы выращивать рис (комэ) для самураев, - это было его самым важным, однако не единственным занятием. Для риса, как он выращивается в Японии и в других областях Азии, требуются абсолютно плоские, ровные поля, куда можно в нужное время отвести воду; эти поля ограничены низкой насыпью для предотвращения утечки. Поля не слишком обширны, но там, где они существовали, за Токио, за Нагоей и вокруг Нары, были довольно большими и правильной формы, однако более характерные поля встречаются в долинах и на склонах холмов, где поля нарезаются уступами, и здесь они гораздо чаще неправильной конфигурации, чем на равнинах, так как должны быть приспособлены к рельефу местности.

Поскольку все три острова древней Японии (т. е. не считая Хоккайдо) были поделены на провинции, или непосредственно удерживаемые территории, было необходимо выращивать рис по всей стране, несмотря на то что существовало много пограничных районов, где из-за климата или характера местности сделать это было очень непросто.

Другой особенностью сельского хозяйства было то, что, кроме плоских «заливных» рисовых полей, были «сухие», на которых могли выращиваться другие культуры: пшеница, просо, другие зерновые, хлопок, табак, конопля и сладкий картофель, - а также постоянно возделываемые земли, где, в соответствии с климатом, выращивали апельсины, виноград, шелковицу, чай, бамбук. Можно было обнаружить отдельные фруктовые деревья, такие как хурма, слива и абрикос, и даже на насыпях между полями выращивали такие культуры, как бобы. В более благоприятных климатических районах на рисовых полях выращивали культуры, которые вырастали, созревали и их собирали, до того как земля потребует-ся под рис, такие как рапс, выращиваемый на масло.

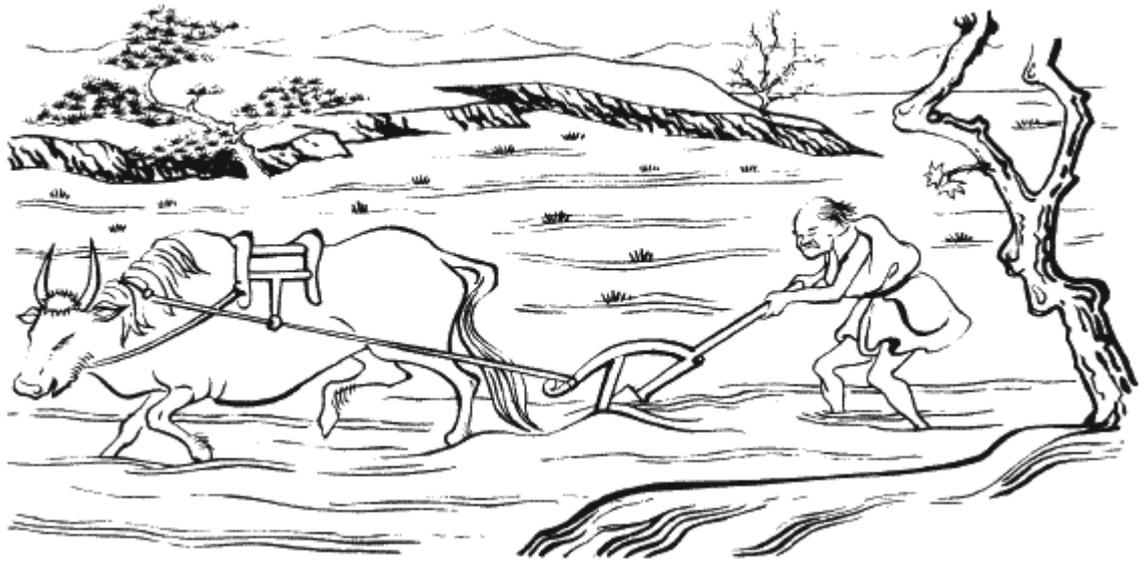

Рис. 17. Пахота

Рис. 18. Проращивание риса перед засевом. Позади крестьянского дома видна небольшая бамбуковая рощица

Рис. 19. Засев риса. Грядка для рассады разделяется с помощью веревок для равномерного распределения семян

Жизнь в сельской местности, особенно на севере, течет в соответствии с временами года, которые ясно обозначены в большей части Японии. Природа и смена времен года - постоянные темы японской поэзии, поскольку японцы очень чувствительны к их проявлениям. Весна, туманная и мягкая, с ласковыми дождями, узнается по цветению сливы, вслед за ней расцветает вишня - это сезон обновления, возмещаемый свежей зеленью молодой листвы, в то время как чуть позже опадание вишневого цвета придает пейзажу меланхолическую ноту с напоминанием, что как лепестки цветков осыпаются от ветра, так конечна и жизнь человека. Лето, идеальное время для выращивания риса, считалось неэтичным - это сезон, который нужно перетерпевать, наслаждаться тут нечем: жара, зной, проливные дожди, сопровождаемые тайфунами. Осень, наоборот, блаженная пора, самый поэтический, самый «японский» из всех сезонов; ясная сухая погода приносит облегчение после жары и проливных дождей. В деревне конечно же это время урожая, но и перемен, увядания; его символ - прозрачная капля росы на уже покрасневшем кленовом листе. Хотя зима длится недолго и на юге почти без осадков, большая часть территории страны в это время представляет собой заснеженный пейзаж. Японцы героически выдерживают этот период - ведь их дома не слишком приспособлены для защиты от холода. Однако при всех своих недостатках погода в Японии имеет важное преимущество: она достаточно предсказуема, так что сельскохозяйственные работы редко задерживаются. Это не означает, впрочем, что японскому крестьянину нечего опасаться: время от времени на островах случаются засухи, а возникновение и точный курс тайфунов в конце лета не всегда можно предвидеть.

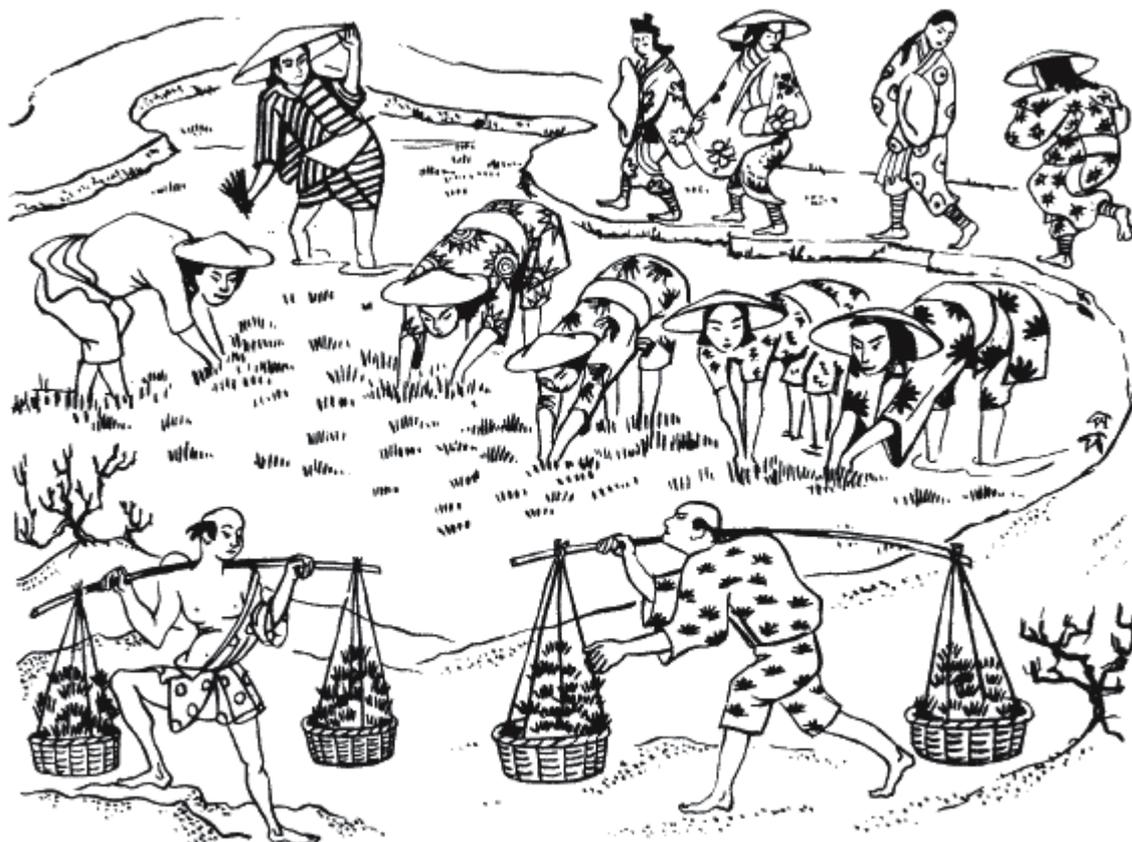

Рис. 20. Посадка риса. Мужчины носят рассаду с грядок, а молодые женщины ее высаживают

Первый этап в цикле производства риса состоит в подготовке грядок для рассады в мае[30].

По различным причинам рис не высевают непосредственно на место, где он должен расти, а выращивают рассаду на специальной грядке для последующей пересадки. Этот способ, экономящий семена и время выращивания, дает возможность сконцентрировать сеянцы на небольшой площади, где за ними легко ухаживать, и предоставляет культурам на основных полях больше времени для созревания. Подготовка грядки для рассады состоит во вспашке земли с помощью животных, если таковые имелись в наличии: лошадей, более распространенных в Восточной Японии, и волов - в Западной. Иногда вскапывали вручную, добавляя навоз и добиваясь ровной поверхности. Вода в поля поступала самотеком по специально проложенным каналам или по бамбуковым трубкам. В равнинных областях воду поднимали с помощью механических средств: водяных колес, если поток был достаточно быстрым, шаговых рычагов или других устройств, где поток был медленным.

Семена, сохраненные от прошлогоднего урожая, часто проращивались перед посевом, их замачивали в соломенных тюках, где хранили, подвешивая в воде пруда, а потом раскладывали на солнце. Их разбрасывали на подстилке на берегу и присыпали землей. Для того чтобы рис пророс иногда до 12 дюймов, требовалось сорок дней.

Рис. 21. Три способа подачи воды с помощью коленчатого рычага, колеса и архимедова винта. Обратите внимание на насыпь наверху: девушка несет закуски и освежающие напитки

Рис. 22. Процессия сельчан, несущих факелы, бьющих в барабаны, звонящих в колокольчики, дующих в раковины, движется к храму, узнаваемому по характерным воротам (тории) с изображением Санэмори

Рис. 23. Молотьба. Мужчины подносят и подвозят на воле снопы, а потом подвешивают их на рамы для просушки. Некоторое количество рисовых зерен обмолачивают цепями, в то время как женщины обдирают рис. Под навесом двое мужчин отделяют зерна от шелухи с помощью устройства, управляемого веревками

Основные поля вспахивали или вскапывали, чтобы избавиться от оставшихся стеблей и сорняков, а затем вносили удобрения: растительный компост, пепел, ил и грязь из канав. Если поле не было уже покрыто водой естественным способом, такая обработка могла производиться и на сухом, но в любом случае его заливали водой перед посадкой. Посадка риса была одним из знаменательных событий года. Ее организовывали как совместное действие представителей от пятидворок. Сеяли обычно молодые женщины, возможно, потому, что они были более ловкими, но в основном из-за поверья, что их потенциальная плодовитость как рожениц будет передаваться рису. Они работали рядами, обычно продвигаясь через поле в обратном направлении, но иногда вперед, вдавливая корни растений через равные промежутки в мягкую грязь. Рассадку с грядок брали более опытные работники, чтобы избежать повреждения корней; ее связывали в пучки и разбрасывали по полю, а сеятели подбирали. Важной обязанностью хозяина было предоставление еды, и на картинах посадки риса почти всегда изображают молодую девушку, несущую закуски и освежающие напитки.

Рис. 24. Обдирка риса. Два способа получения рисовых зерен из соцветий

Такая работа очень утомительна и требует слаженности, быстроты и выносливости; крестьяне постоянно гнули спины на полях, а в минуты отдыха пели песни и танцевали под музыку, чтобы прогнать усталость, задать ритм, отметить сезон выращивания урожая. Некоторые из таких музыкальных произведений очень древние и положили начало классической драме Но за несколько столетий до XVII века.

С завершением посадки риса поля обретали свой характерный вид: покрытые водой, отражающей небо, и испещренные зеленью молодых рисовых побегов. Затем все поле становилось светло-зеленым, а воду не могли скрыть растения и пленка ряски. Там размножались лягушки, и воздух был заполнен их кваканьем. Междурядья нужно было рыхлить, чтобы избавиться от сорной травы, насыпи тоже требовали внимания - чтобы не давать им осыпаться, необходимо было поддерживать уровень воды.

Это было время, когда возникали споры из-за воды, особенно если осадков выпадало ниже нормы. Какой-нибудь крестьянин мог отвести воду на свое поле или открыть запруду на поле, расположенном выше, чем его собственное, и подобное приводило к ожесточенным взаимным обвинениям.

Вообще-то за время от высадки до сбора урожая рис не требует большого внимания. Однако были годы, когда насекомые-вредители наносили достаточно большой урон, а в некоторых областях фактически губили урожай на корню. Где-то в конце июля наступал момент, когда нашествие саранчи и других вредителей было наиболее вероятным, и это было беспокойное время. Существовали различные средства, некоторые состояли в отпугивании и поимке вручную летающей саранчи. Одно очень эффективное средство, открытое, по-видимому, на Кюсю, предотвращало наихудшие разрушительные действия; оно состояло в нагревании китового жира вместе с уксусом, чем и опрыскивали растения. Оказалось, что китовый жир можно было заменить на другой; такая практика распространилась по всей Японии. Растения обрызгивались этой жидкостью с помощью соломенных метелок. Еще одно средство основывалось на совершенно иных принципах, а именно на магии. Соломенные чучела личинок, наносящих вред урожаю, или человеческие фигурки, олицетворяющие злого или доброго духа, которого просили забрать с собой насекомых, обносили вокруг полей. Сельчане несли горящие факелы, звонили в колокольчики и били в барабаны. Чучела бросали в реку, чтобы их унесла вода, сжигали или уничтожали каким-либо другим способом. Чучело в виде человеческой фигурки часто называли Санэмо-

ри в память воина, погибшего в древних междоусобицах XII века[31]. Летом крестьяне возносили молитвы богам, которые могли напоить землю дождем, либо пытались умиловать злых духов, наславших засуху.

В конце августа или в сентябре рис зацветал и был готов для сбора в октябре или в начале ноября - в зависимости от климата местности. Обычно зима не наступает в Японии до конца декабря, поэтому ноябрь - еще осень, с безветренной погодой и разноцветной листвой в лесах, а морозы, которые были бы губительны для риса, еще не наступали. Осенью, пока созревал урожай, вода на полях испарялась или утекала по водостокам, поэтому почва обычно затвердевала к тому времени, когда начинается сбор урожая. Сбор риса проводился вручную, серпами, и растения срезали так, чтобы оставались длинные стебли; их связывали в пучки или небольшие снопы, обязательно хранили в круглых стогах или подвешивали сушиться вниз соцветиями на веревки, натянутые между деревьями. В начале эпохи Токугава зерна риса обдирали (технический термин «мыкать» или «прочесывать»), протягивая растения между двух палок или даже ударяя о край лохани. Позднее придумали некое зубчатое устройство, через которое протягивали растения, чтобы отделить зерна. Цепы, как те, какими пользовались на Западе, - с деревянным бруском, укрепленным с помощью шарнирного соединения на верхнем конце шеста, - в Японии в то время существовали, но, по-видимому, использовались скорее для обмолота других зерновых, таких как ячмень или пшеница. Зерна, которые были содраны с растений, затем провивали, зачерпывая плоской корзиной и подбрасывая в воздух. Получали коричневый рис с оболочкой, известный как «гэммай» - «черный рис». Именно на этой стадии отбирали нужное количество семян для посева на следующий год и откладывали про запас. И именно гэммай составлял большую часть рисового пайка, который получали самураи, после того как рис сортировали вручную и упаковывали в бочкообразные тюки из рисовой соломы двойной толщины, чтобы свести потери к минимуму.

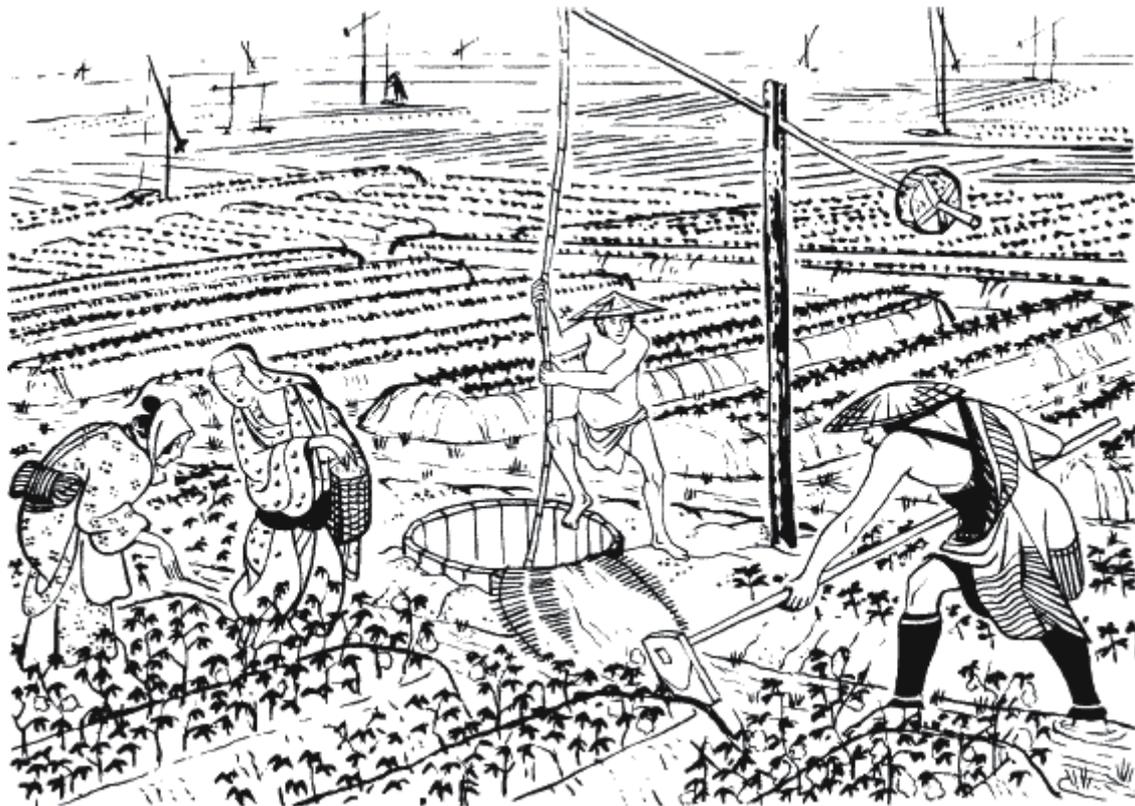

Рис. 25. Выращивание хлопка требует много воды, и на полях обычно множество колодцев

Другие культуры выращивались либо на специально отведенных участках по краям рисовых полей, либо на насыпных грядках в виде полос на этих же полях. Среди злаковых, отличных от риса, были такие, которые очень напоминали пшеницу и ячмень, - те, что известны нам сегодня (они и тогда тоже использовались в пищу в качестве дополнения к рису как главному продукту питания и в производстве некоторых продуктов, таких как соевый соус). Хлеб не был известен за пределами Нагасаки, где пшеничная мука использовалась для приготовления «катусэра» - бисквита, который предположительно появился с появлением в стране португальцев, поскольку его название, видимо, происходит от португальского слова «castella». Просо использовалось как дополнение к рису, а также для изготовления лепешек и клецек. Из гречихи делали лапшу. Все это выращивалось на сухих полях в перерывах между возделыванием риса.

Эти культуры удобряли человеческими экскрементами и мочой из выгребных ям, которые непосредственно располагались под отверстиями в полу, служившими туалетами. Транспортировка этого удобрения в городах была широкомасштабной операцией с использованием лодок, доставляющих его туда, где оно было необходимо. В сельской местности его не требовалось перевозить на далекие расстояния, а можно было переносить в деревянных ведрах на коромысле. Дороги, проходящие через деревни, были оснащены похожими на скворечники будками, используемыми в качестве туалетов для прохожих, удобно расположенными, чтобы ничего не пропадало зря. Прежде чем удобрять этим растением, содержимое выгребных ям обычно разбавляли водой, а затем выливали под корни культивируемых растений или деревьев. Носам не полагалось быть слишком чувствительными. Более серьезным недостатком использования человеческих экскрементов было распространение некоторых болезней, в частности глистов. Продукты жизнедеятельности человека в основном не использовали для удобрения риса, который нуждался в сухих подкормках, вводимых, когда готовили поля под посадку, которые растворяла или суспензировала подаваемая вода.

Среди других культур были сливы (обычно маленькие, больше похожие на терн и употребляемые в пищу в маринованном виде), хурма (фрукт вяжущий, пока не созреет полностью и не начнет отливать золотом под осенним солнцем, - тогда, высушенный на солнце, он становится очень сладким), персики (сферической формы и хрустящие) и апельсины (небольшие, похожие на мандарины микан). Обычно в хозяйствах их употребляли в пищу, но в некоторых местах, таких как провинция Кии, специализировавшаяся на апельсинах, и Косю, где выращивали виноград, землю специально оставляли для разведения этих культур в промышленном масштабе для продажи.

Чай выращивался как отдельными кустами вокруг земельного надела, так и компактно - в специализирующихся на выращивании чая местах, таких как уезд Удзи к югу от Киото.

Определенные овощные культуры, такие как гигантская редька и корни лотоса, выращивались частично на продажу. В лесах собирали грибы, дикорастущие фрукты и травы, а молодые побеги папоротника-орляка считались деликатесом.

Некоторые регионы специализировались на промышленном выращивании некоторых культур. Например, северо-западная оконечность острова Сикоку, провинция Ава, производила индиго для краски; рассаду выращивали на специальных грядках, а затем пересаживали; собирали сразу перед цветением. Его мелко нарезали и высушивали на солнце, затем полученный продукт оставляли для брожения в небольшом количестве воды. Затем его для продажи размалывали и формовали в шары размером с бильярдные.

Из конопли, обильно произрастающей в Японии, особенно там, где климат был более суровый, ткали полотно, которое шло на изготовление верхней одежды и хакама. Выращивание хлопка, видимо, началось в конце XVI века, хотя его импортировали из Китая несколько столетий. Это была непростая культура, и от крестьян требовалось значительное внимание. Хлопку требуется много воды в период роста и сухая погода после цветения - этому последнему условию отвечали только прибрежные зоны вокруг Внутреннего моря, и главный регион хлопководства, видимо, находился вокруг города Осаки. Хлопок часто

выращивали вместе с рисом, устраивая насыпные грядки на рисовых полях, либо попеременно, когда поля полностью осушались. Сбор хлопка в основном производили женщины. Одежду низшего сословия, по правительственному указу, шили только из хлопка, поэтому большую часть продукции крестьяне оставляли для домашнего употребления; прядение и ткачество были двумя самыми характерными занятиями женской части семейства.

Третьим широко используемым текстильным материалом был шелк, но крестьянам одежду из этой ткани носить не позволялось. Чаще шелковую нить получали от шелковичных червей, выращиваемых в специальных помещениях, обычно на верхнем этаже сельских домов, чем из коконов, собранных на природе, где шелковичные черви выводились на деревьях, питаясь их листьями. Выращивание шелковичных червей фактически ограничивалось главным островом. Обычная процедура состояла в том, что яйца хранились в прохладном месте всю зиму, естественно прилипшие к бумаге, на которую бабочки их откладывали в предыдущем сезоне. Шелковица (тутовое дерево), которая обеспечивала личинок едой, каждый год срубалась почти под корень, чтобы весной могла дать новые побеги, листья которых были особенно большими и сочными с середины мая. Позабывшись о том, чтобы листьями можно было воспользоваться в нужное время, крестьяне выносили яйца из прохладного хранилища и раскладывали бумагу в специальных помещениях, которые должны быть сухими, с доступом свежего воздуха и без прямых лучей солнца. Как только появлялись личинки, их переносили на подстилку из измельченных листьев - либо по одной вручную, либо с помощью особого приема, состоящего в том, что листья раскладывали на листах бумаги с проделанными в ней отверстиями и накрывали ими яйца: личинки быстро находили путь через отверстия к листьям. Очень важно, чтобы корм был чистым и свежим. Личинок кормили до пяти раз в день, подстилки нужно было чистить по крайней мере один раз в месяц, и за это время личинки четыре раза сбрасывали свои оболочки; затем они плели коконы, прикрепляясь к веточкам или соломинкам, специально для этого предназначенным.

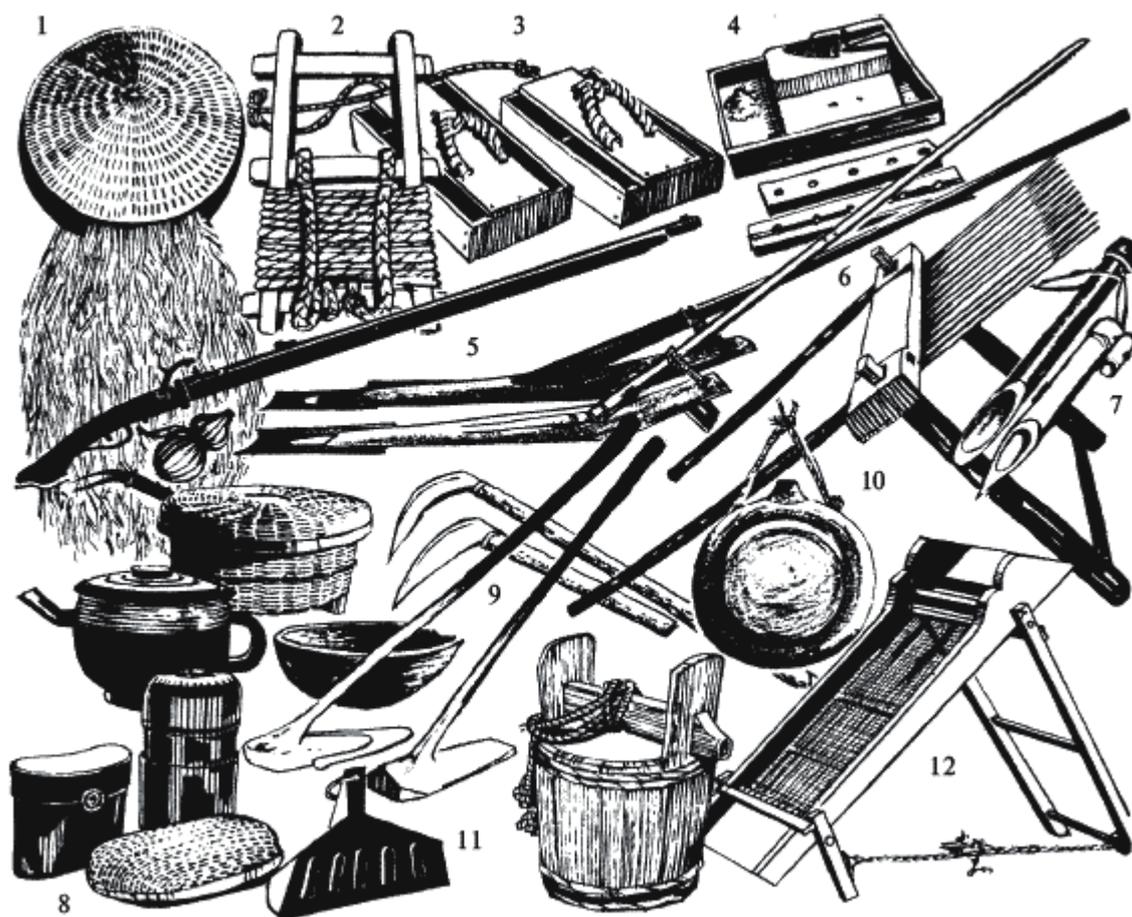

Рис. 26. Сельскохозяйственный инвентарь: 1 - соломенная шляпа и плащ от дождя; 2 - рамка для ношения грузов на спине; 3 - деревянные башмаки для хождения по рисовому полю; 4 - устройство для резки табака; 5 - ножные сошники; 6 - рама для чесания льна; 7 - бамбуковые трубочки для введения в рисовые тюки, чтобы взять образец содержимого; 8 - коробочки для еды; 9 - мотыги и серпы; 10 - бутылка для воды; 11 - трещотка для отпугивания птиц; 12 - лоток для просеивания зерна. Другие орудия труда легко узнаваемы

Для того чтобы закончилось плетение кокона, требуется три-четыре дня и еще приблизительно неделя для достижения зрелости: тогда кокон состоит из внешнего покрытия - рыхлого шелка, который нельзя размотать в виде неразорванной шелковой нити, но тогда он используется в качестве шелка-сырца или основы для стеганой одежды.

Кокон состоит из нити длиной до 500 ярдов. Лучшие коконы отбирались для разведения, бабочкам давали возможность развиваться и выбраться из оболочки, чтобы спариться и отложить яйца для следующего сезона. В процессе появления из кокона они разрывали шелковую нить, коконам же, которые будут использоваться для получения нити, не давали достигнуть этой стадии развития, а уничтожали воздействием солнца или погружением в горячую воду. Прежде чем размотать нить, кокон замачивали в теплой воде, что высвобождает наружные слои и дает возможность обнаружить конец нити. Разнообразные сорта нитей, используемых для изготовления разных по качеству тканей, изготавливали, сплетая нити из разного количества коконов.

Уход за тутовым шелкопрядом отнимал много времени и энергии у женщин, чьей обязанностью это обычно было. У бережливых крестьян ничего не пропадало: даже коконам неправильной формы или больным находили применение, несмотря на то что нить нельзя было размотать, не порвав ее.

Все описанные работы приходились на летние месяцы. За исключением случаев, когда выращивались несезонные культуры, никакой сельскохозяйственной деятельности с ноября по апрель не было. Конечно же нужно было заниматься множеством других вещей, такими как сбор сухих листьев и сучьев на растопку, заготовка корма для домашнего скота, наряду с обычными зимними занятиями, будь то изготовление или починка инструментов и утвари. Прядение и ткачество были основным видом деятельности; крестьяне также варили рисовое вино - сакэ, которое пили только по праздникам.

Ихара Сайкаку, писатель XVIII века, включил в собрание своих сочинений рассказ о складе, принадлежащем одному японскому семейству, точнее, о крестьянине, который разбогател. Образ этого крестьянина был сильно идеализирован, ему, например, приписывалось стремление к самосовершенствованию, что было неубедительно, но в рассказе повествуется о том, как может вознаграждаться добродетель. В манере, типичной для Сайкаку, вторая половина этого рассказа изображает крестьянского сына, который после смерти отца промотал наследство и довел семью до нужды. Вот пересказ первой части этого краткого повествования:

«В деревне Асахи, в Ямато, жил мелкий землевладелец по имени Кусукэ, влачивший жалкое существование. Он сам обрабатывал свою землю, поскольку у него не было волов, а его жена с первым лучом света садилась за ткацкий станок и усердно ткала пеньку. На протяжении многих лет осенью Кусукэ отмерял один и две десятых коку рисового налога, и до тех пор, пока ему не перевалило за пятьдесят лет, он исполнял обычные ритуалы в честь наступления нового года: как все, вывешивал сардинные головы и падуб в крошечных оконцах своего дома и бросал бобы для защиты от невидимых демонов, которые бродили вокруг. Как-то он собрал бобы, которые разбрасывал, и, поддавшись порыву, посадил один из них на пустыре. Тем же летом боб пророс, и получилось несколько зеленых стебельков с листиками. Осенью созрело больше двух пригоршней бобов. Эти бобы крестьянин посадил вдоль канав с водой между своими рисовыми полями, и каждый год он собирал с них урожай, который через десять лет достиг 88 коку. На вырученные от продажи

бобов деньги крестьянин велел построить большой светильник, чтобы он освещал в темноте большую дорогу Хадзэ. Он светит и до сих пор, его называют «бобовым фонарем».

Жизнь постепенно налаживается, и самые заветные мечты человека иногда сбываются. Кусукэ продолжал неустанно трудиться, чтобы хозяйство процветало. Он приобрел больше земли под рис и другие культуры и со временем стал крупным землевладельцем. В надлежащее время он уваживал свои поля и выпалывал сорняки, пускал воду на поля, чтобы колосья его риса тяжелели и наливались, а цветки хлопка становились похожими на стаи бабочек. Если он преуспел больше, чем любой другой, то это не было случайностью - он работал не покладая рук с утра до вечера так усердно, что его лопата и мотыга стесались. Он был очень изобретательным человеком, много сделал для всеобщего блага: придумал грабли с рядами железных зубьев - и у мужчин не было ничего полезнее для разбивания твердой почвы; ввел в обиход китайскую веялку и сито на тысячу коку. Чтобы обмолотить урожай вручную, требуется много времени, и он изобрел инструмент с рядом бамбуковых шипов; если раньше требовалось два работника для обмолота его урожая, теперь один мог это делать без особых усилий. Он также изготовил устройство, с помощью которого женщина за один день могла подготовить во много раз больше хлопка для пряжи, чем раньше. Он скупил снежные горы хлопка, нанял много рабочих и отправлял бесчисленные тюки в Эдо. Через четыре-пять лет он очень разбогател и стал одним из самых выдающихся торговцев хлопком в своей провинции».

Власти, несомненно, отнеслись бы к Кусукэ с большим одобрением как к примеру бережливости и непрерывной деятельности на благо всем земледельцам, но их характерное презрительное отношение к людям, от которых в конце концов непосредственно зависела и их жизнь, очень ясно выражено в некоторых отрывках из некоего постановления, которое было разослано по деревням в 1649 году (цит. по: *Сэнсом Дж.* История Японии, 1615-1867 годы. Лондон, 1964):

«Сельскохозяйственная работа должна выполняться с величайшим усердием. Посадка должна быть аккуратной, все сорняки должны быть выполоты, а на межах, как «сырых», так и «сухих» полей, следует выращивать бобы или подобные пищевые культуры, однако занимать они должны не много места.

Крестьяне должны рано вставать и срезать траву перед обработкой полей. По вечерам необходимо плести соломенные веревки и делать соломенные мешки, и всю подобную работу следует выполнять с большой аккуратностью.

Им, а также их женам не дозволяется покупать и пить чай или сакэ.

Мужчинам вменяется сажать бамбук или деревья вокруг дома и из экономии использовать упавшие листья в качестве топлива.

Крестьяне - люди, лишенные здравого смысла и предусмотрительности, поэтому они не должны давать рис своим женам или детям во время сбора урожая, а должны запасть его на будущее. Им следует питаться просом, овощами и другой грубой пищей вместо риса. Даже опавшие с растений листья следует запасть в качестве еды на случай голода... В период посадки и выращивания урожая, когда труд требует много сил, потребляемая пища может быть чуть лучше обычного.

Муж должен работать в поле, жена - трудиться за ткацким станком. Оба должны работать и по ночам. Как ни привлекательна жена внешне, если она пренебрегает своими домашними обязанностями в угоду чаепитию, либо охоча до зрелищ, либо любит бродить по склонам холмов, с ней нужно развестись.

Крестьяне должны носить одежду только из хлопка или пеньки - никакого шелка. Им не разрешается курить табак - это пагубно сказывается на здоровье, отнимает время и стоит денег, а также создает риск пожара».

Одежда из хлопка и пеньки, носимая крестьянами, отличалась от провинции к провинции до определенной степени в зависимости от состоятельности владельца, но можно сделать немало обобщений. Длинное кимоно подчас носили представители обоих полов, особенно в моменты отдыха от работы, такие как, например, участие в какой-нибудь местной

церемонии. Женщины могли носить его в доме в зимние месяцы, когда работы вне дома было немного, мужчины могли иногда носить его на работе, подвернув полы за узкий пояс, чтобы дать свободу движениям. Рабочая же одежда обычно состояла из короткой куртки и шаровар. В некоторых районах женщины надевали просторные шаровары, стянутые вокруг щиколоток, в других регионах они носили более узкие штаны, как у мужчин, но обычно с фартуком. И те и другие подпоясывались кушаками шириной пять дюймов. В жаркую погоду мужчины могли снять свои куртки и работать обнаженными до пояса или разоблачиться далее и снять исподнее, оставив на себе лишь набедренную повязку фундоси - кусок материи, проходящий между ног и закрепленный вокруг бедер; фасоны набедренных повязок тоже различались в разных местностях.

Рис. 27. Женское нижнее белье. Сборщица моллюсков выжимает нижнюю юбку

Набедренная повязка обычно была из белого хлопка, но могла быть и красной - считалось, что этот цвет отгоняет демонов. Женщины носили нижнее белье, похожее скорее на короткую юбку, но не делали никаких уступок жаре, разве что слегка ослабляли свою одежду, стянутую кушаком.

Одежда для холодов состояла из штанов и наручей от локтя до кисти, последние с клапаном, чтобы прикрывать тыльную сторону руки. Соломенные сандалии были обычной обувью, но башмаки на деревянной подошве (гэта) с высокими подставками носили для хождения по грязи или во время легкого снегопада. В районах на севере и востоке зимой толщина снега составляла несколько футов[32], и тогда надевали башмаки из соломы либо обувь с ластообразными подошвами и даже примитивные лыжи, которые были в обиходе. Похожую ластообразную обувь иногда носили, чтобы не слишком сильно увязать в грязи на рисовых полях, хотя по некоторым полям было гораздо удобнее передвигаться в плоскодонках, даже для посадки. Чтобы уберечься от дождя или снега, сельские жители надевали плащ из сшитой по всей длине соломки с капюшоном или коническую соломенную шляпу, последняя защищала летом от солнца. По фасону и украшениям эти предметы одежды от местности к местности сильно отличались.

Основной пищей крестьянской семьи, как предписывалось указом, был не выпаренный рис, который ели самураи и богатые горожане, а нечто вроде каши, состоящей в большей мере из проса или, возможно, небольшого количества ячменя или пшеницы.

Рис. 28. Крестьянские дома с характерной формой кровли

Заправляли эту кашу зеленью, овощами и гигантской редькой, маринованной в жидкости от рисовых отрубей, лежалыми фруктами, которые было уже невозможно продать, а также обрезками сушеной рыбы, чтобы придать вкус и добавить незначительное количество белка к основному углеводному рациону. Рисовые поля в зимние месяцы привлекали множество диких птиц, представители которых могли попасть в горшок, несмотря на буддийский запрет лишать жизни живые существа; рыба из ручьев также служила деликатесом. Говядину и конину никогда не ели, хотя шкуры умерших животных продавали. Запрет есть говядину основывался на особом буддийском принципе, по-видимому имеющем отношение к священным коровам Индии, но был усилен необходимостью держать скот для работы в хозяйстве и лошадей для военных целей.

С образом крестьянской жизни была тесно связана конструкция домов и тоже значительно варьировала в зависимости от местности, отчасти вследствие климатических условий, а отчасти - местных обычаев и общественной организации, но было много общих черт. Например, все дома состояли из деревянных рам с крутыми крышами и свешивающимися карнизами, чтобы в сильный дождь вода скатывалась с них. Карнизы обычно выступали над верандой, в то время как стены комнат часто бывали скользкими или съемными, обеспечивающими свободный поток воздуха в жаркое, влажное лето. Крыша была из соломы, тростника или хвороста, иногда из щепы или даже черепицы. Чаще всего это были одноэтажные дома, но в шелководческих районах очень часто под кровлей находился верхний этаж для выращивания шелковичных червей. В некоторых областях Центральной Японии, таких как древние провинции Хида и Эттю, семьи были многочисленнее из-за более крепких родственных связей, чем где-либо еще, и дома были, как правило, большие, в три или даже четыре этажа, с очень островерхими кровлями.

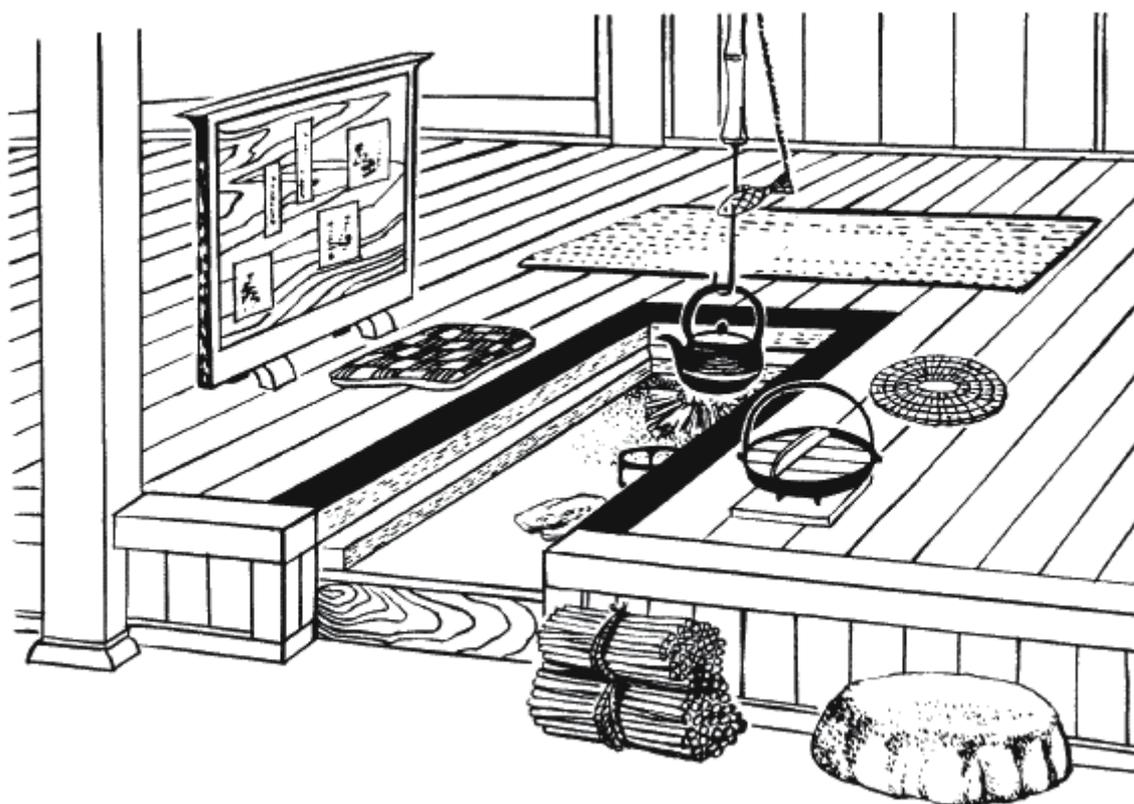

Рис. 29. Типичный очаг. Ширма оберегала спину гостя от сквозняков. Глава дома сидит на прямоугольной циновке со своей женой (на круглом татами напротив гостя). Округлый чурбан на переднем плане - это порог, у которого снимают уличную обувь

Озабоченность японцев чистотой проявлялась в том, что первый этаж дома четко делился на места, где можно было оставаться в уличной обуви и куда нельзя было в ней ходить. (Между прочим, самым большим оскорблением было ударить кого-то сандалией или башмаком на деревянной подошве.) Утопанный земляной пол у входа или там, где делали грязную работу, считался продолжением улицы за домом, и ступить на деревянный пол жилой комнаты означало снять надетую обувь и снова сунуть ноги в поджидающие сандалии или гэта. Очень часто этот земляной пол проходил через весь дом от фасада до задней части с пространством справа, занятым под кладовую или в более холодных местностях - под хлев, открытый остальной части дома, чтобы за лошадью можно было присматривать, не выходя на улицу в зимнюю стужу, а животное могло согреться. В помещения задней части дома можно было попасть по тому же земляному полу, и они состояли из чуланов для инструментов и утвари и помещения при кухне для мытья посуды со специально отведенными местами для мойки овощей. Вода подавалась в деревянный желоб либо по бамбуковой трубке из ближайшего ручья, либо ее носили в ведрах. Там также могла находиться печь для варки зерна, из которого и состоял обед, хотя не всегда в задней части дома. В таком доме слева от коридора с земляным полом находился очаг, который был средоточием жизни в доме: он давал тепло и возможности для приготовления пищи и именно тут обитатели дома принимали пищу. На рисунке 29 коридор с земляным полом находится на переднем плане, а возвышающийся настил - это жилая площадь с очагом в виде углубления. Топливом было дерево или какое-либо другое растительное горючее вещество, дым от которого поднимался до потолка и выходил наружу, иногда через отверстия или решетку по бокам конька крыши.

Место у очага указывало на положение в семье, и каждому отводилось строго определенное место. Глава дома, то есть старший дееспособный мужчина, дед маленьких детей, всегда занимал место лицом к коридору, а его жена сидела (или, скорее, стояла на коленях) лицом к входу в дом. Другое постоянное место находилось напротив жены и предназ-

началось какому-нибудь почетному гостю. Если крестьянин был важной персоной, такой как староста деревни, позади гостевого места могла быть комната для приемов, то есть в передней части, с отдельным входом, через который посетитель в ранге самурая мог войти по делу. Такой важный гость не унизит себя сидением у очага, но останется в комнате для приемов, и ему предложат угощение там, хотя нет никакой уверенности, что он соблаговолит его отведать. Если гостей не было, тогда это место занимал старший сын или муж старшей дочери. Другие мужчины - младшие сыновья и наемные работники - рассаживались где попало в конце напротив главы, но остальные женщины, включая жену старшего сына, готовили еду, подавали на стол, убирали посуду и закусывали в помещении при кухне для мытья посуды, либо после того как остальные закончат трапезу, либо даже (если ждала работа) им приходилось поспешно перекусить, сидя на пороге, оставаясь в коридоре, не снимая обуви.

Вокруг очага находились немногочисленная утварь, такая как треножник и несколько кочерег, пара железных брусков, которые служили в качестве щипцов, а самое характерное - крюк, подвешенный над очагом, на котором висел чайник или котел, регулируемый по высоте и удерживаемый на месте зажимом, часто в форме рыбы (она иногда считалась обиталищем домашнего бога огня).

Обстановка других комнат в доме зависела от материального благосостояния семьи. Пол в гостиной обычно застилался несколькими соломенными циновками - татами[33] или подушками для сиденья - дзабутон - для главных в семье. Если семья не была нищей, жена главы могла иметь небольшую собственную комнатку с толстыми циновками в качестве полового покрытия: на них мягче было сидеть и удобнее спать. В семье могли жить и представители старшего поколения, все еще обладающие большим влиянием, хотя и удалившиеся от активного управления делами, у них тоже была отдельная комната; старший сын с женой и детьми также мог иметь комнату. В доме, сохранившемся в городе Такаяме, провинция Хида, такая комната больше походила на большой буфет под острой пирамидальной крышей. Там обычно спали слуги - сколько поместится. Кроватей, таких, какие были известны в Китае или на Западе, не было. Японцы спали, а большинство из них до сих пор спят на матрасах футон[34], расстеленных на полу, по одному на каждого, поскольку чего-либо наподобие двуспальной кровати не существовало. Маленькие дети спали со своей матерью, до тех пор пока не выросли настолько, что им требовался отдельный тюфяк. Эти футоны, толщиной редко превышающие один-два дюйма, днем хранились в стенном шкафу. Вместо подушек использовались деревянные подголовники, иногда подбитые ватой или волосом, которые клали под шею. Конечно, самураи спали точно так же, но с более роскошными постельными принадлежностями. В сельских домах, где было много слуг, имелись спальни или даже отдельные комнаты, расположенные, как для самураев младших рангов в приамковом городе, в помещении сторожки над большими воротами.

Главе дома конечно же подчинялись все члены семьи. Жена могла оказывать на него значительное влияние, но делалось это очень осмотрительно и с глазу на глаз. Обычно брак между детьми из состоятельных домов был результатом переговоров двух посредников, или поручителей, - наकोдо, мнения и чувства жениха и невесты при этом не учитывались; преимущества союза между двумя семьями были важнее. Невеста приносила с собой приданое и то, что можно было назвать содержимым ее нижнего ящика в шкафу, - постельные принадлежности и одежду. Брак был освящен церемонией, руководимой поручителями, которая включала церемониальное распитие трех чашек (теко) сакэ - сан-сан-кудо. Среди людей бедных или даже нищих выгода для семьи не столь принималась во внимание, и браки были, скорее всего, случайны и скорее зависели от чувств, которые молодые люди питали друг к другу. В некоторых деревнях были дома, предназначенные для молодых, где они могли жить совместно, иногда юноши вместе с девушками, и в таких обстоятельствах пары часто образовывались и часто распадались; постоянные связи могли возникать или по любви, или из-за беременности девушки. Весьма вероятно, что на этом

уровне брачный союз не признавался до тех пор, пока не появлялся ребенок. К тому же было довольно просто избавиться от жены, особенно если она была бесплодной: мужу нужно было только отправить ее назад в дом родителей со всеми ее пожитками.

Юная невеста из более состоятельного дома вряд ли очень хотела жить в доме своего мужа, не говоря уже об удовлетворении от исполнения своего супружеского долга. Многие домашние дела, которые были обязанностью ее свекрови, теперь ложились на нее. Часто свекровь получала возможность вести праздную жизнь, заставляя невестку в дополнение к непосредственным обязанностям, требующим больших усилий, исполнять еще и обязанности служанки: причесывать ее, массировать ей плечи, когда та жаловалась на усталость; невестка конечно же обязана была заботиться и о своем муже - от добывания лакомств ему на обед до исполнения гигиенических процедур: чистки ушей[35], мытья ему ног, когда он возвращался домой после грязной работы. Рождение сына освобождало ее от некоторой части наиболее тяжелой работы, но можно предположить, как она мечтала о том дне, когда сама станет свекровью.

Земля обычно наследовалась старшим сыном, и участь младших зачастую оказывалась бедственной - ведь они были вынуждены работать на своих братьев или на других крестьян. Одним из выходов для них было переселиться в растущие города. Когда сыновей не было, в семью принимали зятя - мужа старшей дочери. С юридической точки зрения происходило формальное усыновление. В таком браке господство мужа над женой могло быть не столь заметным; усыновленный зять был традиционно скромной фигурой.

Точно так же как в каждой семье была иерархия, так и сама деревня имела четкие сословные границы. В великой переписи (аратамэ) 1582-1598 годов Хидэси зарегистрировал землевладельцев, и, когда власть перешла к Иэясу, тот ничего не сделал, чтобы изменить систему переписи. Крестьяне, имена которых оказались в ней, образовывали сословие хонбьякусе - «земледельцев по рождению»; они часто были потомками старых родов землевладельцев-самураев, которые предпочли вложить меч в ножны и стать настоящими крестьянами. Самые большие дома в деревне принадлежали им, и их семьи конечно же придерживались официальных свадебных обычаев, в их подчинении были малоземельные и безземельные крестьяне, живущие в небольших собственных домах либо в домах своих хозяев, и имели очень невысокое общественное положение, будучи вассалами землевладельцев. Их имена не появлялись в налоговых реестрах, они не имели права присоединяться к различным общественным группировкам в структуре деревни. Тем не менее в такой упорядоченной стране, какой была Япония, эти люди не должны были оставаться незафиксированными, и регистрация делалась с помощью религиозного реестра. Когда христианство стало считаться незаконным, каждая семья должна была отметиться в качестве прихожан в буддийском храме, и каждая деревня должна была составлять ежегодный отчет обо всех своих жителях, включая слуг и женщин, с указанием их конфессиональной принадлежности, где заявляется, что проверен каждый человек каждого ранга и что никаких людей, исповедовавших христианство, не обнаружено. Этот отчет подписывался главным священнослужителем храма - каннуси и деревенскими чиновниками.

Каждый человек имел свое место в структуре деревенского сообщества, что характерно для Японии. Хонбьякусе должны были образовывать группы из пяти дворов - так называемые пятидворки[36] с назначением одного человека представителем от остальных. Вся группа брала на себя ответственность за налоги ее членов, а также могла понести наказание за провинности любого двора из пяти. Они должны были подписывать ежегодное обязательство не давать убежища преступникам. Все пятидворки подчинялись деревенскому старосте - камадо, который стоял во главе деревенского чиновничества и должен был отвечать перед чиновником округа, куда входила его деревня. Пост старосты очень часто наследовался, но иногда назначение осуществлялось или по выбору самого господина, или с господского одобрения по выбору прежнего старосты, или в некоторых случаях выборами, в которых участвовали главы семей. Существовали посредники между пятидворками и старостой, которые выступали в качестве его помощников и избирались либо им

самим, либо выборами из глав пятидворок. Существовал еще один деревенский чиновник, известный как «крестьянский представитель», который вел переговоры от их лица, передавал им указания, а также в некоторых случаях, по-видимому, выполнял обязанности своего рода полицейского при старосте. Староста часто принадлежал к одной из старейших семей в округе, возможно, той самой, члены которой основали деревню и предпочли сменить меч на орало. Его положение среди сельчан и среди господских представителей было иногда незавидным: в некоторых деревнях он становился слишком усердным исполнителем господской воли и инструментом угнетения, но время от времени он оказывался во главе движения протеста с риском для жизни, и даже бывали случаи, когда старосту казнили за проступки его односельчан.

Рис. 30. Голод. Крестьянин объясняет сельскому чиновнику и буддийскому монаху (с четками), что, хотя у его умершего соседа имелись деньги, купить на них еды было невозможно

Общественные связи между сельчанами часто описывались как отношения «родители - дети». Так, хонбякусе был отцом и своим, и любимым приемным детям, но также «отцом» слуг и безземельных чернорабочих, которые трудились на него. Он имел полусыновние отношения с главой своей пятидворки, а через него - и с самим старостой. Он мог искать защиты и расположения у своих «отцов», но должен был помогать им, выполняя их решения и исполняя соответствующие ритуалы, такие как оказание почтения, сопровождавшегося подарками на Новый год. Он также платил обычный сыновний долг - сяо[37] своим настоящим или приемным родителям и тем, кто был накомдо на его свадьбе.

Назначение старосты предполагало либо оплату, либо освобождение от налогов, а взамен он не только нес большую ответственность, представляя деревню, но также был вынужден иметь дело с большим объемом бумажной работы. Ежегодные отчеты, такие как религиозный реестр и обязательства пятидворок, требовали его внимания, одна копия оставалась в конторе, а еще одна передавалась чиновникам; затем были еще бумаги, связанные с разными событиями, такими как проезд через деревню дайме по пути в Эдо или из него или какого-то придворного аристократа по пути в великий храм по официальным делам. В подобных случаях ему полагалось позаботиться, чтобы дорога была выметена и по-

сыпана песком, проследить, чтобы было предоставлено необходимое число носильщиков, предложены достойные закуски и освежающие напитки и так далее. Обычно крестьяне сами вели отчетность, но с течением времени старосты стали брать с них денежную плату за этот труд и за продукты и нанимать писарей: мелких землевладельцев, младших сыновей и других вассалов, которые жили в большинстве деревень; иногда нанимали специальных подрядчиков. Все время была необходимость в копировании инструкций и ведении картотеки копий, передаче оригиналов в другую деревню, и, в общем, нужно было полностью справляться с бюрократическими требованиями.

Самой большой обязанностью камадо был сбор налогов. С регулярными интервалами проводилась перепись деревенской земли, учитывались площадь рисовых полей, их продуктивность, площади, отданные под жилища, размер «сухих» полей и урожая, продукты, получаемые с земель, покрытых лесом, любое изменение в землепользовании: освоение пустырей, превращение в пустыри ранее плодородной земли. Брали образцы зерновых и на основании этого принимали решение о количестве риса и размере взимаемых налогов. Обычно брали около 40-60 процентов от вычисленного урожая риса вместе с денежными выплатами, представляющими другие продукты. Отношение чиновников в целом было таково, что они считали: крестьянин пойдет на все, лишь бы обмануть их, - поэтому соломенные тюки должны были быть двойными, чтобы не просыпалось ни зернышка, а к тому же изымался определенный процент риса, чтобы восполнить потери во время его перевозки.

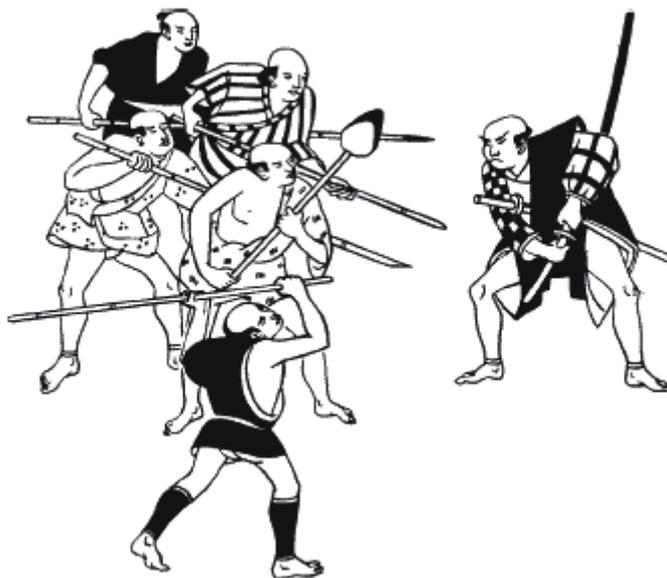

Рис. 31. Крестьянский бунт. Крестьяне, вооруженные бамбуковыми шестами, копьями и лопатой, нападают на самурая

По различным причинам, таким как потрава урожая насекомыми, сильная засуха в сезон дождей или разрушения, вызванные тайфуном как раз в момент созревания риса, мог случиться неурожай, и крестьяне были не в состоянии выплатить налоги. При таких обстоятельствах владелец большой усадьбы и значительных ресурсов обычно прощал плату части или даже всего налога и, даже если его запасы позволяли, раздавал рис голодающим крестьянам. Однако были землевладельцы, которые не могли этого сделать и попадали в затруднительное положение, не получая достаточно риса, чтобы накормить своих слуг. Если их крестьяне не могли уплатить рисовый налог, они настаивали на выплате денежного эквивалента, а если у крестьян не было и денег, они вынуждены были занимать деньги в счет будущих урожаев, причем с непомерными процентами[38]. Такой господин с трудом мог прокормить своих людей даже в обычные годы и взимал денежный эквивалент

рисового налога в начале летнего сезона: тогда крестьянин был вынужден закладывать ростовщику свой урожай, зачастую не только текущего, но и будущего года.

Когда дела принимали такой плохой оборот, крестьянин, естественно, задумывался о том, чтобы бросить свою землю и двинуться куда-нибудь в поисках работы или в более благоприятные провинции, или в развивающиеся города. Продажа или отказ от земли были строго запрещены, но, видимо, бывали случаи, когда запрет нарушался. Было предписано, что крестьянин должен был получить разрешение от своего синтоистского храма, прежде чем он покинет свою деревню. Если крестьянин оставлял свою землю или не обрабатывал ее по какой-то причине, пятидворка или деревня должны взять ее себе и обрабатывать, чтобы обеспечить доход. В то же время феодалы прикладывали большие усилия, для того чтобы увеличить свои доходы за счет освоения или нарезки новых полей, но испытывали значительные трудности в поиске тех, кто стал бы их обрабатывать. Использовались всяческие уловки: давали новые надельные участки, чьи были плохого качества, выдавали людям денежное вознаграждение или сакэ, чтобы они взяли землю, или даже, по некоторым сведениям, тех, кто был разоблачен как любовник замужней женщины, обязывали возделывать новые поля, по-видимому, в качестве наказания.

Крестьяне, таким образом, постоянно испытывали нужду в деньгах, и, если не получали хорошего урожая на продажу и не могли оставить свою деревню, им приходилось искать другие способы получить деньги. Многие были вынуждены продавать своих дочерей в рабство - именно так в бордели и районы развлечений поставляли женщин. Отец получал ссуду от владельца заведения, где содержат гейш, называемое «оки-я», в обмен на ее услуги на протяжении нескольких, обычно не менее 10 лет. В конце срока девушка могла бы вернуться домой, однако очень часто отец был вынужден продлевать срок, чтобы получить еще один заем. Посторонний, желающий выкупить девушку, чтобы сделать своей наложницей или невестой, мог возместить деньги, ссуженные отцу. Иногда муж мог продать и свою молодую жену, чтобы обеспечить пропитанием себя или своих родителей. Хотя в отдельных случаях это бывало для кого-то большим горем, подобная практика в основном не порицалась, поскольку это считалось одним из способов служить своим родителям; весьма вероятно, что подавляющее большинство девушек считали, что новая жизнь, по крайней мере, не хуже той, что они вели дома. Если в конце концов девушке удавалось вернуться домой, она могла пользоваться большим спросом как жена из-за приобретенного опыта, который она обрела в оки-я.

Сыновья тоже пытались облегчить материальное положение семьи, временно работая в приамковских городах и оставаясь там после окончания договора или даже сбежав в Эдо или Осаку, чтобы больше не зависеть от своей семьи. В начале XIX века уменьшение населения в сельской местности достигло такого размаха, что центральное правительство бакуфу осуществляло насильственное возвращение домой таких беженцев.

Другим способом уменьшить число ртов было широкое распространение детоубийств и абортных. В сельских районах, по-видимому, первое было более распространенным, возможно, потому, что пол ребенка невозможно было определить заранее, младенцев, особенно девочек, убивали при рождении. В различных округах предпринимались попытки контролировать такое «прореживание посевов» - как это называлось - требованием, чтобы обо всех, кто ждет ребенка, сообщалось, а за ходом беременностей следили, выдавая поощрительные деньги при рождении ребенка, но в общем и целом такой контроль был неэффективен.

Время от времени обстоятельства принуждали сельчан прибегнуть к коллективным выступлениям за улучшение своего положения. Конечно, это считалось незаконным, но время от времени протесты все равно вспыхивали. Иногда крестьяне пытались жаловаться на деревенского чиновника или добиваться снижения налога; есть сведения, что однажды люди были тайно оповещены и сбор происходил ночью на берегу реки (единственное подходящее открытое место), где представители различных деревень согласились непосредственно обратиться к властителю, что само по себе являлось незаконным, поскольку игнори-

ровались надлежащие пути. К несчастью для них, присутствовали шпионы старосты одной из деревень и сообщили ему о сборище. Сельчанам пришлось послать письмо через старосту двум самураям с очень неискренними извинениями за свой проступок с повторяющимися обещаниями не делать больше ничего подобного и с просьбой вступить за них. В некоторых других случаях, если считалось, что обычный путь через старосту будет неэффективным, предпринималась попытка послать жалобу или прошение с именами сельчан с их печатями, расположенными по кругу, чтобы скрыть имена зачинщиков.

Когда мирный протест не действовал и положение дел становилось все безнадежнее, сельчане объединялись и поднимали вооруженное восстание, хотя единственное, что было в их распоряжении, - это сельскохозяйственные орудия. Известно, что на протяжении рассматриваемого нами периода произошло около 1500 крестьянских бунтов, начиная с небольших, вспыхивавших в одной деревне, и кончая теми, в которых принимало участие более двухсот деревень. Это случалось в среднем шесть раз в год, вести о таких волнениях разносились повсюду, и мятежные мысли, должно быть, возникали у многих, хотя повсеместным явлением деревенские бунты назвать было нельзя. Одной из главных особенностей таких восстаний было то, что протест в эпоху Токугава был направлен не на свержение существующего режима или местного властителя, а на устранение несправедливостей, таких как притеснения определенных чиновников или настойчивое требование уплаты налогов в неурожайный год. Сельский житель, по-видимому, считал, что в бунте стоит принимать участие лишь при условии, что кто-то другой его организует, а он присоединится к толпе и выплеснет свое негодование, сломав несколько дверей или устроив поджог пары домов в призамковом городе, а возможно, забравшись на склад риса либо вскрыв несколько бочек сакэ. Был очень реальный шанс, что его требования будут выполнены. Сами беспорядки были, по-видимому, бескровными, самураи старались не попадаться на пути бунтарей и почему-то довольно неохотно открывали огонь по толпе из замка.

Тем не менее наказание зачинщиков бунтов было часто суровым. Например, в одной местности на севере Японии в 1745 и 1746 годах был неурожай риса, и к началу 1747 года его там совсем не стало. Местные власти не разрешили купить рис в других местах, и тридцать три деревни взбунтовались, выдвинув ряд требований. Эти требования были удовлетворены, и вдобавок крестьяне получили значительную сумму денег и рисовые пайки. Но затем начались репрессии. Главари были арестованы, и у них было получено признание под пыткой. В итоге пятеро главарей были казнены, а некоторые их родственники отправлены в ссылку. Семнадцать крестьян и четверо глав пятидворок были наказаны большими штрафами, но было ясно, что большинство из тех, кто принимал участие в бунте, получили лишь выгоду. В народной памяти и в пьесах зачастую звучали мотивы, что главари таких восстаний шли на крайние меры, целиком отдавая себе отчет, что все может закончиться для них смертью, но они считали, что общественная польза оправдывала их жертву.

В большинстве литературных произведений того времени крестьянин изображен грубым, бескультурным созданием, немногое говорило в его пользу. Однако следует понимать, что это в основном писалось для горожан, которые считали себя умными и прогрессивными, были уверены в том, что только они знают, как надо жить, и презирали деревенщину. Самураи считали крестьян чаще всего почти преступными элементами. Ясно, что крестьянин старался изо всех сил скрыть истинные размеры урожая риса и соответственно налога, а инспекторы, несомненно, были им подкуплены или обмануты, чтобы не включать в реестр новые земли. Иногда окружная администрация была достаточно ленива, чтобы проводить перепись, поэтому процент налога, действительно собранного, был меньше надлежащего. Таким образом, мнение, что крестьяне всегда имеют достаточно риса для еды, могло быть и недалеким от истины, но ведь частота бунтов и поступки против человеческой природы, такие как детоубийства и продажа детей, определенно говорили о том, что жизнь многих крестьян была очень тяжелой.

Однако в каждой деревне наступало время, когда люди развлекались. В Новый год каждый из нижестоящих посещал своего покровителя; в это время года приносили с гор и устанавливали у ворот небольшие сосенки и круглые рисовые колобки, приготавливаемые из особо клейкого риса, подносили различным богам - дома, очага или кухни, - а также духам предков, которым был посвящен домашний буддийский алтарь; само собой разумеется, они поедались в большом количестве детьми и взрослыми.

Рис. 32. Головы кукол, датирующиеся XIX в. В самом низу с вращающимися глазами и подвижными бровями мужская голова

Имели место всевозможные ритуалы, которые считались почти синтоистскими, и вряд ли находилась деревня, которая не ожидала бы с нетерпением каких-нибудь захватывающих событий, и даже на севере, где зимы снежные, появлялись странные дикие люди, которые могли ворваться в дома и напугать детей, если их не усмирят угощением.

В деревенском синтоистском святилище, которое часто служило обиталищем бога или духа предков старейшего семейства, обычно происходили какие-нибудь танцы - плодородия или охотничьи - либо разыгрывалось действие, мифологическое по содержанию, перемежаемое комическими непристойными плясками, исполняемыми молодыми мужчинами, и тогда на празднество являлась вся деревня. Наверное, самым популярным торжеством из всех был буддийский праздник Бон в июле. Считалось, что в это время души умерших возвращаются на землю, и сельчанам следовало танцевать, чтобы их развлечь. Эти танцы в сопровождении песен сохранились до наших дней, хотя многие стали жить отдельной жизнью, вне зависимости от места, где они изначально возникли, и составляли традиционную часть репертуара во всей Японии. Это обрядовые, или круговые, танцы, исполняемые мужчинами и женщинами вместе, с группой представителей старшего поколения, обеспе-

чивающих аккомпанемент, - характерное сочетание звуков барабанов, флейт и сямисэна. В некоторых областях танцы были очень энергичными, но гораздо чаще медленными и грациозными, с плавными движениями кистей рук и плеч - в это время года обычно стояла сильная жара.

Рис. 33. Ямабуси. Приверженец культа гор, дующий в свою раковину. Шапка в форме домика с бубенчиками спереди, покрой шаровар до колен и материал - все имело мистическое значение

Слова песен чаще всего не имели религиозного содержания. Жара на закате солнца и волнения дня делали свое дело вместе с выпитым сакэ и оргиастическими сценами, которые, судя по дошедшим до нас сведениям, были весьма распространены - они давали психологическую разрядку после напряженной работы и постоянных забот.

Другие возможности для развлечений были редки, но случались. Свадьбы праздновались в течение нескольких дней с угощением и сакэ для всех; невесте тоже приходилось готовить еду: ей не полагалось никакого уединения в медовый месяц. Да и поскольку во главу угла ставился ее долг по отношению к мужу и его семье, на самом деле она и не ожидала получить большое удовольствие от замужества. Зато не было и разочарований - ведь статус замужней женщины и защита служили достаточной компенсацией.

Другим поводом для веселого времяпрепровождения был коллективный труд. Посадка риса, выкапывание колодца, строительство новой крыши и конечно же сбор хорошего урожая должны были завершаться бурным празднованием, которое только крестьяне могли себе позволить.

Сельскохозяйственные праздники отмечались каждый год, но последняя возможность разнообразить свою жизнь для более бедных крестьян возникала лишь один раз в жизни - паломничество в Исэ. Великое святилище, находившееся к востоку от полуострова Кии, куда можно было попасть по ответвлению от великого тракта, пролегающего между Эдо и Осакой, было построено в древние времена как святилище богини Солнца, прародительницы императорской семьи. До XVI века простые люди туда не допускались, но в эпоху Токугава число паломников значительно возросло, и побывать там хотя бы раз в жизни стало заветным желанием почти каждого японца. Ритуал поклонения в действительности был несложным; нужно было посетить каждое из двух святилищ, составляющих комплекс

Исэ, пасть ниц перед святыней, хлопнуть в ладоши, чтобы привлечь внимание богини, и получить в обмен на пополнение храмовой казны оберегающие таблички и амулеты.

В Исэ была улица под названием Фуруити, полная борделей, харчевен и сувенирных лавок, а кроме того, здесь был шанс увидеть пьесу Кабуки, кукольный спектакль или жонглеров, фокусников, мимов и так далее в театрах, которые были построены на землях храмов и святилищ, но не в самом великом святилище, где царил атмосфера благочестия. В Исэ имелась самая значительная театральная труппа, помимо Эдо, Киото и Осаки, и к тому же там находился перевалочный пункт на пути актеров из этих центров во время летних месяцев, между посадкой риса и сбором урожая, когда крестьяне могли освободиться от работы на полях. Однако могли позволить себе отправиться туда за свой счет только состоятельные крестьяне, и, хотя подавляющее большинство составляли мужчины, женщинам тоже дозволялось совершать паломничества. Возможно, это было единственное, чего женщина ожидала с таким нетерпением, но осуществить свою мечту она могла лишь после того, как ее сын женится и невестка возьмет на себя тяжелую работу.

Однако более бедные крестьяне тоже не были лишены возможности отправиться в Исэ, поскольку существовал широко распространенный обычай создавать группы будущих паломников. Члены таких групп вкладывали установленную сумму в общий фонд, и каждый год собиралось достаточно денег, чтобы отправить в Исэ определенное число людей. Порядок определялся жребием, и счастливых провозжали до границ деревни все сельчане. Их считали представителями сообщества, и они, возвращаясь, привозили с собой много амулетов для всех. Священнослужители Исэ имели агентов по всей стране, они делали необходимые приготовления как для путешествия (пешком, конечно), так и для времяпрепровождения в окрестностях святилища. Для таких людей паломничество в Исэ вполне могло быть единственным в жизни шансом увидеть внешний мир с его чудесами и возможностями.

Исэ было самым важным святилищем, посещаемым в национальном масштабе, но имелись и другие, такие как Миядзима на западе Японии и Котохира на Сикоку, обладающие особым местным колоритом. Другие религиозные поездки, в которых могли принимать участие крестьяне, были связаны с очень широко распространенным культом гор, который предполагал восхождение на горы, такие как Фудзи, либо вершины в Есино, что требовало выносливости, например, для того, чтобы стоять под водопадами. Хотя религиозный аспект в этом был силен, большое значение придавалось также празднествам, которыми завершались эти обряды.

К началу XIX века сельские сообщества, за исключением тяжелых голодных лет, имели более высокий уровень жизни, чем раньше, в результате чего, а также благодаря улучшению сообщения наблюдалось распространение провинциальной бытовой драмы. Появляются сведения о поездках профессиональных актеров в сельскую местность, включающие типичные презрительные рассказы горожан о деревенских зрителях, о глупости статистов, набранных на месте, и даже анекдоты, которые определенно известны всему миру, например о «недостойном поведении» на сцене настоящего коня, которым пришлось воспользоваться из-за нехватки в труппе людей, взамен более предсказуемого животного театра Кабуки, изображаемого двумя актерами. Этим периодом датируется большинство провинциальных театров, которые появлялись в регионе Японского моря и в горных областях за Эдо. Их обычно строили в окрестностях деревенского храма, и они состояли из крытой сцены, соединенной с помостом, и вращающейся сцены - мавари бутай, управляемой людьми из помещения для переодевания внизу, которое называли «преисподней». Формально представления давались, чтобы задобрить храмовое божество, но зрители, сидящие на открытом воздухе по несколько часов - столько длилось представление, - ели, пили, смеялись, плакали, кормили младенцев, отлучаясь домой облегчиться, чтобы не пропало драгоценное удобрение, и явно получали свою долю удовольствия от спектакля. Пьесы исполнялись и бродячими актерами или кукольниками, а иногда местными любителями. Население должно было проявлять осторожность, не позволяя актерам оставаться в

своих домах из страха получить выговор от чиновников, и лицедеи обычно находили приют в храме. Бродячие кукольники, часто с острова Авадзи, но также из Авы или с Кюсю (которые также служили местом сбора странствующих актеров Кабуки), находились ниже всех сословий, но традиция была такова, что владельцы поместий использовали их в качестве источника сведений о том, что происходит в соседних провинциях. Некоторые деревни приобретали наборы кукол и ставили спектакли своими силами, пользуясь книгами пьес и описаниями, привезенными сельчанами, вернувшимися из паломничества.

В ранний период эпохи Токугава крестьянам обычно не позволялось смотреть пьесы, поскольку власти опасались, что вид роскошной жизни вызовет у них желание улучшить и свой быт, к тому же простолюдин должен был работать, а не тратить время на развлечения. Однако распространение провинциальной бытовой драмы было симптомом, что влияние воинского сословия на страну стало ослабевать.

Глава 4

Ремесленники

Третьим и четвертым сословием токугавского общества были ремесленники и купцы. По крайней мере, в больших городах они были так перемешаны, что зачастую трудно было сказать, к какому сословию принадлежит человек. В этой главе и следующей будет представлена картина профессиональной жизни ремесленников.

Когда они были поставлены на третье место - ниже крестьянства, но выше купцов, - Хидэеси или его советники, по-видимому, считали их поставщиками товаров воинам в призамковых городах: необходимого вооружения, предметов искусства или предметов, выполняющих декоративные функции. Их не интересовало, что те же ремесленники могли обеспечивать подобными изделиями богатых простолюдинов, и определенно любая такая работа откладывалась, если поступал заказ из замка. Сохранились некоторые статистические данные о городе Цуяме, резиденции дайме, который был внешним правителем провинции Мимасака, владельцем усадьбы среднего размера на гористом острове Окаяма. В 1665 году в этом городе насчитывалось почти 1000 домов, принадлежащих воинскому сословию всех рангов, в том числе пешим воинам, и почти 4000 домов, в которых жили горожане всех сословий.

Вот список городских ремесленников: три кузнеца, восемь мечников, четыре серебряных дел мастера, три ремесленника, которые делали ножны, два мастера по лаку, два - изготавливающих древки для копий и один резчик по кипарисовому дереву. Эти мастера занимались производством оружия для воинского сословия, но имелись и другие ремесленники, занятые более простыми вещами. Среди них был только один красильщик, но не менее 98 человек гнали сакэ, 222 плотника, 37 пильщиков, 6 штукатуров и неопределенное число бондарей, кровельщиков, в том числе специализировавшихся на строительстве тростниковых и соломенных крыш, изготовителей бумаги, табачников, черепичников и циновщиков.

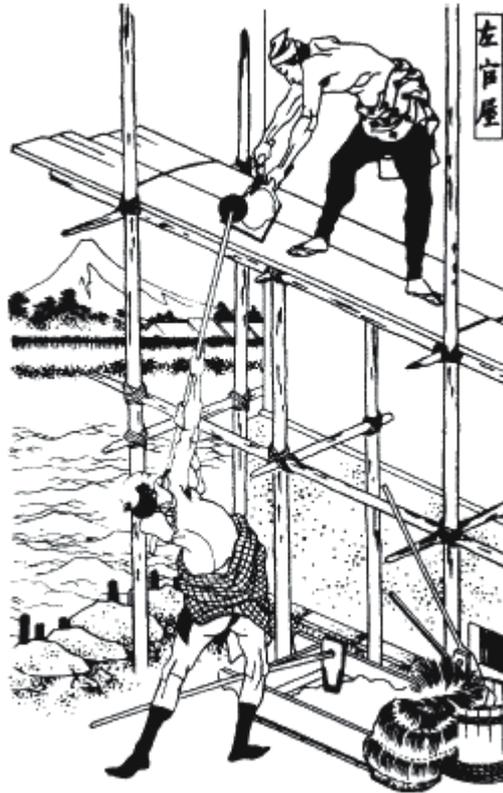

Рис. 34. Штукатур и его помощник. Рисунок сделан с гравюры Хокусая из собрания «100 видов Фудзи». Хорошо видны деревянные леса

Кузнецы почти наверняка были заняты ковкой мечей. Их ремесло требовало высокого умения, и работа производилась в полурелигиозной атмосфере, мастерская была окружена витой веревкой, как синтоистское святилище. Точильщики мечей выполняли общую обработку лезвий мечей (что требовало значительного внимания, поскольку они очень быстро покрывались ржавчиной) и затачивали его, делая острым как бритва, что придавало этому оружию столь устрашающий вид. Другие ремесленники делали древки для пик и алебард.

Многие ремесленники были заняты строительством домов; из всех выделялись плотники, так как несли ответственность непосредственно за возведение зданий, наблюдая за деревянными конструкциями стен и крыш, а также контролировали работу остальных. Что касается стен, то они изготавливались штукатурками из грязевого раствора с добавлением соломы. Бумажных дел мастера занимались покрытием легких решеток раздвижных перегородок фусума, которые должны быть полупрозрачными и в то же время не допускать сквозняков и возможности любопытствующих взглядов. Циновщики плели толстые соломенные циновки, покрытые особой травой, которыми устилали дощатый пол в домах состоятельных людей.

Японцы, которые обожают все классифицировать, разделяли ремесленников на тех, к кому приходят заказчики (то есть тех, кто имел мастерские), и тех, кому, подобно плотникам, приходилось отправляться к месту работы.

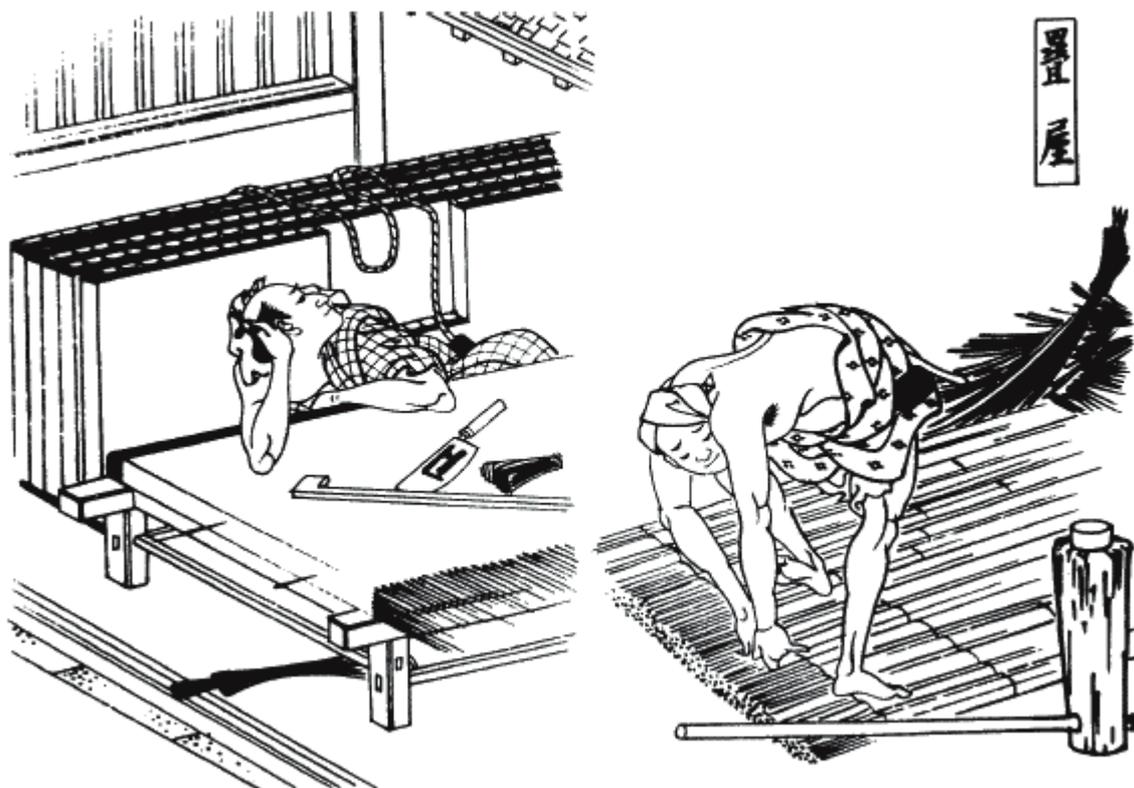

Рис. 35. Два циновщика. Тот, что справа, занят соломой, которая составляет остов циновки, а другой отдыхает. Он покрывал циновку особой травой, используемой для этой цели. Такое покрытие со временем изнашивается, но его можно заменить

Рис. 36. Два кузнеца куют лезвие меча. Они одеты в церемониальное платье, а наличие скрученной из соломы веревки с длинными бумажными лентами, какие использовались для обозначения сакральных мест, указывает на полурелигиозную атмосферу

Существовала и третья категория - странствующие ремесленники, - и те, в свою очередь, подразделялись на тех, чье ремесло заставляло их переходить с места на место, и тех, кто исполнял работу по вызову на временной основе.

Среди первых были резчики, которые, подобно заготовителям бука в Англии, странствовали со своим переносным токарным станком для изготовления домашней утвари. Эти люди вели бродячее существование, и им удавалось избежать официальной переписи вплоть до самого заката эпохи Токугава. Еще одной такой группой были добытчики лака из лакового дерева сумах, по-японски - уруси, которое можно найти в основном в северных районах Японии. Это сырье специалисты по лаковым изделиям (вадзима) наносили на предметы из дерева или другого материала при изготовлении посуды, мебели или другой домашней утвари. Лак можно назвать природным покрытием, придающим поверхности особую красоту; он, будучи хорошим изолятором, не дает жидкости быстро остыть в лаковой посуде. Сырой лак добывали весной и летом; в стволе дерева делали горизонтальный надрез, затем инструментом, похожим на скребок, счищали смолу. Лак собирали в ведра и переправляли в герметично запечатанных кадках. Добытчики лака работали на владельца этих деревьев и окружали свое ремесло атмосферой секретности, типичной для эпохи, когда приобщение к этому ремеслу можно было сравнить с посвящением в тайное сообщество.

Рис. 37. Добытчики лака за работой

Еще одной группой странствующих ремесленников были варщики сакэ. Большие центры по его производству располагались близ побережья Внутреннего моря к западу от Осаки, в таких городах, как Икэда, Итами и Нисиномия. Процесс в основном заключается в расщеплении рисовых зерен с помощью грибка, и продуктом ферментации была содержащая алкоголь жидкость, сакэ, которое пили на всевозможных торжествах и празднествах. Его подогревали перед подачей на стол, а затем разливали в очень маленькие чашечки - теко. Производство сакэ ограничивалось зимним сезоном и представляло собой очень удобное внесезонное занятие для людей из северных областей. Гонка сакэ для домашнего употребления была также зимним занятием в больших крестьянских хозяйствах, а состоятельные городские семейства нанимали проходящих мастеров, которые готовили напиток на месте из специально покупаемого для этой цели риса.

Другая категория странствующих ремесленников делала ту же работу, что и их городские коллеги, но переходила из деревни в деревню. Крестьянские сообщества конечно же

могли делать многие вещи для себя самих: они, конечно, умели строить простые дома и выполнять обычную плотницкую работу, в то время как обновление кровли предоставляло возможность для совместного труда, за которым следовало определенного рода веселье.

Рис. 38. Варка сакэ

Но более тонкая или отделочная работа ждала, пока не появится умелец или пока его специально не вызовут. В самом начале эпохи Токугава такого человека уважали за его мастерство и радушно принимали, расспрашивая о новостях из внешнего мира. Иногда он задерживался на некоторое время, предаваясь блаженному безделью, сельчане кормили его за то, что он их развлекал, а к тому же у него был неплохой выбор деревенских девушек. Позже, с улучшением коммуникаций и развитием торговых домов, продукты ремесленников в деревни стали доставлять купцы, и для странствующих мастеров настали тяжелые времена.

Все ремесленники независимо от того, трудились они в постоянных мастерских или переходили с места на место, обрабатывали природные материалы вручную. У них было лишь несколько механизмов: у резчика по дереву - токарный станок, а у других умельцев - гончарный круг, кузнечные мехи, прялка, ткацкий станок и приспособление (типа жернова) для обдирания шелухи с риса.

Их инструментами были рубанки, пилы, резцы, ножи и ножницы - все очень высокого качества, поскольку кузнецы превосходно ковали мечи из стали и плавил металл. Всеми тонкими приемами нужно было овладевать на глаз и с раннего возраста доводить до автоматизма. Подмастерье, которым мог быть младший сын какого-нибудь горожанина или деревенский мальчик из большой семьи, жил в доме мастера и был в сыновнем долгу перед ним. Родной сын мастера также учился ремеслу у отца, но лелеял надежду стать хозяином мастерской, когда его отец уйдет на покой.

Рис. 39. Каменотесы, вырезающие светильник и коману - статуи полусобак-полульвов, охраняющих вход в синтоистские святилища

Считалось, что подмастерье сможет потом открыть собственное дело. Его обучение обычно длилось семь или восемь лет, и затем ожидалось, что он проработает из благодарности к своему мастеру еще полгода-год. Потом мастер мог поделиться с ним своими заказчиками, и ученик мог основать собственное дело или обрести статус независимого работника, признанного нанимателями. Мог он остаться у своего мастера в качестве квалифицированного работника. Его обучение состояло не только в овладении существующими приемами мастерства, но также и в приобретении так называемых профессиональных знаний и словаря. Последний был тайным языком, посредством которого ремесленники могли общаться, - частично с целью сокрытия своих добытых тяжким трудом знаний от посторонних, а отчасти в качестве своего рода кода, по которому один посвященный может узнать другого.

В 1660-х годах ремесленники чаще всего не открывали собственного дела, выполняя заказы своих клиентов и посвящая все свое свободное от работы время изготовлению товара про запас, на случай подвернувшегося покупателя. Очень редко случалось, что ремесленник делал себе состояние или накапливал хоть какой-то капитал, позволяющий ему открыть собственное дело.

В призамковых городах цены строго контролировались, за мечи платили в соответствии с их длиной, а не за качество или украшения, и в любом случае долги взыскать было нелегко, если должниками оказывались воины. Денежные выплаты составляли лишь часть вознаграждения за труд.

Странствующие ремесленники, которые устраивали свои мастерские в деревне, довольствовались обычно материалами, предоставляемыми им местными жителями, а питание и кров, которые они получали, входило в плату за работу.

Видимо, самыми состоятельными были ремесленники, работавшие на сегуна и дайме, и представители «пяти ремесел», связанные со строительством: плотники, штукатуры, каменщики, пильщики и кровельщики. Пильщик поставлял лес, необходимый плотнику, штукатур обрабатывал стены, кровельщик использовал солому или тростник, щепу или черепицу, каменщик клал фундамент, вытесывал из камня светильник и надгробные памятники. Плотник нес ответственность за всю строительную операцию целиком и выполнял те же функции, что и строительный подрядчик; спрос на его услуги был постоянным в городах (где население всегда имело тенденцию к увеличению), даже когда не случалось никаких природных катастроф, но особенно после пожара или землетрясения, когда нужно было восстанавливать большие площади. Такие катастрофы предоставляли шансы молодым ремесленникам, только что закончившим свое обучение, им нужно было лишь продемонстрировать свое умение, чтобы быть нанятым за хорошую плату. Иногда в такие

критические времена ловкачи делали целые состояния на продаже местного запаса дерева по сильно завышенным ценам.

У Ихары Сайкаку имеется упоминание об эдоских плотниках и кровельщиках, возвращающихся домой после дня тяжелой работы в усадьбе дайме. Он писал о том, как строители шли бригадами по 200-300 человек - волосы у всех растрепались, ворот одежды был грязен, пояса повязаны поверх курток[39] с закатанными рукавами. Некоторые шагали опираясь на свои линейки, как на посох, большинство шли сгорбив плечи, засунув руки за пазуху кимоно, и, глядя, как они идут, сразу можно было понять, каким ремеслом они занимаются. Позади брели их помощники и подмастерья, которые несли стружки и обрезки, причем, если какой-нибудь нерадивый юнец ронял по дороге кусок ценного кипарисового дерева, никто не обращал на это внимания.

Кровельщики обладали особенно пронзительными голосами, позволяющими слышать друг друга в процессе работы. Они носили пояса поверх своих курток, а не под ними, чтобы не зацепиться, когда взбирались на крышу. О характерной экономии материала говорила задача подмастерьев собирать и уносить с собой стружки и неиспользованные обрезки дерева, чему противопоставляется беззаботное отношение, когда не подбирали того, что могло упасть на землю. Дальше история повествует, как один бедняк собирал утерянные щепки, делал из них палочки для еды - варибаси и продавал их, что позволило ему со временем стать преуспевающим лесоторговцем.

Колоритные персонажи, описанные в этом отрывке, имели двойную выгоду - они занимались ремеслом строителя и работали на дайме. Эти ремесленники, по-видимому, получали плату в форме рисовых пайков, как и все «приписанные» ремесленники. Некоторые из тех, кто был приписан к сегуну или богатым властителям, являлись выдающимися художниками того времени, такие как живописцы из семейств Кано и Тоса; в их числе были лаковых дел мастера, резчики по дереву - фактически представители всех ремесел. Этим «приписанных» ремесленников иногда жаловали самурайскими привилегиями: простолюдину обычно не полагалось пользоваться фамилией, но многим выдающимся ремесленникам разрешалось иметь этот символ особого положения в обществе, а некоторым даровалось право носить два меча. Всем им позволялось подписывать свои работы, как плотникам, которые имели право ставить свое имя на построенных ими домах; рядовым ремесленникам это запрещалось.

Отношение японских ремесленников к своему делу было очень похоже на отношение их коллег в средневековой Европе, где каждый подмастерье проходил строгий курс обучения и, лишь достигнув определенных успехов, удостоивался посвящения в мастера и приема в соответствующий цех ремесленников. Это сравнение, впрочем, не слишком точное: в частности, участие ремесленников в городском правлении было гораздо более существенным в Европе, чем в Японии, но существует и нечто схожее. К примеру, японцы, занимавшиеся одним ремеслом, проживали все в одном квартале города (мати), как и европейские умельцы (ведь названия улиц в старых городах Европы указывают на то, что именно там производилось); японские власти такие объединения «по интересам» поощряли - над ними легче было осуществлять контроль. Городские ремесленники также имели свои союзы, или цехи, называемые словом «дза» (можно даже воспользоваться словом «гильдия»), для того чтобы осуществлять надзор за соблюдением стандартов и даже играть роль благотворительных обществ. Некоторые из таких союзов имели своих богов-покровителей в синтоистском святилище, как это было и в Европе. Божеством кузнецов был Инари, бог риса, посланцем которого является лис - кицунэ, и подобное показано в пьесах Но, где изображается божество, помогающее кузнецу справиться со сложной работой. Обычно проводилось ежегодное собрание или празднество, и это помогало поддерживать цеховую сплоченность. Более зажиточные члены группы, в особенности те, что имели связи с большими хозяйствами, были начальниками, или «старейшинами», и представителями таких объединений, в которых ремесленники, занимающие низкое положение, играли скромную роль. В сочинении, датированном 1774 годом, ремесленникам предписывалось

концентрироваться на своем ремесле: «Вам следует запечатлеть в своем сердце понимание того, что нельзя заработать больше, чем нужно, чтобы прожить. Не важно, сколь вы бедны, вы не должны отвлекаться на другое ремесло. Если вы неизменно занимаетесь своим делом с полной отдачей, настанет время, когда вы будете преуспевать».

Ремесленникам советовали работать весело, быть честными, соблюдать аккуратность, не завидовать тем, кто занимается другими ремеслами, не отказываться от заказов, даже если цена материалов поднялась и прибыль, следовательно, могла понизиться, и жить, довольствуясь своей участью.

Многие следовали этим предписаниям либо по необходимости, либо из добродетели, но других больше заботила финансовая прибыль, и, используя дешевый труд многих подмастерьев, они расширяли свое дело. В любом случае статус ремесленника претерпевал изменения с ходом времени; вначале они работали на самых разных клиентов, затем все чаще и чаще их стали нанимать люди богатые - в основном владельцы складов, которые выполняли роль посредников между ремесленником и заказчиком и были склонны пренебрегать старыми ценностями, думая больше о цене и количестве, чем о качестве. Такие «предприниматели» без колебаний привлекали к делу неквалифицированных работников. Некоторые из них были выходцами из воинского сословия, беднейшие из которых вынуждены были браться за работу, чтобы восполнить свои рисовые пайки; они, кажется, обращались преимущественно к изготовлению зонтов и башмаков на деревянной подошве и, конечно, часто выполняли канцелярскую работу.

С ремесленников, как и с представителей других сословий, власти взыскивали дань. Владельцы собственности в городах платили своего рода налог, но большинство ремесленников снимали дома. Они вносили свой вклад в виде товаров или услуг, во многом так же, как и крестьяне, своим принудительным трудом, и денежные выплаты налога часто заменялись результатами их труда. Изобретатели каких-нибудь устройств также вносили плату, чтобы приобрести что-то вроде патента.

Многие из приемов, используемых ремесленниками в их разнообразных профессиях, были очень похожи на те, какими пользовались на Западе, хотя существовали и определенные различия: японцам привычнее было сидеть на полу, поэтому, если на Западе на педаль токарного станка нажимали ногой и таким же образом приводили в движение гончарный круг, в Японии мастера удерживали ногами подставку или исходный материал, пока исполняли свою работу. Различия заключались и в том, что пилу и рубанок тянули на себя, а не толкали от себя. Японцы проводили линии чернилами, в то время как британцы, например, мелом.

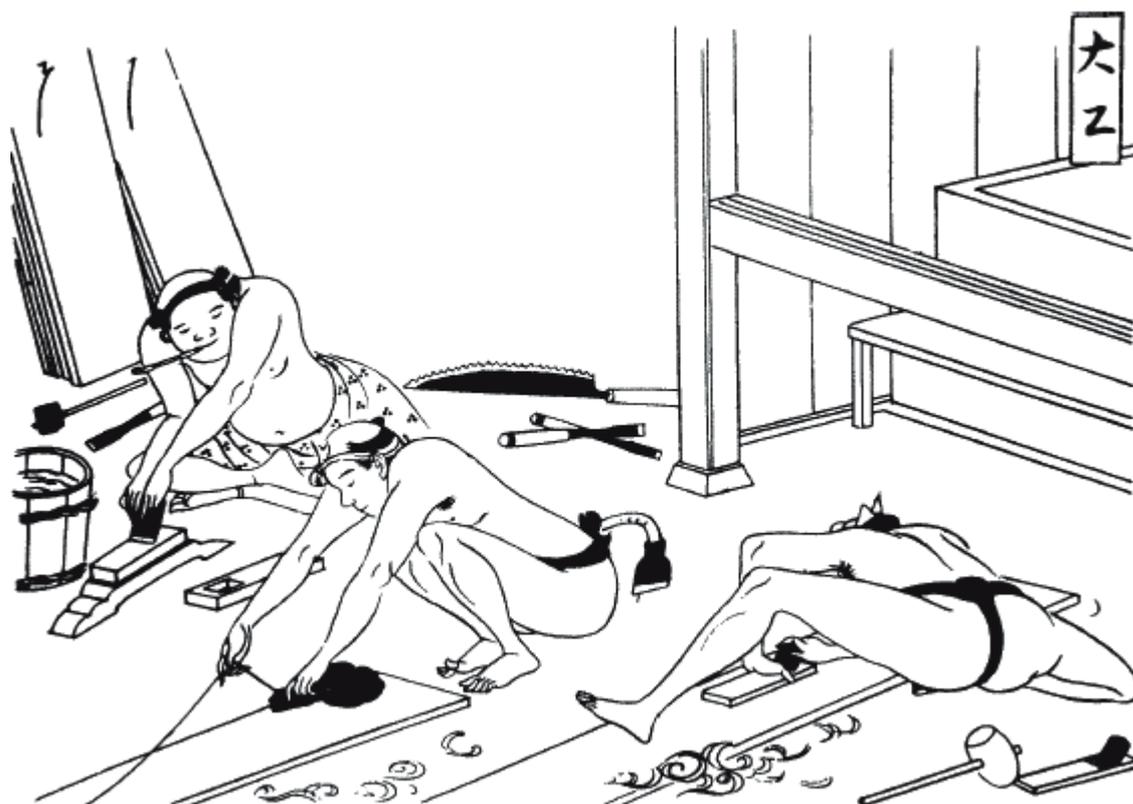

Рис. 40. Плотники и их инструменты: рубанки, пилы, стамески, тесло, деревянный молоток, точильный камень и чернильная линия

Одним из материалов, доступных японским ремесленникам, в отличие от европейских, был лак. Кроме уже упомянутой посуды, лак также был основой для декоративных узоров, используемых для украшения разнообразных предметов мебели - пюпитров, столиков, ящичков для письменных принадлежностей, шкатулок, туалетных столиков - и вооружения, такого как доспехи, а также паланкинов. Другим материалом, имеющим широчайшее применение в Японии, был бамбук; из срезанного и обработанного бамбука делали изгороди, жерди и мачты; поскольку он внутри полый, из него изготавливали трубки для отвода воды по склону холма, естественное сужение к концу бамбуковых секций облегчало задачу соединения отрезков. Бамбуковый ствол можно расщепить на ровные щепы и использовать для плетения корзин, изготовления решеток и ширм, а также для сосудов, таких как чаши и черпаки. В сочетании с бумагой, которая также имела широкое применение - от бумажных носовых платков до предметов одежды, - бамбук использовали для изготовления как плоских, так и складывающихся вееров, некоторых головных уборов и оснований зонтов (которые потом покрывали промасленной бумагой), а также для изготовления бумажных фонариков[40]. Бумагу делали из волокон внутреннего слоя коры деревьев, особенно шелковицы, а не из тряпок, и это была крупная отрасль промышленности, предлагавшая очень широкий ассортимент товаров. Например, даже в X веке цвет и рисунок бумаги, на которой написано стихотворение, имел значение почти столь же большое, сколь и качество самих стихов, и в эпоху Токугава, когда начал развиваться эпистолярный жанр, бумага для письма требовалась соответствующего качества. Распространялось и книгопечатание, для домашних нужд тоже была необходима бумага - таким образом, спрос был постоянным.

Печатали обычно с помощью деревянных форм, блоков, на которых вырезали текст (с рукописного оригинала на страницу); при цветной печати для каждого цвета был свой блок. Это делалось вручную, с использованием лишь кистей фудэ и бумаги, без каких бы то ни было механических приспособлений для приготовления туши - суми. Ее делали из ламповой сажи и клея, растирали и смесь спрессовывали в брусочки.

Эти брусочки суми использовались с тушечницей - камнем из мелкозернистого грифеля или мрамора, который имел плоскую поверхность с углублением на конце, куда наливали воду. Немного воды переносили на плоскую часть, в нее обмакивали брусок, и тушь для письма получали трением намоченного бруска о камень, затем брали на кисточку. Изготовление высококачественной туши и камней-тушечниц требовало большого умения.

Ткачество было широко распространено в сельскохозяйственных районах как основное занятие женщин-крестьянок, и большая часть ткани из хлопка и пеньки, а также одноцветного шелка производилась именно ими. Ткань изготавливалась рулонами стандартного размера - около 2 футов на 20 ярдов, каждого из которых хватало для одного кимоно. Процесс изготовления полотна требовал определенного умения, размер отреза должен был приблизительно соответствовать размеру того, кто будет носить сшитую из этого полотна одежду. Впрочем, задачу упрощал тот факт, что кимоно не имело ни пуговиц, ни других застежек, а удерживалось поясом. Женское кимоно шили либо с большим, либо с меньшим запахом, поскольку женский пояс был более широким. Крестьяне обычно в услугах профессиональных портных не нуждались, потому что шитье больше походило на наметку. Для стирки кимоно расшивали на составляющие куски ткани, каждый стирали и крахмалили отдельно, на рамках, а затем сметывали заново, меняя куски местами, чтобы одежда изнашивалась равномерно.

Шелковая одежда часто изобиловала узорами. Она могла быть из тканей различной фактуры; узоры часто получали из окрашенных в разные цвета нитей, вплетенных, когда ткали материю. Иногда краски наносили кистью на готовое полотно или использовали метод узелкового окрашивания: небольшие участки ткани завязывали в узелки, затем ее погружали в краситель; когда узелки развязывали, оставался небольшой неокрашенный участок. Наконец, узоры могли быть вышитыми на ткани так, что получалась парча.

Поскольку в различных регионах Японии умели ткать узорные ткани, сложное окрашивание и вышивку делали в городах. Самым прославленным местом был Нисидзин, район на северо-западе Киото, отсюда издавна поставляли ткани для императорского двора, а позднее и для сёгуна.

Изоляция Японии сохранялась до середины XIX века, до того времени, когда Европа и Америка далеко ушли вперед в организации массового производства товаров, а традиции ремесел, которые были известны Европе несколько веков ранее, теперь были почти забыты. В индивидуальном мастерстве лучшие европейские ремесленники, вероятно, не уступали своим японским собратьям, однако можно утверждать, что вследствие потребности воинского сословия в предметах, которые в соответствии с требованиями культа простоты должны были быть выполнены элегантно и со вкусом, товары, изготавливаемые умельцами Японии, в целом превосходили продукцию западных коллег.

Глава 5

Купеческое сословие

В предыдущей главе было указано, что многие ремесленники, производившие продукцию по заказу и продававшие ее в собственных мастерских, становились оплачиваемыми работниками торговых домов. На протяжении всей эпохи Токугава власти недолго любили купцов и все больше и больше опасались их. Изначально купец находился в самом низу иерархической системы, поскольку его считали паразитом, не вносящим вклада в экономику: он зарабатывал себе на жизнь лишь за счет манипуляций с товарами и продуктами труда других. Тем не менее с ходом времени купеческое сословие укреплялось и росло, обретало влияние и власть, что симптоматично для перехода феодального строя к буржуазному обществу. По мере процветания купеческого сословия все больше самураев бедне-

ло, а поскольку и те и другие жили в городах, состоятельные торговцы оказывали все больше и больше влияния на самураев, частично через смешанные браки, а частично из-за более материалистического взгляда на жизнь - некоторые самураи даже продавали свое положение в обществе за деньги.

Полезным предисловием к рассказу о том, как купцы вели свои дела, будет описание денежной системы, которая была довольно сложной, поскольку монеты чеканились из четырех металлов: золота, серебра, меди и железа. Время от времени возникали осложнения, за которыми следовали попытки центрального правительства улучшить экономику посредством понижения ценности или изменения содержания ценного металла в монетах, которые не были единообразными по всей стране. Золото составляло эдоскую валюту, в то время как в Осаке и Киото пользовались серебром. Медь, однако, была в повсеместном употреблении, хотя иногда ее заменяли на железо или латунь.

Начнем с единицы самого низкого номинала. Дзэни представляла собой круглую медную монету, диаметром приблизительно один дюйм, с круглым отверстием в центре, размером четверть дюйма. Она впервые появилась в Японии в 1636 году - до того времени в обращении были монеты, которые чеканили в Китае, Корее или Аннаме[41]. На одну дзэни можно было купить пиалу чая или отдых у придорожного столба; очень часто их нанизывали на пенковую веревочку через центральные отверстия, чтобы получилась денежная связка. Такие связки были двух размеров - номиналом в 100 и в 1000 монет. Эти цифры показывали точное число монет в связке до 1636 года, но, поскольку потом было объявлено, что 96 новых японских монет эквивалентны сотне старых китайских, в большинстве районов Японии вошло в обычай составлять связки из 96 и 960 монет соответственно. Тысячная связка была эквивалентна по стоимости одной прямоугольной золотой монете размером 0,7 ? 0,4 дюйма, известной как ити-букин, то есть одному бу золота; бу - мера веса, используемая при взвешивании золота. Четыре бу золота были эквивалентны одному ре[42] (чуть больше 18 граммов), что составляло вес наиболее распространенной золотой монеты, называемой кобан.

Это была тонкая золотая пластинка, по форме более или менее эллипсоидная, размером 2,8 ? 1,5 дюйма. Существовали также золотые монеты еще большего размера: обан - червонцы, весом теоретически десять ре, но на самом деле где-то между восемью и девятью. Однако они не были в общем употреблении, их приберегали для церемоний. В разные времена выпускали золотые монеты меньшего достоинства, и именно такие монеты из этого металла хотела бы иметь обыкновенная семья. Кобаны использовались только для сделок с представителями воинского сословия либо с довольно большими торговыми домами.

Рис. 41. Придорожная чайная: наружная вывеска гласит: «Еда за одну дзэни». Среди посетителей буддийский монах. Подавальщица слева несет сосуд с сакэ. Странники обуты в соломенные сандалии, подавальщица - в деревянные гэта

В Киото и Осаке предпочитали серебро. Монеты были различных форм и размеров, самой большой была тегин - монета в форме эллипса, часто довольно грубо обработанная, размером около 3,6 ? 1,2 дюйма. Единицей веса серебра был моммэ[43] (1/60 ре), и тегин

весил около 43 моммэ (чуть больше 161 грамма). Несколько меньшая монета, мамэитагин, представляла собой не что иное, как округлый кусок серебра неопределенного веса и размером с печать, выдавленную на ней, чтобы засвидетельствовать качество металла.

В разные времена появлялись монеты более мелкого достоинства, прямоугольные по форме и фиксированного веса.

Большое количество серебряных монет складывали в упаковки удобного веса, такие как 100 моммэ и 500 моммэ, в то время как золотые кобаны делили на аккуратные стопки по 25, 50 или 100 штук, заворачивали в прочную бумагу и скрепляли либо правительственной, либо какой-то другой важной печатью. Обычно такие упаковки использовали, даже не распечатывая их. Для перевозки и хранения больших сумм изготавливали специальные деревянные ларцы, вмещающие определенное количество монет. Общеупотребительными были ларцы, рассчитанные на 1000 ре.

Простые люди носили свои дзэни в мешочке, стянутом веревочкой, который прятали под кимоно на груди, где деньги были в безопасности, а выпасть такому кошельку не давал пояс. Небольшие серебряные монеты носили точно так же, но золотые монеты небольшого достоинства складывали в плоские футляры, очень похожие на бумажники, какие использовались на Западе для банкнотов.

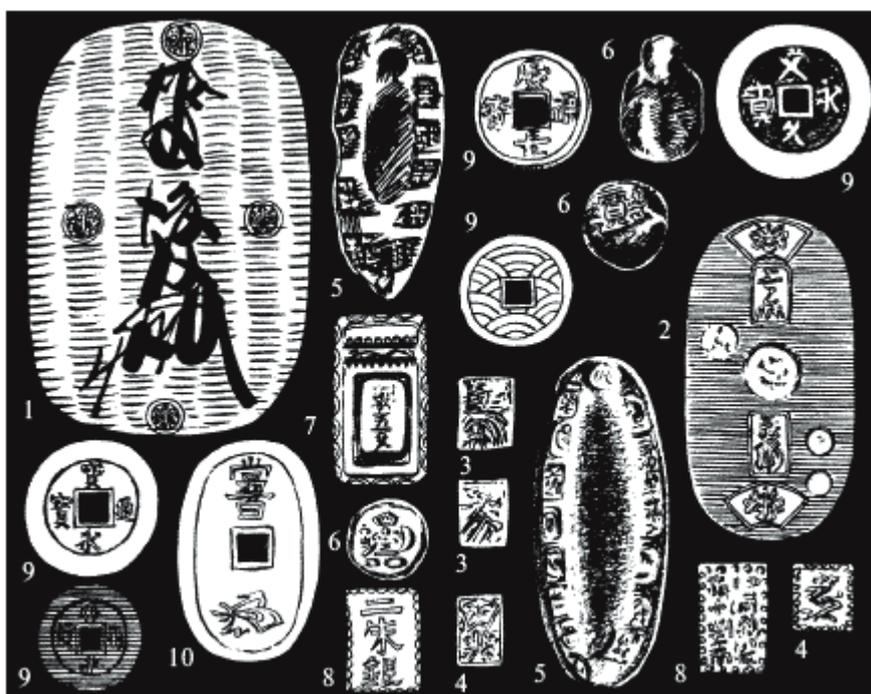

Рис. 42. Монеты. Золотые: 1 - обан; 2 - кобан; 3 - ити-букин; 4 - монеты другого достоинства. Серебряные: 5 - тегин; 6 - мамэитагин; 7-5 монет моммэ; 8 - монеты другого достоинства. Медные: 9 - дзэни; 10 - необычная монета в 100 дзэни

В Японии времен Токугава бумажные деньги почти не выпускались центральными властями, разве что в последний год существования сегуната, но они были в ходу лишь в некоторых областях. В ранний период эпохи Токугава, когда исключительное право на чеканку монет принадлежало эдоскому правительству и утечка монет в зарубежные страны через Нагасаки создавала монетный дефицит в провинциях, печатали банкноты равные по стоимости золотым, серебряным или медным монетам; их использовали дайме для выполнения своих обязательств. Между 1701 и 1730 годами они были запрещены, но затем снова частично вошли в обращение.

В 1701 году произошел известный инцидент, когда властитель замка Асано[44] в Аки, провинция Харима, будучи спровоцирован оскорблением, был вынужден обнажить свой меч в эдоском дворце. За это он был приговорен к лишению жизни - совершению сэппуку,

а его поместья были конфискованы. После его смерти 47 из его вассалов (теперь ронины) объединились, чтобы отомстить за своего господина. То, как они это сделали, и их последующее самоубийство является темой многих пьес и рассказов о «сорока семи преданных самураях» - «Тюсингура»[45]. Как только их господину был вынесен приговор, один из самураев отправился из Эдо в родной замок и проделал путь 400 миль в паланкине за пять дней. У обычного путешественника на это ушло бы по крайней мере семнадцать дней, и даже посыльному по чрезвычайно срочным делам потребуется восемь. Эта история приведена здесь потому, что, когда Оиси, управляющий имением, услышал о судьбе своего господина, его первая мысль была о держателях бумажных денег, выпущенных в провинции. Он пересчитал золото в казне и обнаружил, что оно составляет около 60 процентов от выпущенных банкнот, поэтому он обменял бумажные деньги по этому курсу, таким образом дав возможность держателям банкнот выручить хоть что-то от конфискованного, и в данном случае лишил сегуна значительной суммы. Тем, кто получил свои деньги, повезло, потому что, хотя конвертируемость и была условием разрешения на их выпуск, эти местные банкноты время от времени также подвергались обычным превратностям конвертируемости и неконвертируемости, девальвации и инфляции.

Взаимный обмен монетами, сделанными из различных металлов, происходил постоянно на всем протяжении рассматриваемой эпохи, несмотря на попытки властей стабилизировать его. Вначале, в 1609 году, курс обмена был один ре золота на 50 моммэ серебра на четыре связки дзэни, но вскоре после этого серебро упало до 60 моммэ. Курс золота по отношению к серебру оставался более или менее на таком уровне до середины XIX века, когда влияние обменного курса мировых валют снизило цену серебра до такой степени, что один ре золота стал равняться 100 моммэ серебра. Курс обмена медных денег на золото также имел тенденцию к спаду.

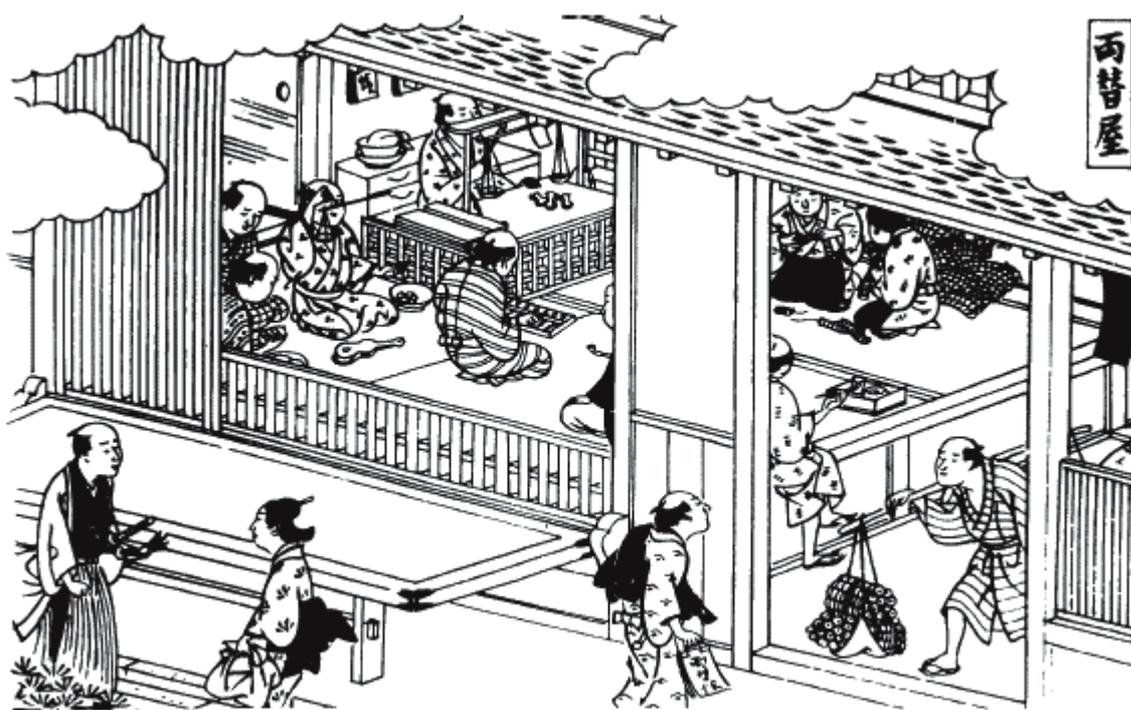

Рис. 43. Меняльная лавка. Приказчики заняты взвешиванием (с помощью весов и безмена), вычислениями на соробане, подсчетом и доставкой связок наличных. Клиенты в ожидании курят трубки. Какой-то самурай и женщина проходят мимо

В последней четверти XVIII века он упал до шести связок на один ре золота, а в 1860-х годах упал до десяти связок. Такой широкий диапазон обменного курса сопровождался

кратковременными и местными колебаниями, которыми могли воспользоваться менялы как источником спекулятивных прибылей.

Когда в стране имели обращение монеты из трех разных металлов, была настоятельная необходимость иметь средства быстрого обмена одних на другие. Большая часть розничной торговли производилась на медные деньги, и владельцы крупных лавок и оптовики нуждались в обмене меди на золото или серебро для выплаты собственных долгов, а кроме того, требовалась иная операция, например когда купец посылал людей в деревни для закупки небольших партий продукции. Более того, перевод денег из Эдо в Осаку и обратно требовал обмена серебра на золото. Ростовщичество, таким образом, было основным занятием среди купцов и фундаментом многих состояний.

Рис. 44. Ломбард - таммаки-я. Мимо по улице проходят носильщики и кучка монахов, собирающих милостыню, потенциальные заемщики принесли одежду и другие предметы в залог. Чиновник доставил уведомление о розыске с портретом преступника. На заднем плане хозяин или управляющий сидит за ограждением с толстой амбарной книгой и стойкой, на которую накальвались корешки от квитанций. Женщина (возможно, жена хозяина) курит трубку и греется у угольной жаровни. Объявление гласит, что имущество принимается в залог минимум на восемь месяцев

Показателем прибыльности такого занятия может служить курс комиссионных в эпоху Гэнроку, когда меняла брал десять бу, то есть по десять бу на каждый ре золота, курс, который может показаться низким, но взимаемый с каждой операции, составлял значительный доход.

Как и в любой другой области, менялы были строго разграничены. В Осаке они существовали на трех уровнях. На дне были мелкие менялы, которые зачастую торговали в розницу другими товарами или продуктами, такими как масло или сакэ, и занимались в основном обменом меди и небольших количеств серебра. Их заведения были известны как «копеечные» - лавки дзэни.

На более высоком уровне находились обычные обменные заведения, оперирующие на уровне внутригородской торговли и фактически выполняющие многие функции, какие сегодня выполняют банки, включая выдачу документов на денежные переводы, прием вкла-

дов и выдачу денежных ссуд. Никакой прибыли на то, что мы сейчас называем «текущим счетом», не было, однако выдавались сертификаты, которыми можно было пользоваться для финансовых операций. Ссуды обычно зависели от репутации заемщика и от того, имел ли он деньги на счете. Вес серебра, необходимого для оплаты счетов в Осаке, был гораздо больше, чем золота в Эдо, и поэтому использование кредитных писем и тому подобных документов было большим удобством. Обычной вывеской обменного заведения было большое деревянное изображение монеты дзэни.

Верхний слой был сформирован по принципу «десятки», то есть состоял из десяти семейств, которые с 1660-х годов выполняли роль управляющих, стоящих над другими семьями, действующих в качестве их банкиров и одновременно следя, чтобы они не отклонялись от установленных правил. Эти десять семей стали финансовыми агентами центральных властей и обрели право носить два меча.

В Эдо купцы занимались своим делом во многом одинаково, и в провинциях ни один призамковый город без них не обходился. Правительство осуществляло некоторый контроль, в частности, весы и гири, которые были основными инструментами их профессии, инспектировал государственный чиновник, ответственный за меры и веса. Соответствующие стандарту весы изготавливали лишь две семьи, а гири делали те же семейства, что контролировали монетные дворы, чеканящие монеты.

Двумя другими основными инструментами менял и конечно же тех, кто занимался торговлей, были своего рода гроссбух и соробан. В первый заносили сведения обо всех заключаемых сделках. Книга велась только владельцем и управляющим и содержала конфиденциальную информацию об обороте и вырученных средствах, что жизненно необходимо для ведения любого дела. Каждый новый год начинали новую.

Соробан - это усовершенствованный абак (счеты), рамка с бусинами, на которой можно было производить сложение и вычитание, умножение и деление, а при необходимости извлекать квадратные корни и т. п. Обычно соробан представлял собой раму размером приблизительно 15 × 6 дюймов с 13 наборами бусин (с 17 в Эдо). Хотя устная арифметика и была известна, пользование соробаном избавляло от необходимости запоминать или записывать для памяти промежуточные стадии вычислений, и некоторые умельцы достигали большой скорости и точности.

Помимо основного использования при вычислениях, соробаном можно было в сердцах стукнуть по голове совершившего ошибку подмастерье, а также даже отвести удар меча ронина, опустившегося до грабежа.

В призамковом городе Такаме, расположенном глубоко в горах провинции Хида, до сих пор существует дом купца-менялы, работавшего на некоего властителя. Именно он служил местным купцам и ремесленникам посредником перед господином, организовывал продажу риса и других продуктов из имения, ссужал феодала средствами в счет будущего урожая, менял деньги и вообще выступал в качестве доверенного лица своего господина. Небольшие комиссионные оставались ему от каждой сделки, и он был чрезвычайно преуспевающим. Дом фактически датируется 1879 годом, его перестроили после пожара, но его изначальная конструкция была сохранена - эта местность в то время считалась очень отдаленной. Это крестьянский дом, построенный с размахом. Вход с улицы ведет через весь дом во внутренний двор позади. Слева от входа - контора, где заключались только сделки, справа - большое помещение с устланным татами полом и очагом, над которым на большом крюке подвешен горшок или котел для варки пищи - домбури. Эта покрытая циновками площадь выходит в сквозной коридор и не имеет потолка, дым от огня поднимался к крыше - дом двухэтажный, - минуя тяжелые балки остова дома. (Провинция Хида была богата лесом, и тяжелые деревянные конструкции характерны для строений в этой местности.) Жилые покои членов семьи располагались далее справа, за очагом. Во внутреннем дворе был сад с колодцем, несколько надворных строений, позади находился ряд складов для товаров, предназначенных для перевозки, и хранилища для хозяйственного имущества, конструкция которых предусматривала видимость обоих концов

как мера предосторожности от воров и пожара. Стены и кровли толстые и покрыты толстым слоем штукатурки, в то время как двери усилены листами железа и оснащены крепкими засовами и висячими замками.

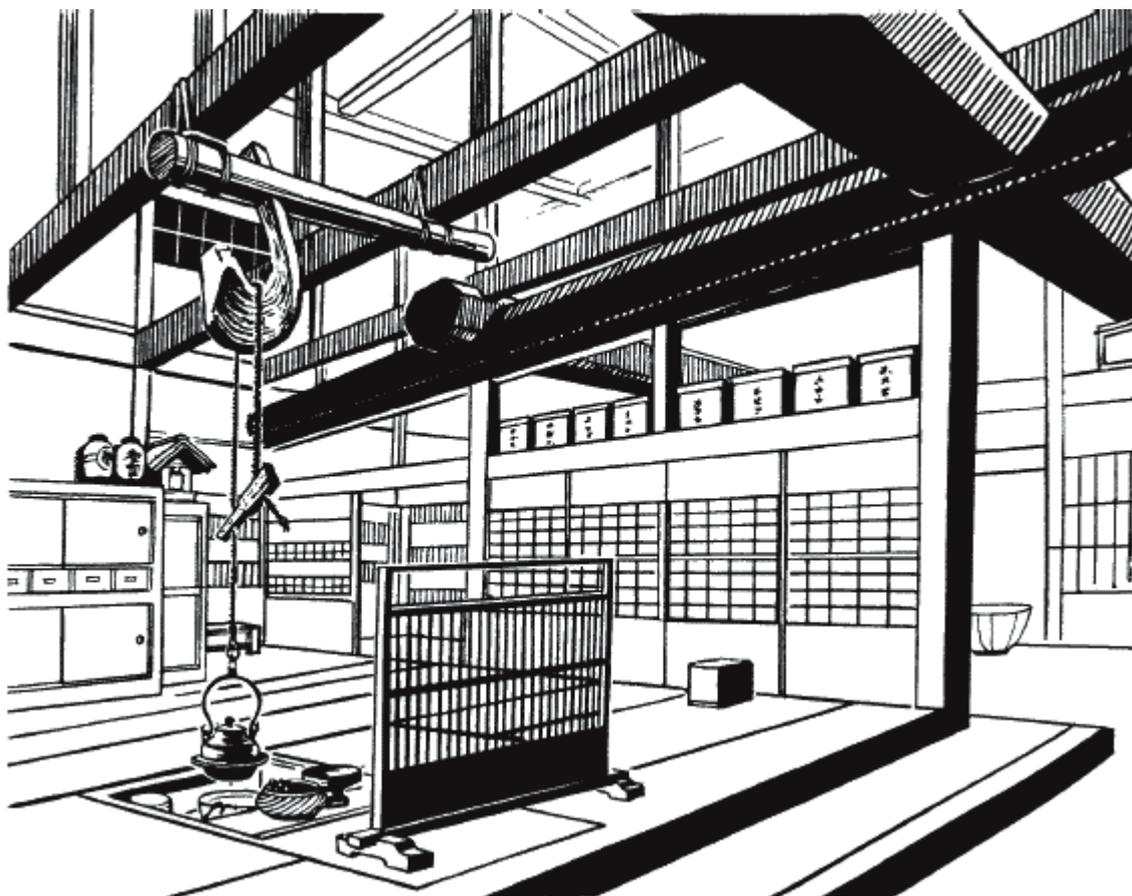

Рис. 45. Интерьер дома в Такаяме

Ценные предметы и записи в доме часто хранились в высоких сундуках с ящиками и отделениями, запирающимися на железные засовы. Сундуки были снабжены колесиками, чтобы в случае пожара их можно было выкатить на улицу, разломав при необходимости раздвижные перегородки седзи. Управляющий, который сидел в конторе за деревянной перегородкой, устроенной для его собственной безопасности и сохранности его бухгалтерии, ежедневно вносил деловые записи в пухлые амбарные книги.

Дом в Такаяме дает представление о значительном богатстве провинциального купечества, не лишена интереса и история семьи Коноикэ. Основатель купеческой фамилии жил в деревне Коноикэ близ Осаки с 1570 по 1650 год и в 1600 году начал заниматься гонкой сакэ. Четыре года спустя он начал переправлять его в Эдо на продажу, ввиду возросшего спроса на напиток у воинского сословия, которое собиралось вокруг сегуна, осуществляя перевозки сначала по дорогам, а затем, по мере роста спроса, по морю. Ко времени своей смерти он владел уже тремя лавками, торгующими сакэ в Осаке, и ссужал деньгами дайме. У него было восемь сыновей и две дочери, и при разделе наследства восьмому сыну, Дзэнъэмону, посчастливилось получить самую большую из осакских лавок и основную часть семейного дела, которое будет процветать на протяжении более двухсот лет. Доставка сакэ в бочках некоторое время продолжала быть основной частью его бизнеса, но позднее сократилась - частично из-за введения властями ограничений потребления сакэ в 70-х годах XVII века, а отчасти из-за того, что в Эдо изменились порядки: если прежде сакэ продавалось непосредственно дайме в их эдоских резиденциях, теперь оно направлялось к купцам, скупающим его оптом в городе, с которыми у Коноикэ не было надежных связей. Однако операции с рисом из провинциальных хозяйств на осакском рисовом рын-

ке некоторое время были частью семейного бизнеса Коноикэ, хотя они не рисковали своим капиталом и не вкладывали его в строительство собственных кораблей, предпочитая фрахтовать у других перевозчиков, специализирующихся на морских перевозках.

В конце XVII века семейство Коноикэ расширило свою торговлю, вступив в торговое сообщество в Нагасаки и таким образом став обладателем доли в торговле с внешним миром, имея дело с такими товарами, как лекарства и медикаменты, шелк-сырец и сахар. В 1669 году объем этой торговли составлял до 228 000 моммэ серебра. Торговый дом начал заниматься меняльным делом в 1656 году - частично, чтобы помочь переводить кредиты из Эдо в Осаку для торговли сакэ, а также чтобы обеспечивать ссудами дайме и других купцов. После того как Коноикэ вступили в организацию «десяти семей» в момент ее основания в 1662 году, их связи с дайме стали преумножаться, и вскоре в долговых книгах числились уже 122 князя. Коноикэ торговали большей долей риса, который дайме отправляли в Осаку на продажу, и продолжали придерживаться этой линии вплоть до реставрации Мэйдзи, когда организовали банк - первую компанию западного типа, возникшую в Японии.

Таким образом, профессия ростовщика-менялы была очень важной, даже главной в купеческих кругах Японии.

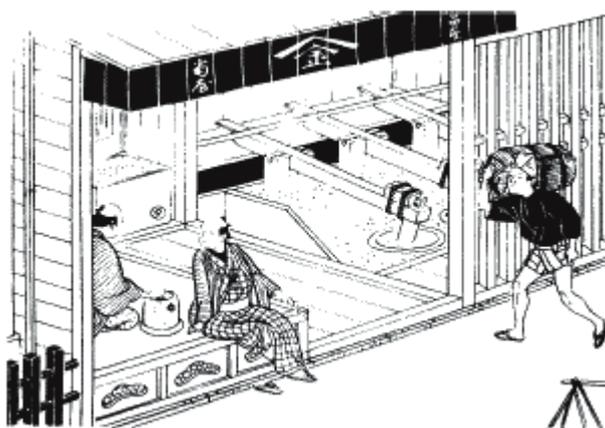

Рис. 46. Торговцы рисом

В высших сферах, таких как «десять семей» в Осаке, менялы занимались тем, что давали дайме ссуды, которые были обеспечены рисом и другими продуктами. Чтобы лучше продемонстрировать, как экономическая организация страны зависела от купцов, будет необходимо привести краткое описание путей, по которым рис шел от крестьянского хозяйства до торговцев рисом. Во-первых, нужно понимать, что большинство самураев получали этого зерна больше, чем им требовалось, и что, хотя их пайки и статус, который давал право на эти пайки, выражались в количестве риса, большинству получателей довольствия фактически платили деньгами. Только низшие ранги, доходы которых приближались к их потреблению, были склонны получать свои пайки именно рисом. То же самое могло произойти с обедневшими дайме, но во многих случаях они вынуждали своих крестьян выплачивать им деньгами еще до сбора урожая. В хозяйствах всегда существовало определенное количество того, что можно было назвать «частным» рисом: крестьяне обычно продавали часть оставшегося у них риса после уплаты своих налогов, в то время как ростовщики, которые выдавали наличные в счет будущего урожая, забирали его, когда он созреет, к тому же наличествовало и определенное количество незаконно выращенного риса.

Этот «частный» рис обычно скупался на месте и отправлялся в основном в Осаку, как и большая часть рисового налога из провинций, не принадлежавших сегуну.

В разных местах с таким рисом обращались по-разному. Картина того, что происходило с рисом, полученным с территории сегуна, была ясной. Его резиденция и военное прави-

тельство находились в Эдо, и рис должен был доставляться именно туда. Крестьянин был обязан доставить его к конторе управляющего имением или в другое удобное место после предварительного сбора у хранилища[46] старосты деревни. После проверки в конторе крестьяне везли рис в порт и грузили на суда для транспортировки в Эдо. Корабли нанимали с условием оплаты одной трети после погрузки и двух третей по прибытии. Им не разрешалось перевозить другой груз, поскольку перевозка на кораблях «частного» риса оплачивалась капитану одной пятой вместимости судна для продажи. Рисовый налог должен был сопровождать представитель крестьян того имения, откуда его везли, обычно староста, и он же должен был получить расписку, когда рис уже сложен в амбар. Он обязан был привезти эту расписку назад в имение для доказательства, что проследил за благополучной доставкой риса.

Та часть риса из сложенного в эдоские амбары центрального правительства, которая была выделена для раздачи в виде жалованья чиновникам, распределялась три раза в год - во второй, пятый и десятый месяцы, обычно в соотношении: одна четвертая, одна четвертая и одна вторая. Иногда часть доходов выплачивалась в деньгах, по курсу не обязательно равному ожидаемой рыночной цене риса. В начале эпохи Токугава денежная компенсация порой превосходила сумму, которую можно было выручить от продажи эквивалентного количества риса; несомненно, в более поздние годы она существенно сократилась. Чиновникам в соответствии с их рангом назначались определенные дни, а для чиновников одного ранга проводилось нечто вроде лотереи, чтобы определить порядок, в котором они будут получать свои пайки. Первоначально чиновник сам ходил получать свой рис, но постепенно эту обязанность стали возлагать на посредников - представителей торгового сословия, которые появлялись по рекомендации владельцев чайных рядом с рисовыми складами, где обычно самураи поджидали своей очереди, чтобы получить свои пайки. В обязанности этих посредников входило предъявление доверенности и получение риса. Иногда они доставляли его по назначению, но гораздо чаще забирали себе, а самураю отдавали денежный эквивалент. Естественно, они начали ссужать самураев деньгами задолго до наступления дня выплаты рисовых пайков, так что в конце концов получали существенную прибыль от процентов по ссудам и от комиссионных за свои услуги как в получении риса, так и в его продаже.

Система подобного рода существовала в некоторых других приамковом городах, но большая часть рисового налога из провинций переправлялась на судах в осакские или эдоские амбары дайме, кому этот рис принадлежал. Средства, вырученные от продажи риса купцам, шли на содержание эдоских резиденций, где проживали семейство дайме и он сам, когда совершал свой обязательный визит в столицу. Рисовый рынок Осаки был столь же сложным образованием, как и многие продуктовые рынки, до сих пор сохранившиеся на Западе, и привлекал разнообразных посредников и спекулянтов, которые покупали и продавали рис, еще не собранный или даже не существовавший вовсе. Основные сделки заключались на улицах городского района Додзима - Уолл-стрит токугавской Японии. При угрозе тайфунов в критический момент роста риса, неблагоприятных воздействий солнца и дождя большое внимание уделялось погодным условиям, и посредников часто изображали вглядывающимися в небо в попытке оценить перспективы. Роль купцов можно интерпретировать по-разному. Они фактически выступали в роли ничего не производящих посредников, но их деятельность по распространению ссуд под сбор урожая, который происходил только раз в год, и по предоставлению денежных средств в Эдо для закупки урожая, выращенного в отдаленных провинциях, обеспечивала работу искусственной финансовой системы, созданной сегунами Токугава.

Одной из характерных черт осакской рисовой биржи было то, что даже если сделки заключались при наличии реального урожая (что и бывало в большинстве случаев; сделки с еще не выращенным рисом или в счет будущего урожая периодически запрещались правительством), то финальное рукопожатие служило гарантией качества зерна в пакгаузах, где он хранился. В результате всех торговых операций некоторое количество риса отправ-

лялось в другие районы. Киото, например, зависел от поставок из Осаки. Местный спрос также должен был удовлетворяться, а он был очень высоким - население Осаки имело репутацию людей с очень хорошим аппетитом. Японская поговорка гласит: «В Осаке любят поесть, в Киото - пощеголять». В водовороте рисовых рынков вращались и те, кому нужно было зерно, чтобы продавать его в своих лавках. Ценами, господствующими на рисовой бирже, определялось, сколько им нужно платить, и они получали свои крохи с купленного ими количества, отправлялись на склады и забирали свой рис - возможно, в тяжелых подводах с впряженными волами (обычно запрещенными для простолюдинов в Японии, но разрешенными для перевозки риса и других товаров по улицам Осаки).

До сих пор рисовые зерна обычно оставались в коричневой оболочке. Те, кто победнее, употребляли рис в таком виде, но обычно в обязанности владельцев рисовых лавок входило «лушение», или обдирка, риса перед продажей, часто с помощью специальных механизмов и устройств. Некоторые покупатели, особенно те, что покупали рис в больших количествах, нанимали «обдирателей», которые приносили с собой переносное оборудование и устанавливали его на улице перед домом.

Хотя Эдо был естественным рынком сбыта для удаленных провинций и имел основательный собственный рисовый рынок, оборот того, что находился в Осаке, сильно его превосходил. Это также относилось к любому другому продукту: маслу (получаемому из разнообразных семян), хлопку, индиго и так далее, не говоря уже о сакэ и соевом соусе из областей близ Осаки, - поэтому не только осакские купцы превосходили эдоских, но и Осака также была центром широкой сети грузоперевозок по транспортировке продукции и товаров в Эдо. До эпохи Токугава основными торговыми путями были пути из Осаки на запад через Внутреннее море (соединяющее побережье Хонсю с северным побережьем Сикоку и Кюсю) и на восток от Эдо, с важным портом захода Симода. С северо-западного побережья грузы курсировали в порты Цуруга и Обама, откуда товары нужно было доставлять сухопутным путем к северной оконечности озера Бива, откуда на лодке по озеру и по реке в Осаку. Существовал северо-восточный путь до Эдо, который не огибал полуостров Босо, а шел по внутренним водным путям от Теси. Пути по Внутреннему морю раньше были опасными из-за пиратов - вако, разбойничавших в бесчисленных небольших гаванях островов, но сказывались мирные условия, активные меры, предпринятые Хидэеси, и этот риск перестал угрожать перевозкам.

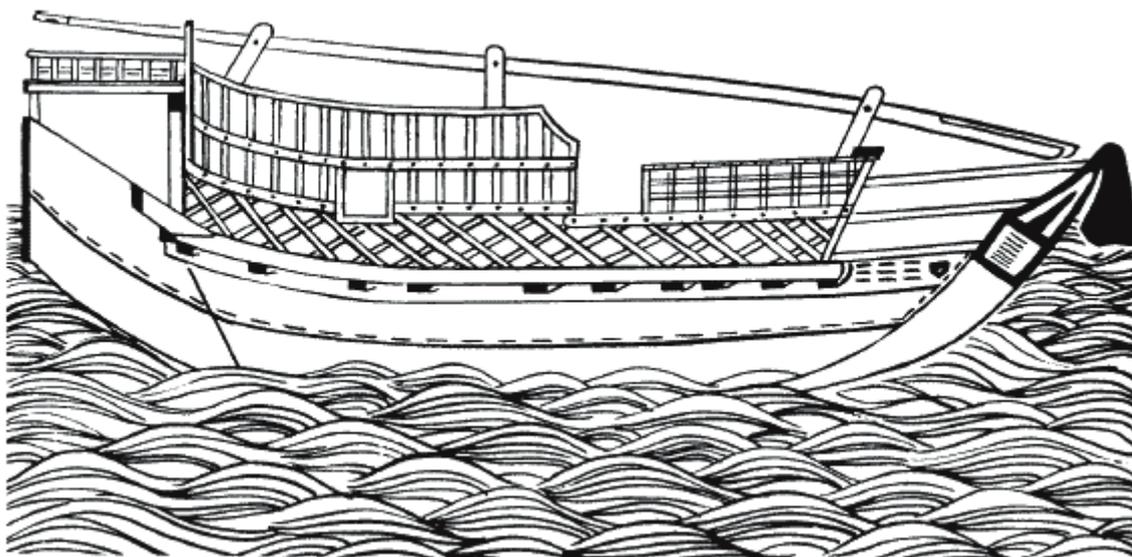

Рис. 47. Корабль линии «Хигаки» с «бриллиантовым фальшбортом»

В XVII столетии торговле с азиатским континентом был положен конец, и строительство больших судов, способных совершать океанские рейсы, больше не разрешалось. С другой стороны, от путей, упомянутых выше, с перепогрузками, которые вызывали значи-

тельные потери от воровства и порчи товаров, стали отказываться в пользу единственного, хотя и более долгого, морского пути вдоль северного побережья и через пролив Симоносэки и в Эдо вокруг полуострова Босо. Этот последний маршрут был выбран при поддержке самого сегуна, желающего привести как можно больше риса в Эдо.

С конца XVIII века этот путь был продолжен к северу от Хоккайдо, откуда стали поставлять лес и сушеную рыбу. Что же касается самих кораблей, сохранилось описание такого внимательного наблюдателя, как Кэмпфер. Вот какими видел он их в конце XVII века:

«Купеческие корабли, которые рисковали выходить в море, хотя и не слишком далеко от береговой линии, и служили для перевозки людей и товаров от одного острова или провинции до других, являются крупнейшими морскими сооружениями страны... Обычно длиной четырнадцать морских саженей, а шириной - четыре, они строились как для хождения под парусом, так и на веслах; оба конца киля значительно выступают из воды. Остов корабля не округлый, как это бывает у европейских судов, но та часть, что находится ниже поверхности воды, проходит почти по прямой линии в направлении киля. Корма широкая и плоская, с широким отверстием посередине, которое почти достигает дна судна и открывает взору все, что находится внутри. Такое отверстие изначально было придумано для облегчения управления рулем, но, поскольку император {т. е. сегун} принял решение закрыть свои владения от всех иноземцев, были изданы указы, чтобы ни один корабль не был построен без такого отверстия, и все это для того, чтобы не допустить рискованных попыток его подданных выйти в открытое море...

Палуба немного приподнята в направлении кормы... Она состоит лишь из нескольких досок, лежащих свободно, без всякого крепления. Она возвышается над поверхностью воды, но совсем немного, когда корабль полностью загружен. Почти всю палубу занимает своего рода каюта высотой в человеческий рост, лишь небольшая часть ее у самого носа судна оставлена пустой, чтобы сложить туда якорь и другие снасти. Эта каюта выступает с каждой стороны корабля почти на два фута, по кругу располагаются раздвигающиеся окошки, которые можно открывать или закрывать по желанию или при необходимости. В носовой части находятся каюты или комнаты для пассажиров, отделенные друг от друга скользящими перегородками и дверями с полами, покрытыми превосходными опрятными циновками. Самая первая каюта всегда считается лучшей и по этой причине предназначается самому важному пассажиру. Крыша, или верхняя палуба, плоская и сделана из точно подогнанных досок, соединенных между собой каким-то странным способом. В дождливую погоду мачта лежит на верхней палубе, а парус растягивают, и он служит убежищем от непогоды для матросов и обслуживающего персонала, а также спальным местом по ночам...

У корабля только один парус из пеньки и к тому же очень большой. У него также только одна мачта, устанавливаемая на морскую сажень от середины, ближе к корме. Эта мачта, длина которой равна длине всего корабля, поднимается вверх с помощью шкивов и снова опускается на палубу, когда корабль встает на якорь. Якори сделаны из железа, а канаты свиты из соломы, но они гораздо крепче, чем можно подумать на первый взгляд.

Корабли такого тоннажа обычно обслуживает по 30 или 40 человек гребцов, если ветер тихий. Скамьи для них расположены ближе к корме. Ритм и слаженность в работе веслами задает либо песня, либо скандирование каких-то слов, которые одновременно служат и для взаимной поддержки гребцов. Их манера гребли не похожа на европейскую, когда весла выбрасываются прямо и вперед и задевают лишь поверхность воды. Японцы опускают их в воду почти перпендикулярно, а затем снова поднимают их вверх. Такой способ требует меньших усилий, особенно когда кораблям случается проходить через узкие проливы, либо когда они проплывают мимо другого корабля. Важен и тот факт, что скамьи гребцов значительно приподняты над поверхностью воды.

Кроме того, весла выполнены особым способом, специально рассчитанным для такой гребли, они не прямые, а немного изогнутые, с подвижным шарниром в середине, кото-

рый, поддаваясь жестокому давлению воды, облегчает их подъем вверх... На маленьких судах, как только они встают на якорь, руль поднимается и перебрасывается на берег так, чтобы можно было пройти через отверстие на корме, как через черный ход, и сойти по рулю на землю, как по мосту».

Перевозка грузов была хорошо организованным делом. Большая часть торговли между Осакой и Эдо осуществлялась с помощью двух судоходных линий. Самая первая носила название «Хигаки» («Бриллиантовый фальшборт»), потому что корабли, курсирующие по этому пути, были оснащены фальшбортом из бамбуковых шестов в форме бриллианта, чтобы груз не падал за борт, когда корабль бросало на волнах. Начало этого маршрута было положено приблизительно в 1620 году, когда купец из древнего торгового города Сакаи, сразу на юге от Осаки, нанял несколько судов из гаваней полуострова Кии, чтобы начать прямые перевозки в Эдо. Именно с того времени грузопоток начал оставлять сухопутный путь. Около 1660 года еще одна судоходная линия «Тару» («Бочка») начала транспортировку сакэ из городов, где его варили, таких как Нисиномия, в Эдо. Оба пути работали сообща со складами, где товары получали для транспортировки и где они хранились, пока их не заберут. В 1772 году линия «Тару» имела восемь пакгаузов в Осаке и шесть в Нисиномии, в то время как в 1773 году линия «Хигаки» имела девять. В те годы была достигнута договоренность с центральным правительством, по которой в обмен на ежегодный доленой взнос (так называемые «благодарственные» деньги) им позволялось распределить грузоперевозки между Осакой и Эдо следующим образом: перевозка сакэ ограничивалась линией «Тару»; рис, отруби, индиго, пшеничная лапша, уксус, соевый соус и восковые свечи могли перевозиться любой из линий; корабли же линии «Хигаки» обладали исключительным правом перевозить все остальные товары. Монопольные сговоры подобного рода были широко распространены в то время, образовывались всякого рода торговые ассоциации. В результате «благодарственные» деньги составляли существенный годовой доход для правительства.

В 30-х годах XIX века государственный контроль был снят, и в следующее десятилетие обе линии устраивали своего рода гонки в одиннадцатом месяце. «Тару» перевозила свежее сакэ, а «Хигаки» - шелк, и капитан, чей корабль первым достигал Эдо, получал большую премию, а сам корабль - различные льготы и привилегии на год. Позднее линия «Тару» заняла доминирующее положение и перехватила почти всю торговлю.

Кроме этих важных грузоперевозчиков, бесчисленные прибрежные суда следовали от гавани к гавани и вдоль судоходных рек, перевозя не только товары, но и пассажиров. Один из важнейших речных путей проходил между Фусими, в нескольких милях к югу от Киото, и Осакой и использовался очень активно.

Поскольку суда были задействованы лишь для прибрежной торговли и проходили короткие расстояния от порта к порту, особого внимания комфорту команды не уделялось: там не было ничего, кроме простого навеса, чтобы укрыться от дождя, и очага, чтобы приготовить немного риса. Моряки были такими же знатоками погоды, как и повсюду в мире, и так же суеверны. Их храбрость подвергалась испытаниям внезапными штормами. Они без колебаний забивали китов, мясо которых считалось деликатесом. Вообще рыболовство было распространено вдоль всей береговой линии и было хорошо организовано вблизи больших городов.

Рис. 48. Носильщики паланкина ожидают платы. Они, видимо, крутые парни, о чем говорит татуировка, которая служила в Японии одним из наказаний за незначительные преступления, на их спинах и плечах

Дух свободного предпринимательства, который некогда, так сказать, вдохновлял вако-пиратов Внутреннего моря, сохранился у моряков, ходивших вокруг Нагасаки, к югу от оконечности Кюсю и к северу от острова Хирадо. Здесь всюду орудовали контрабандисты. Каналы связи от острова к острову на юге вели к Рюкю и к Китаю, именно там и происходили нелегальные встречи с иноземными судами.

Несмотря на хорошо развитое морское сообщение между Эдо и Осакой, все более оживлялось движение по наземным путям. По ним двигались не только живописные процессии дайме, они были жизненно необходимы как для воинского сословия, так и для торговцев. Доставка посланий чрезвычайной важности была доверена чиновникам, которые принимали утомительные путешествия в тряских паланкинах - каго. Носильщики обычно выкрикивали «речевки», задававшие определенный ритм; на бегу они почти не сгибали ног, что было, по описаниям, довольно неприятно для пассажиров, которые пытались удержаться при тряске за петлю, привязанную к шесту, укрепленному на верху каго. Посыльный, который нес в Аки известие о смерти своего господина, часто не в состоянии был отпустить петлю, когда достигал пункта назначения, - так сильно у него сводило руки в продолжение этого марш-броска. Носильщики, конечно, сменялись через короткие интервалы на почтовых станциях вдоль Токайдо.

Для доставки писем, документов и небольших упаковок с деньгами существовала сеть экспресс-курьеров, передвигавшихся пешком. В начале эпохи Токугава сегун и некоторые дайме держали собственную курьерскую службу. Это была система эстафет со сменой посыльных через каждые семь ри. В 1663 году ее передали купцам, которые организовали службу доставки между Эдо и Осакой три раза в месяц. Они совершали путешествие до Киото за десять дней плюс еще два, чтобы добраться до Осаки. Были и несколько менее быстрые и более дешевые способы доставки в течение двадцати пяти дней, но существовала действительно срочная доставка - всего за три дня, когда курьеры двигались и днем и ночью, в среднем покрывая более 100 миль в день, ею пользовались чиновники. Курьеры, работающие на правительство, пользовались правом первоочередности на переправах и могли проходить заставы в любое время; очень часто посыльного сопровождал эскорт, несущий фонарь, на котором было написано слово «го-е» («по государственной надобности»). Системы доставки подобного рода существовали и на других крупных дорогах Японии.

Когда морские перевозки процветали, пользоваться наземными путями для транспортировки товаров было экономически невыгодно. Вьючные лошади и носильщики двигались по дорогам в те провинции, куда невозможно было добраться морским путем или когда надо было доставить товары, требующие особого внимания, например подарок, посланный в конце XVII века известным актером Киото, Сакатой Тодзюро, своему коллеге в

Эдо, - огромный кувшин воды из реки Камо, чтобы тот мог использовать ее для первой чайной церемонии в праздник Нового года. Годзюро хотел преподнести своему другу не слишком дорогой, но сердечный дар и, чтобы обеспечить благополучную доставку, отправил его сухопутным путем с восемью носильщиками.

Взгляд на то, как богатело семейство Мицуи, которое, как и Киноикэ, пережило Реставрацию и стало одним из финансовых гигантов современной Японии, прольет больше света на образ жизни купечества того времени. Издревле семейство Мицуи обосновалось в городке Мацудзаке, близ Исэ, где занималось торговлей сакэ и ростовщичеством. Начало их обширного дела было положено Такатоси (1622-1694), младшим сыном другого Такатоси. Их семейство имело право носить фамилию благодаря самурайскому происхождению. Глава семейства, по слухам, был лишен способностей к коммерции, и успех в торговле приписывается влиянию матери.

Рис. 49. Знак торгового дома Мицуи виден сверху в центре этой вывески с надписью большими иероглифами «Гофукумоно» - «Ткани» под ним. Сверху слева надпись «какэнэ наси» - «за наличный расчет»; сверху справа - «гэнгин» - «продажа за серебро»; внизу слева - «Этиго-я», а внизу справа - «Мицуи» написано обычными иероглифами

Приблизительно в 1625 году старший из сыновей, Тосицугу, уехал в Эдо, чтобы воспользоваться новыми обстоятельствами и помочь преумножить семейное состояние. Сначала он работал на каких-то родственников, которые держали лавку по продаже тканей, но в 1627 году в возрасте 20 лет открыл собственную, а затем и еще одну в том же районе. Он занавесил вход тканью цвета индиго (норэн), которая не давала проникнуть пыли и жаре с улицы и в то же время служила символом независимости и целостности дела. Она была украшена фамилией владельца торгового дома - иероглифом «мицу», состоящим из трех горизонтальных черт («три»), и иероглифом «и» («колодец»), что вкупе составляло «Мицуи». Торговые дома очень часто имели названия, оканчивающиеся на иероглиф «я» («дом»); Мицуи назвал свое семейное дело «Этиго-я». Он также открыл лавку в Киото, которая в конечном итоге стала основой его дела.

Тем временем Такатоси подрастал, и в 1635 году мать дала ему хлопка на десять ре, чтобы начать свое дело. Он отправился в Эдо, чтобы работать помощником в одной из лавок своего брата. У него было хорошее чутье, и дело начало процветать. Через десять лет оборот капитала этой лавки увеличился от 100 каммэ серебра (1670 ре золота) до 1500. Однако он работал и на себя: в 1649 году он вложил 800 ре в одну из других лавок в Эдо, в то время как 10 ре его собственного начального капитала увеличились до 10 каммэ серебра. Такатоси решил отделиться и начать собственное дело.

Однако его брат прослышал об этом и испугался, что если Такатоси составит ему конкуренцию, то его собственное дело может пострадать. Поэтому он убедил свою мать, вдовую с 1633 года, отозвать Такатоси в Мацудзаку, чтобы взять в свои руки семейное дело. Авторитет старших был непререкаем, и Такатоси не посмел ослушаться мать, несмотря на то что ему было уже 27 лет. По возвращении он женился на дочери другого процветающего мацудзакского купца; она родила ему десять сыновей и пять дочерей.

Теперь он строил планы уже для своих сыновей, а не для себя. Его брат Тосицугу все еще жил в Киото, но наследовать имущество должен он, поэтому Такатоси задумал сам позаботиться о состоянии собственной семьи. Вначале в 1652 году он построил себе дом и занялся меняльным бизнесом. Как и у Коноикэ, доходной стороной этого дела были денежные ссуды, но, находясь в сельской местности, кроме дайме и коллег купцов, которые брали в долг деньги, Такатоси также обслуживал крестьян, которым нужны были наличные, чтобы по существующим правилам выплатить налог прежде получения урожая или компенсировать недород риса, предназначенного для выплаты налога, а также иногда для дополнительных работ по мелиорации. Поскольку ссуды дайме и крестьянам обеспечивались рисом, было естественно, что к его деятельности добавились операции с рисом. Ссуды купцам, по-видимому, не занимали большого объема в его деле, но он сколотил довольно большой капитал деятельностью иного рода.

В 1667 году он послал своего старшего сына, Такахиру, которому тогда было 14 лет, в лавку Тосицугу в Эдо, где он прежде сам учился торговле, а в 1668 и 1672 годах за старшим последовали еще двое сыновей. В 1670 году Такахира сменил свое имя на Хатиросэмон. Он уже приобрел репутацию хорошего торговца и к 1672 году попытался убедить своего отца открыть лавку специально для него. Принять это решение стало легче с внезапной смертью Тосицугу в следующем году. Бабушка, которой к тому времени стукнуло уже 83 года, но которую не считали настолько старой, чтобы с ней не посоветоваться, одобрила этот план, и Хатиросэмон открыл собственную розничную лавку в Эдо. Его отец уехал в Киото и приступил к покупке одежды для отправки в Эдо. Они назвали это дело «Этиго-я Хатиросэмон» и начали с капитала 100 каммэ серебра. В эдоской лавке работало пять-шесть старших помощников, два подмастерья и один внештатный работник. В Киото было четыре старших продавца и такое же количество младших.

Рис. 50. Лавка тканей Мицуи в Эдо

В Эдо все лавки, торгующие тканями, в то время располагались на одной улице, и их насчитывалось два-три десятка. Размер их исчислялся шириной переднего фасада. Самые большие достигали около 120 футов, но лавка Хатироэмона была арендованным помещением шириной лишь 9 футов. Вскоре он арендовал еще одну такого же размера на той же улице. Сначала он был не в состоянии доставлять нужное количество товаров из Киото в Эдо, чтобы заполнить свои лавки, и занял небольшой их запас у родственников. В то же время, выходя на рынок с прочно обосновавшимися участниками, ему пришлось искать способы, чтобы самому обосноваться среди них.

Он решил ввести новый способ оплаты. До этого клиенты обычно платили раз в год, в конце двенадцатого месяца или, возможно, в шестом и двенадцатом месяцах, и это явно перекрывало приток капитала на значительный период времени, что удерживало высокий уровень цен. Такатоси ввел оплату за наличные в момент продажи и снизил цены на 10-20 процентов. Можно догадаться, что такое снижение цен не понравилось конкурентам, и в 1683 году он перебазировался в другой район, чтобы быть от них подальше.

Киотское дело также расширилось с покупкой цеха в районе Нисидзин, центре ткачества высококачественного шелка, и в первые годы нового века в его лавках начали появляться отрезки шелковой ткани, импортируемой из Китая через Нагасаки. Чуть раньше была открыта еще одна лавка в Эдо для торговли хлопковыми тканями. Приблизительно к 1720 году персонал, работающий на Мицуи, увеличился с 17 человек более чем до 130. Это показывает, как возросло число людей, которые могли позволить себе покупать одежду, продаваемую в лавках Мицуи. Такой рост возник частично из-за увеличения городского населения, а частично из-за повышения его благосостояния.

Сайкаку включил в одно из своих произведений описание семейного бизнеса Мицуи. Среди новшеств, которые он приписывает этому торговому дому, была специализация торгового персонала - каждый человек отвечал за определенный продукт, - а также из купленного материала моментально изготавливали одежду непосредственно в присутствии клиента.

Дальнейшее расширение дела произошло в 1683 году, когда к эдоским лавкам добавилась меняльная. Три года спустя семья переехала из Мацудзаки в Киото, и обмен денег начали проводить в новом здании. В 1687 году Мицуи стал официальным поставщиком тканей для центрального правительства с конторами для этой цели как в Эдо, так и в Киото. Однако Такатоси вовсе не был уверен в коммерческой выгоде этого, хотя и почетного, положения; он воспользовался первой же возможностью отказаться от такой чести и предупредил своих наследников, чтобы они не вздумали требовать возврата такой привилегии. В 1689 году эдоское меняльное дело вошло в тридцатку «основных меняльных заведений» Эдо. Они, как осакские «десять семей», обладали особыми контролирующими функциями над другими меняльными лавками, а также выступали в качестве правительственных представителей, удостоверяющих точное число завернутых монет, сверяющих выплаченные и полученные суммы, и так далее.

До сих пор деятельность семейства Мицуи была ограничена Мацудзаку, Эдо и Киото; теперь они со своим торговым и меняльным бизнесом переместились в Осаку и в том же 1691 году заключили контракт на перевозку общественных денег из Осаки в Эдо. Суть этой системы состояла в том, что эдоская меняльная контора получала деньги и заключала соглашение на доставку их эдоским властям в течение шестидесяти дней. За это им не платили комиссионных, но была разработана схема, по которой они не только получали правительственную защиту своих сделок, но и небольшой, но стабильный доход. Как только деньги приходили в осакскую контору, их ссужали под долговые обязательства другим осакским купцам, которые имели должников в Эдо; тогда долговые расписки отправлялись туда и представлялись должникам, которые их погашали. Деньгами, полученными таким образом, семейство Мицуи оплачивало собственные обязательства перед правительством. По-видимому, суммы, проходящие через эти сделки, считались общественными, из чего следовало, что любая невыплата повлечет за собой соответствующие меры. Семейство Мицуи также вкладывало собственные средства в такие сделки и смогло устроить так, что их деньги слились с государственными, так что Мицуи тоже получали выгоду от государственной защиты. Кроме общей выгоды в уменьшении количества монет, которые нужно было перевозить туда-сюда между Эдо и Осакой, Мицуи также получали личную выгоду от того, что имели возможность распоряжаться государственными деньгами на протяжении двух месяцев. Это давало им возможность взимать проценты, когда деньги ссужали осакским купцам. Подобное предприятие стало совершенно безопасным и было

главным шагом в превращении Мицуи из фирмы, занятой торговлей лишь в строго ограниченной области, в общенациональную финансовую организацию.

В 1694 году Такатоси слег. Он призвал четырех сыновей, участвовавших в семейном деле, и передал им в совместное пользование все имущество, но установил для каждого определенную часть прибыли. Когда он в 1695 году умер, направления в бизнесе были четко определены. Следовало избегать рискованных операций, например, с большой оглядкой давать деньги в долг дайме и отказывать просителям в ссудах на мелиорацию земель. К концу эпохи Токугава семья, однако, перестала придерживаться такой политики. Предприятие Мицуи до сих пор действительно очень влиятельно во всех областях, в то время как их торговля тканями теперь представлена сетью универмагов «Мицукоси» («Мицу» - фамилия, а «коси» - японское прочтение иероглифа, использованного в написании «эти» в «Этиго» - изначальном названии торгового дома).

Существовало несколько других влиятельных купеческих семей, каждая из которых специализировалась в определенной сфере, как Сумитомо в горном деле, но описаний семейств Мицуи и Коноикэ достаточно, чтобы показать крепость семейных связей и власть старших членов семьи, а также то, как купцы могли использовать воинское сословие в достижении собственного благополучия.

В отличие от крестьян, чей кодекс поведения был сформулирован воинским сословием, купцы сами создали свои правила. Вот некоторые из них:

«Купцы, в отличие от воинов, не получают жалованья, а полагаются на свою каждодневную торговлю в зарабатывании денег и обеспечении смены поколений в семье. Они должны прибегать к экономии в одежде, пище и жилище и запасать средства на случай непредвиденных обстоятельств: болезнь, пожар, землетрясение.

Поскольку их средства к существованию зависят от клиентов, они должны относиться к самой мелкой сделке как к важной. Они не должны быть неучтивы даже по отношению к служанкам или детям.

Воины имеют свой кодекс поведения, крестьяне - свои правила посадки и сбора урожая, ремесленники - свои способы производства товаров, и точно так же купцы должны подводить свои счета каждый день. «Рот - врата к несчастью, язык - причина катастрофы» - гласит поговорка, и никогда не следует употреблять бранные или обидные слова при разговоре с клиентом.

Образ жизни купца состоит в преданности своему господину, который направляет его по правильному пути, и ему не следует забывать о долге и благодарности родителям, которые вырастили его и которые, терпя скудную пищу и нося бедную одежду, трудились на благо процветания семьи, для будущих поколений».

Менее назидательные, но все же показательные моральные нормы были предложены Сайкаку, один из героев которого предписывает следующие меры и приоритеты, чтобы суметь сделать состояние: «Ранний подъем - 10 процентов; преданность семейному ремеслу - 40 процентов; сверхурочная работа - 16 процентов; бережливость - 20 процентов; хорошее здоровье - 14 процентов».

Мешают достижению благополучия «дорогая пища и женщины; шелковое кимоно на каждый день; личные паланкины для жен; уроки музыки, игра в карты для дочерей, достигших брачного возраста (игра в карты со стихами - утагарута - очень популярное в то время развлечение среди женщин всех сословий); уроки игры на барабанах для сыновей; игра в ножной мяч-кэмари (напоминает футбол), стрельба из лука - кюдо, участие в поэтических состязаниях; обновление дома, пагубное пристрастие к чайной церемонии; любовование цветущей вишней, лодочные прогулки, ежедневный прием ванны; проведение ночей в городе, вечеринки с азартными играми, домашние игры; уроки для горожан в умении владеть мечом и драться на мече; посещение храмов и чрезмерная озабоченность будущей жизнью; вовлеченность в неприятности других, поручительство за кого-то; тяжбы по поводу мелиорации земель и участие в поисках полезных ископаемых; употребление сакэ в ужин, неумеренное курение трубки, поездки в Киото без необходимости; пожертво-

вания на поддержку борьбы сумо, чрезмерные приношения в храмы; вырезание мелких предметов в рабочее время; коллекционирование золотых гард для мечей; дружеские отношения с актерами и посещения веселых районов; заем денег более чем под 8 процентов в месяц. Все это смертельней, чем шпанская мушка[47] или мышьяк».

Другими словами, надо усердно работать и не тратить время и деньги на пустые дела.

Глава 6

Придворные, священнослужители, лекари и люди умственного труда

Императоры, потомки богини Солнца, начиная с X века властвовали обычно недолго, но императорский род никогда не прерывался. Дворец их находился в Киото, где на землях, предоставленных им правительством, они вели спокойную жизнь, наполненную церемониями и литературными занятиями. Придворные, которые тоже имели там собственные дома, все еще занимали по древней традиции чины и ведомства, и до сих пор детали в их придворных платьях указывали на различия в рангах. По повелению сегуна чины и должности императорского двора присваивались воинам высших рангов, и по случаям больших церемоний они также надевали придворное платье. Император продолжал исполнять вековые церемонии, связанные с посадкой и сбором урожая риса. Однако главной причиной сохранения императорского престола был исключительно консерватизм, в частности и в том, что власть сегунов была освящена императором; именно он, пусть и будучи фигурой декоративной, назначал их главнокомандующими.

Иностранцы, приезжавшие в Японию в то время, вряд ли знали о существовании императора, и Кэмпфер фактически называл императором сегуна, говоря о нем как о своего рода «римском папе», проживающем в Киото. Однако императоры отчасти утешались тем, что от них не ожидали, что они должны умереть на своем посту, и поэтому пользовались любой возможностью отречься от престола и вести тихую жизнь в уединении (под наблюдением конечно же, как это требовалось, чиновников, приставленных к ним реальными властителями). Старший сын часто был еще совсем юным, когда сменял на троне своего отца. Младшие сыновья становились обычно главными священнослужителями - канниси, и многие влиятельные буддийские храмы оставляли незанятыми главные духовные должности для членов императорской фамилии. При режиме Токугава дочерям императора сначала не дозволялось выходить замуж, а полагалось посвящать жизнь религии.

Киото очень гордился тем, что император живет именно в этом городе, тогда как торговое сословие в Эдо надеялось получить возможность обслуживать двор сегуна. Купцы Киото очень старались получить заказы из императорского дворца.

Это, по-видимому, было не очень прибыльным занятием, но сопутствующий этому престиж привлекал клиентов, претендующих на изысканно-утонченный вкус, которые желали заплатить лишние деньги за то, что пользовались услугами из того же источника, который обслуживал «небожителей», как иногда называли придворных. Жители Киото время от времени видели обитателей дворцов, когда те отправлялись по официальным делам в своих экипажах с впряженными в них волами или верхом. Когда совершались путешествия на более отдаленные расстояния, возможно, в качестве эмиссаров, направляющихся в Никко[48] почтить богато украшенный мавзолей Иэясу, или великое святилище Исэ, или в Эдо с целью переговоров, им бесплатно гарантировались услуги почтовых станций, а крестьяне были обязаны появляться или посылать делегатов, чтобы служить придворным носильщиками и предложить иные услуги.

Язык двора был чрезвычайно учтив и цветист, а сами придворные считались натурами довольно мягкими и меланхоличными, но, несмотря на это, к ним относились с величайшим почтением. Их занятия заключались в любовании цветами - ханами, цитировании

стихов, начинающихся с последней буквы предыдущего, умении различать и ценить запахи нагретого благовонного дерева рандзятай (все это не одобрялось теми горожанами, которые соблюдали купеческий кодекс бережливости), были и более энергичные, но носящие обрядовый характер занятия, такие как церемониальные танцы под придворный оркестр и игры в ножной мяч, похожие на современный футбол и поло, целью которых была не победа, а грациозные манеры, демонстрируемые в процессе игры. Располагая возможностью развлечений извне, призывали театральные труппы и кукольников, чтобы скоротать свое свободное время, которое, несомненно, тянулось для них медленно, поэтому преступлений здесь не совершалось, да и правительство имело в своем распоряжении систему наказаний: их могли, например, наказать изгнанием.

В середине XIX века двор встает во главе переворота, в результате которого происходит свержение сегуната и замена императорским правлением, чего не знали почти тысячу лет; таким образом, самый традиционный из японских институтов стал осуществлять контроль над политикой, положившей конец периоду традиционной Японии.

Поскольку император считался потомком богини Солнца, Аматэрасу-оо-но-миками - «великой священной богини, сияющей на небе», он был и гарантом плодородия и даже возделывал священное рисовое поле в окрестностях своего дворца, точно так же как китайский император нес ответственность за урожай своей многонаселенной страны. Религия, в контексте которой осуществлялись эти функции, была сочетанием поверий и обрядов, которые стали тем, что нам известно как синто - «путь богов». В синтоистском пантеоне были великие божества, участвовавшие в сотворении мира и Японии в частности, правящие небом, землей и подземным миром; там были и низшие божества - защитники семей и пятидворок в деревнях и городах, духи, населяющие деревья и камни, а также живущие в крестьянских хозяйствах и присматривающие за кухнями и туалетами; существовали боги, покровительствующие процветанию земледельцев и ремесленников или защищающие союзы торговцев. Великие боги принимали участие в событиях, отраженных в мифах, и поступали как простые мужчины и женщины, и, хотя их не изображали в человеческом образе, они, подобно более скромным духам, незримо присутствовали в священных местах, отмеченных веревкой из рисовой соломы, обвязанной вокруг дерева, камня или определенного места.

В основном обиталищем богов служило синтоистское святилище с несколькими воротами - ториями. Простые люди молились у самых дальних ворот, а внутренние врата были доступны лишь привилегированным персонам. Усыпальницы великих императоров древности и могильный курган Мэйдзи построены по тому же принципу: обычный народ должен поклоняться вдалеке, а члены императорского семейства и представители Хозяйственного бюро дворца могли находиться ближе.

Подойти к святилищу можно было только после очищения: мытья рук, споласкивания рта или ритуального очищения, исполняемого священником, размахивающим над головой верующего жезлом с нарезанными бумажными полосками гохэй. Жрецы проживали в крупных святилищах. В обычной деревне или в городском районе обряды занимали у них много времени, но в провинциальных или национальных святилищах было значительное число служителей, которые все свое время посвящали обрядам.

В более давние времена служительницами в храмах были женщины, которые выполняли функцию посредников (медиумов) для установления контакта между земным миром и миром мертвых. В фильме Акиро Куросавы «Расемон»[49] дух убитого человека дает свою версию преступления, что передается через жрицу. В эпоху Токугава тем из них, кто еще был в живых, пришлось пасть до уровня деревенских знахарок и даже проституток. В числе храмовых служителей были женщины, которые принимали участие в храмовых танцах, но в общем они играли незначительную роль в совершении обрядов. Священники (даже монахи), однако, женились, и обычно сын сменял отца в храме, который вместе с прилегающей к нему землей был фактически частной собственностью священника, хотя пра-

вительственный чиновник осуществлял контроль как над синтоистскими, так и над буддийскими храмами.

Синтоистский священник выступал в качестве посредника между народом и богом. Он получал подношения, возносил молитвы и организовывал театрализованные представления на мифологические сюжеты по определенным праздничным дням; осуществлял много разнообразной административной работы - от раздачи амулетов и защитных надписей в обмен на подношения до управления земельными наделами. В великих святилищах, таких как Исэ или Миядзима, нужно было заботиться и о паломниках. Помогали служителям агенты крупных храмов. О них уже упоминалось как об устроителях паломничества для крестьян по принципу «все включено». Те же услуги они оказывали городскому населению; кроме того, продавали людям, не имевшим возможности отправиться в путешествия к святыням, амулеты и надписи оттуда, а также передавали за вознаграждение определенному божеству просьбы и молитвы, которые просители предпочли бы воздать лично, если бы у них нашлись на то время и деньги.

В целом от синтоистских монахов не требовалось быть аскетами. Их религия предполагает полноту жизни, получение удовольствий от еды, питья и семейной жизни. Несмотря на то что до эпохи Мэйдзи обе религии - синто и буддизм - теоретически составляли единое целое, так что синтоистские боги вошли в буддийский пантеон, хотя и с некоторыми незначительными исключениями, различия между двумя религиями, как и между буддийским и синтоистским духовенством, оставались довольно четкими. Святилище Исэ, богиня которого считалась родоначальницей императорской фамилии и, следовательно, семейным божеством императора, было единственным храмом, на территорию которого буддийские монахи не допускались, и там даже изобрели особый униженный язык для общения с ними, называли «бритой башкой».

Буддийская вера значительно отличалась от религии синто, поскольку в основном не служила посредником между верующими и Буддой. Монахи стремились через свои молитвы пройти по ступеням мироздания, чтобы достичь просветления - сатори. Некоторые из сект, возникших со времени появления буддизма в Японии, сами превратились в отдельные религии. До того как Киото стал столицей в 794 году, дворец императора находился в Наре, и именно в этом городе до сих пор сохранились великие храмы старых сект, верования которых не касались широких масс, - все время посвящалось охране своих сокровищ и философским дискуссиям. Несколько веков спустя появились другие культовые учреждения - великие монастырские и храмовые комплексы на горе Хизэй, к востоку от Киото, и на горе Коя к югу от Осаки. После вооруженного столкновения с войсками Оды Нобунаги они уже не были столь влиятельными, как раньше, но все еще сохраняли свое значение. Буддийское учение, которому они следовали, изобиловало символическими ритуалами, а тайное учение секты дзэн с центрами вокруг Киото и в Камакуре, административном центре раннего сегуната, сводило ритуал к минимуму, но концентрировало усилия на обучении медитации и поисках просветления - аскетизм этого учения, упор на интуицию и власть очень импонировали воинскому сословию.

Все эти секты учили, что человек способен достичь просветления собственными усилиями, хотя другие могут помочь ему либо своими знаниями, либо подходящими молитвами, и объясняли, как быстрее пройти после смерти путь до следующей инкарнации. Позже появились различные секты «чистой земли», которые учили, что спасение человека зависит от усилий другого будды по имени Амида (на санскрите - Амитабха), который даст вечную радость тем, кто искренне и с верой в душе повторяет фразу: «Слава будде Амиде!» - поскольку они проведут остаток вечности, сидя на цветке лотоса в пруду перед тронном Амиды в его рае в западных землях[50].

Последняя секта появилась как раз перед эпохой правления сегунов Токугава, она следовала учению монаха по имени Нитирэн и вылилась в националистическое течение нетерпимости и также сильно пострадала от преследований.

Одним из последствий распространения учений «чистой земли» и Нитирэна было то, что буддизм стал народной религией, вместо того чтобы быть личным делом каждого человека или сообщества людей, занимающихся религией профессионально. Большая часть населения могла ходить на службы, чтобы повторять нараспев фразы, которые, считалось, спасут их в грядущей жизни. И хотя буддизм не сохранил в целом свое политическое влияние, которым пользовался прежде, но стал более тесно связан с простыми людьми.

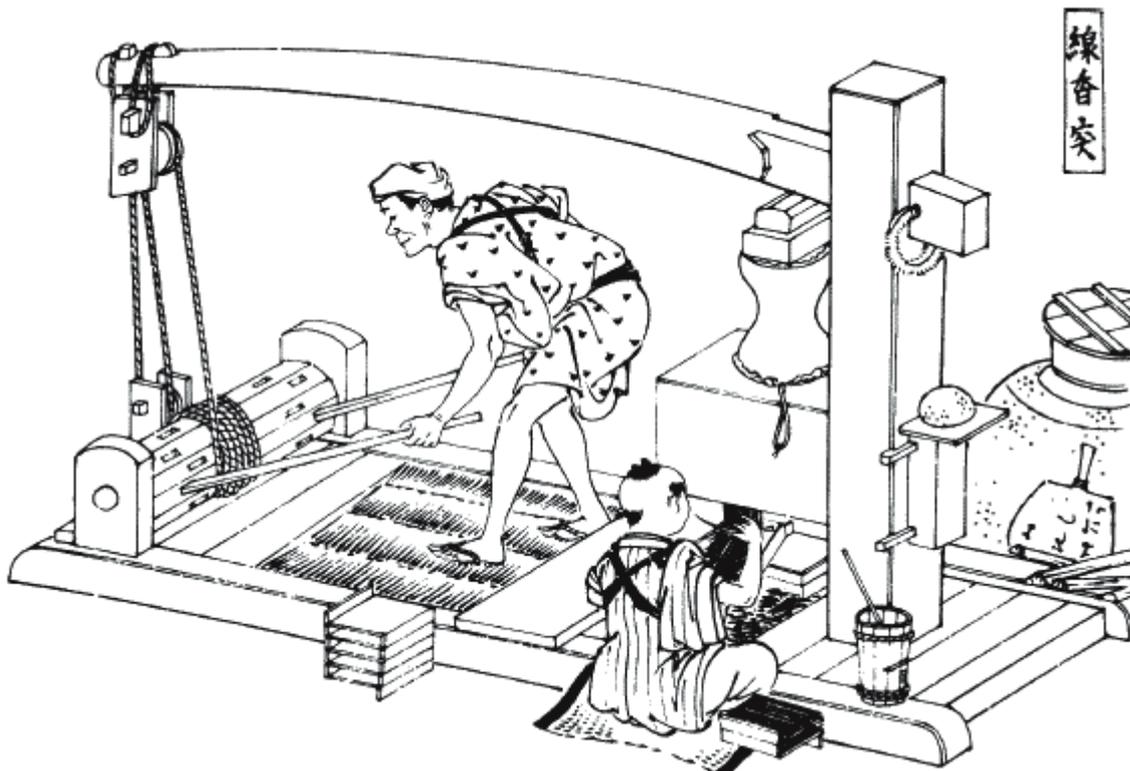

Рис. 51. Изготовитель благовонных палочек для воскурений. Он использует замысловатый ворот, под давлением которого из палочек, которые нарезает сын ремесленника с характерной мальчишеской прической, выступает благовонная смола

Еще одним фактором, который способствовал распространению буддизма, было то, что во исполнение указов против христианства каждый житель был обязан засвидетельствовать свою религиозную принадлежность и внести свое имя в приходские списки буддийского храма. Наблюдалась тенденция к увеличению числа храмов, многие строились в деревнях.

Хотя адептам некоторых ветвей секты «чистой земли» позволялось вступление в брак, подавляющее большинство священнослужителей придерживалось celibата; они были вегетарианцами, избегали сакэ и сильно пахнущих трав. Монахи имели разряды, или ранги, которые присваивались им по мере обучения, эта система существовала в великих храмах, выполняющих важную роль семинарий.

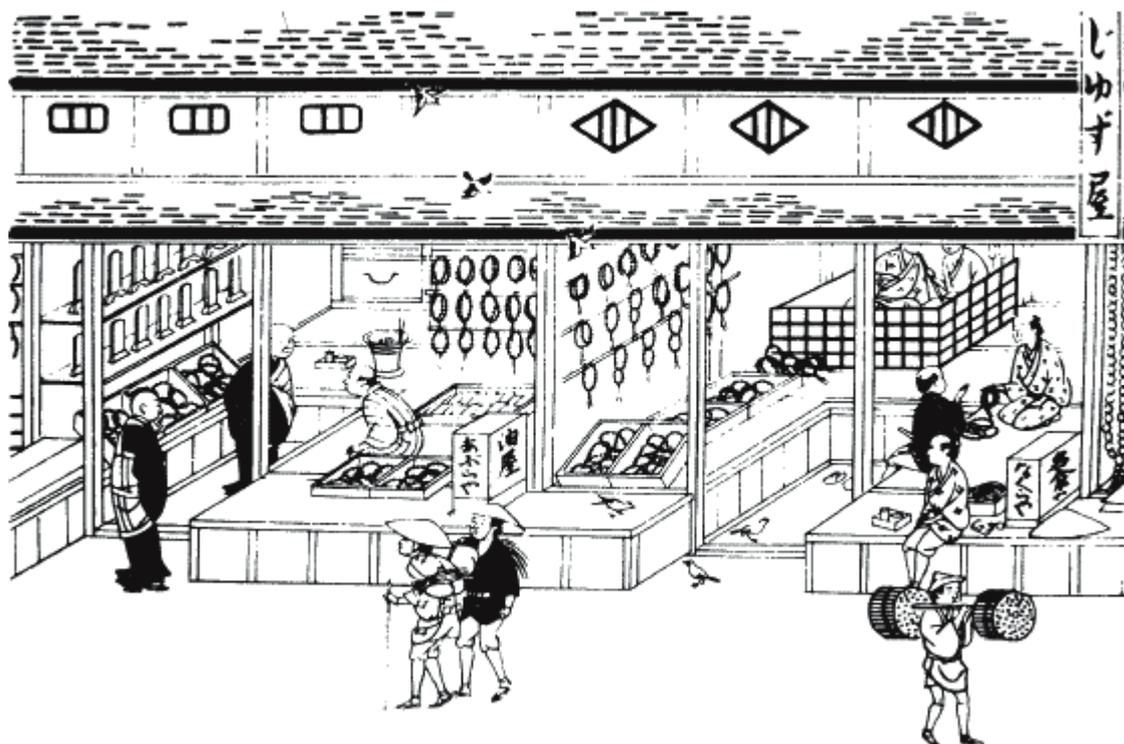

Рис. 52. Две лавки с буддийскими принадлежностями. Та, что справа, «Хакура-я», по-видимому, специализируется на четках, в то время как в «Абура-я» продаются не только четки, но и похоронные таблички (на полках слева). Монахи в «Абура-я» с надетыми оплечьями кэса

Не существовало никакой территориальной системы, похожей на епархии в христианской церкви. Буддийский священнослужитель опирался на руководство семинарии, где обучался и от которой мог зависеть его храм. При правлении сегунов Токугава, по крайней мере в самом начале их правления, в большинстве храмов служили монахи секты дзэн. Нельзя считать, что они проводили все свое время в медитации и бились над решением неразрешимых загадок - ведь они были заняты управлением своими храмами и присматривали за паствой; в частности, созывали людей, чтобы исполнить похоронный обряд, если умирал прихожанин.

Буддизм всегда был связан с вопросами о смерти. Этот мир в конце концов всего лишь ступенька в череде существований, и прощание с ним, естественно, сопровождалось буддийскими обрядами. Существовал относительно небольшой слой населения, который не имел никакого отношения к буддизму, но был приверженцем только синтоистской религии, и для этого существовал синтоистский похоронный обряд, очень напоминающий тот, что совершали немногочисленные семейства, которые придерживались исключительно конфуцианства, и состоящий в захоронении тела, а не кремации. Буддийские обряды, однако, почти всегда требовали сожжения, и дымок погребальных костров на огромных площадях, отведенных для кремации в больших городах, символизировал скоротечность жизни. В сельских районах приверженцев буддийской веры могли предать земле, хотя на протяжении всей эпохи Токугава все шире распространялась кремация. Даже умерших императоров хоронили по буддийскому обряду, как и большинство сегунов, за исключением первого, Иэясу, чьи останки, перенесенные с места упокоения в Сидзуоке, были преданы земле в великом и богато украшенном святилище в Никко.

Когда человек умирал, из храма звали монаха, он приходил и пел несколько подходящих случаю строк из буддийских священных сутр, представлявших собой перевод оригиналов на китайский язык; пение могло перемежаться ударами в колокольчик (не той формы, что обычно бывает у колокольчиков на Западе, а больше похожего на шар) на раздутом кольце для многократного повторения звука или иногда ударами по деревянному ба-

рабану, по форме напоминающему тыкву. После отпевания волосы с трупа сбрасывали, а тело обмывали, облачали в белый хлопковый саван и клали в гроб обычно в форме бочонка. Тело помещали в гроб, как правило, в сидячем положении. Крышку плотно закрывали, и до следующего утра длилось бдение с горящими свечами и курящимися благовониями, а также прилежное чтение сутр священных книг. На следующий день гроб в сопровождении скорбящих родственников и монахов, произносящих сутры, несли на носилках к месту захоронения или кремации. Пышность церемонии, естественно, зависела от благосостояния семьи: бедный крестьянин не мог позволить погребальный костер, и уголок своего земельного надела он оставлял для места захоронения.

После кремации пепел обычно собирали и клали под могильный камень на кладбище, примыкающем к храму, или в Киото, в одном из мест, что с древних времен предназначалось для таких целей. Лаковая табличка с написанным буддийским посмертным именем умершего - кайме помещалась на буддийский алтарь, существовавший в большинстве домов, а также, возможно, в храме, прихожанами которого была семья.

Особые обряды, требующие чтения сутр и молитв, отправлялись в определенные дни. Семь раз через каждые семь дней после смерти (то есть до сорок девятого дня) возносились особые молитвы по покойному, поскольку считалось, что в эти дни, а особенно на семнадцатый, тридцать четвертый и сорок девятый, принимается решение о той жизни, которую усопшему предстоит прожить, поэтому ему особенно нужна помощь в эти дни от тех, кого он оставил в бренном мире. Если умерший был особенно добродетелен или греховен, его будущее решается без промедления, но в большинстве случаев требовалось рассмотрение его достоинств, и благовония, поднимающиеся из мира живых, могли оказать благоприятное влияние на дальнейшую судьбу покойного. Другие поминовения происходили в годовщину смерти, и также определенные даты имели большее значение, чем все остальные: первая, третья, седьмая, тринадцатая, семнадцатая и так далее до пятидесятой, а после этого через каждые пятьдесят лет. По такому случаю благочестивое семейство обычно посещало храм и заказывало чтение молитв, свечи для возжжений и воскурение фимиама. Исполнение таких услуг было постоянным занятием монаха и стабильным источником его дохода.

Семья также должна была соблюдать траур, продолжительность которого зависела от близости родства усопшего: от пятидесяти дней - по родителям, тридцать дней - по мужу, двадцать дней - по жене, до трех дней - по племяннику или племяннице. Этот период траура был временем, когда скорбящий должен удаляться от мира, чтобы не осквернять других; в частности, не должен был приближаться к синтоистскому святилищу, чтобы не произошло осквернения смертью, а чтобы избежать этого полностью, ему запрещалось проходить через тории - врата храма. Входить в дом через главный вход также было запрещено; свадьбы откладывались, не позволялось никакой музыки, нельзя было производить раздел имущества, пить сакэ или есть мясо, бриться или стричь волосы. Кроме всего этого, нужно было долго носить траурные одежды, максимально - тринадцать месяцев - это траур по родителям. Этот обычай относился в основном к придворным, которые носили траур, и воинам, которые надевали черное кимоно с семейным гербом (моном); особое внимание уделялось тому, чтобы голова была покрыта, пусть хотя бы бумагой, чтобы не осквернять солнце.

Буддийских монахов можно было видеть на улицах, когда они шли на похороны и поминовения, а также во время летнего праздника Бон, когда души умерших навещают землю, и по такому случаю возносились молитвы. Послушников также можно было видеть рядом с большими буддийскими школами - ведь они, одетые в белое исподнее кимоно, подпоясанное кожаным ремнем, черную куртку, соломенную шляпу и соломенные сандалии или деревянные башмаки на босу ногу, обычно каждый день выходили на улицы со своими площадками для подаяний - хати - и собирали милостыню. Одевания авторитетных священнослужителей зависели от их ранга и секты, а также, несомненно, от средств, какими они располагали, но обычная одежда была такой же, что и у послушников, за исключе-

нием кэса - полоски ткани, перекинутой через левое плечо и опоясывающей талию справа налево. Кэса символизировала облачение, которое носили первые буддийские монахи, проповедовавшие учение Шакьямуни в Китае. Головы их были бритыми - акт посвящения в буддийские монахи символизировало ритуальное бритье головы, - и они носили четки, бусины которых можно было «пересчитывать» как молитвы, или их можно было потереть между ладонями, чтобы бусины стучали одна о другую, отпугивая злых духов и изгоняя привидения.

Монах, находящийся вдалеке от своего храма, мог посетить дом одного из прихожан, которые выполняли обет поддерживать храм как финансово, так и морально, и часто угощали храмовых служителей. Монаха можно было позвать на семейный совет, и в усадьбах дайме всегда находились монахи, которые не только следили за соблюдением буддийских ритуалов, но также были писцами, каллиграфами, распорядителями чайной церемонии. Иногда они выступали с проповедью и часто бывали единственными доступными людьми с некоторыми навыками публичных выступлений.

Кроме этих почетных занятий, некоторые монахи не чурались развлечений за пределами своих храмов, и некоторых из них почти всегда можно было увидеть в зрительных залах театров. Многие вступали в гомосексуальные связи с храмовыми прислужниками, а мальчики (этот вид проституции процветал в то время) считали их своими надежными клиентами. В то же время монах, который скрывал свою подружку в какой-нибудь тайной комнате храма, был постоянным героем популярной литературы.

Монахи, исполняющие в своих храмах религиозные обряды, обучались этому с детства. Было много и таких, кто приобщался к религии, чтобы удалиться от мира. Ими чаще всего бывали люди старшего возраста, главы семейств и их жены, даже воины высокого ранга, которые пожелали оставить управление делами и вести тихую жизнь в уединении или, возможно, стать поэтами и художниками. Женщины тоже могли стать монахинями и жить в монастырских кельях. Существовали еще и монашки другого рода или, по крайней мере, притворяющиеся таковыми, которые бродили по большим дорогам, распевая для видимости буддийские сутры, но всегда были готовы заменить их песнями менее возвышенного содержания, а также выполнением иных услуг. Они составляли часть людей на периферии буддизма, чьи занятия бывали сродни тому, что делали уличные комедианты и нищие. Они обычно танцевали, доводили себя до неистовства битьем в грудь или звоном в колокольчик и даже проповедовали на углах улиц. В те времена легкие формы сумасшествия считались забавным зрелищем, людей не совсем в своем уме обычно просили устраивать представления на потеху зрителей. Эти полунищие, развлекающие других своим фиглярством, сливались в одно сословие - парии. Буддийские монахи сами находились вне сословной системы и не вписывались ни в одну из категорий, с ними обращались скорее как с воинами (конечно же без права на самоубийство), но наказывали высылкой из их храмов или полным затворничеством там.

Кроме священнослужителей существовали предсказатели, имеющие практические навыки китайской науки об инь и ян - женском и мужском началах. Они занимались составлением календарей и изучали звезды, были знакомы с компасом и с физиогномикой, с ними советовались практически в самых различных сферах человеческой деятельности. Дата свадьбы выбиралась в соответствии с гороскопами вступающих в брак; день начала строительства дома, направление, куда дом должен быть обращен, расположение комнат - все зависело от их наставлений. В VIII веке выбор места, где закладывать город Киото, был осуществлен по их советам, предусматривавшим, в том числе, и защиту от демонов горам, которые окружают город со всех сторон, за исключением юга, - и с плачевным результатом: в Киото холодно зимой и жарко летом. В эпоху Токугава практикующих предсказателей насчитывалось несколько десятков тысяч, и они были облечены значительной властью. Некоторые буддийские и синтоистские священнослужители были к тому же опытными астрологами, поэтому занятия предсказателей не всегда существовали отдельно от этих двух религий.

Еще одну группу профессионалов, которые также были вне сословной системы, составляли лекари. Им также было даровано право носить большой меч, иметь фамилии. Волосы у них обычно были коротко пострижены, но без выбритой зоны, и, таким образом, их было легко узнать по внешнему виду. Лекари передавали свои знания сыновьям, которых они также отправляли работать под руководством искусных знатоков своего дела в Киото и другие города. Их умения в основном базировались на достижениях китайской медицины, в которой широко используются растительные средства; снадобья врачеватели приготавливали своими руками, выращивая растения в садах, примыкающих к их домам. Лекарства, которые они использовали от внутренних болезней, часто бывали эффективными, а многие применяются до сих пор; лекари также были искусны во врачевании ран от меча, но хирургия была не на высоте, хотя контакт с военными врачами голландской фактории в Нагасаки привнес новые, более глубокие знания в анатомии, и к XIX веку лучшие лекари сочетали передовые восточные и западные приемы лечения. Фактически в некоторых областях японская медицина опережала западную, и метод общей анестезии был открыт в Японии раньше, чем в Америке.

Лекарства обычно принимали в форме порошков, и для каждого больного специально разрабатывали состав, который подходил ему лично. Почти каждый имел при себе запас своих особенных средств, и попотчевать ими из коробочки на поясе - инро - какого-нибудь несчастного незнакомца, с приступом заболевания или раной, считалось одолжением со стороны прохожего.

Рис. 53. Слепой массажист

Существовали некоторые формы лечения, которые практиковались узкими специалистами. Очень часто можно было видеть слепых массажистов, бредущих по своим делам с посохами, играющих на флейтах, оповещаая о своем появлении всех встречаемых. Японские мастера владели различными техниками массажа - от быстрого похлопывания и растирания плеч, чтобы снять усталость и напряжение (это должна была уметь делать любая покорная жена для своего мужа или свекрови), до массажа всего тела с поколачиванием и растягиванием. Ломоту и боли и даже некоторые болезни лечили моксой[51]. Для этого щепотку растительного порошка клали на одно или несколько определенных мест на теле и поджигали. Такая процедура считалась особенно эффективной при мышечных болях. Другие практикующие лекари использовали тонкие серебряные иглы, глубоко вкалывая их в строго определенные тщательно выбранные места на теле (акупунктура). Оба этих способа лечения до сих пор широко применяются, и проводятся исследования, чтобы дать научную оценку эффективности такого метода.

Кроме священнослужителей и лекарей в Японии были и другие ученые люди. В их число входили конфуцианцы, а также те, кто изучал литературу и историю Японии. Жизнь великого поэта Басе вполне может служить примером того, как некоторые японцы выпадали из сословной системы, особенно если имели литературные или интеллектуальные способности. Более удобно называть его Басе, хотя он был известен под этим именем лишь в период приблизительно между 1680 годом и годом его смерти - 1694. Его подлинное имя - Мацуо Мунэфуса[52]. Мацуо было фамильным именем, и, как приличествует человеку самурайского происхождения, он имел обычный список личных имен, которыми пользовался в разное время и для различных целей (а также необычно большой коллекцией из пятнадцати псевдонимов, которыми он пользовался в разные периоды своей жизни). Он родился в 1644 году в маленьком призамковом городке Уэно, провинция Ига, и был взят на службу в замок, чтобы составить компанию одному из сыновей господина, имя которого было Тодо Еситада.

Видимо, Басе пришлось учиться вместе с Еситадой у тех же учителей, один из которых произвел на него особенно сильное впечатление. Этот наставник читал со своими учениками древнюю японскую литературу и учил их состязаться в стихосложении - утаваси, что было в моде в то время (сочинение семнадцатислоговых стихов, позднее названных хайку (хокку), с добавлением чередующихся строк из четырнадцати и семнадцати слогов, группой стихотворцев, собиравшихся ради этого вместе, как на праздник). Еситада и его товарищ также изучали военные искусства и китайскую классику. В 1666 году молодой господин умер, и потрясение от его смерти подвигло Басе на бродячую жизнь. Для этого он разорвал свои феодальные обязательства и стал беглецом, но, видимо, его не преследовали, и тревоги он не испытывал. Такой образ жизни он вел приблизительно до 1680 года. Какое-то время он проживал в Эдо под покровительством одного ученика своего старого учителя стихосложения; этот человек даже нашел ему должность, имевшую отношение к каким-то гидротехническим работам, что, видимо, вряд ли было подходящим занятием для Басе.

Рис. 54. Басе в странствии со своим спутником

Он приобретал все большую известность как поэт, а собрания его сочинений публиковались все чаще. В Японии издавна существовала традиция, по которой человек с литературными талантами мог стать индзя[53] - удалиться от мира в хижину отшельника, где его жизнь будет протекать в созерцании природы, разговорах с друзьями-единомышленниками и записывании своих мыслей. Теперь у Басе появился шанс вести такую жизнь, поскольку один из его покровителей имел поместье в Фукугаве, в то время сельскохозяйственном районе к востоку от Эдо, и здесь он разрешил Басе жить в хижине, где прежде размещались те, кто охранял его владения, а к тому же обеспечивал поэта пищей и одеждой. Друзья Басе помогли ему переехать (что не представляло труда, - ведь ему нужна была лишь самая простая утварь), и один из них подарил ему декоративное банановое деревце - басе, чтобы посадить рядом с хижинкой.

Его жилище стали называть «обителью банановых листьев» - «басе-ан». С тех пор поэт стал известен как «мудрец басе», это имя он и принял - Басе.

В уединении он вел простую жизнь, насыщенную поэтическим вдохновением и работой мысли. У хижинки собирались его друзья, они приходили пешком или, возможно, приплывали на лодке, и обычно все вместе занимались сочинением стихов, обсуждали написанное, стремились добиться поэтического совершенства, выработать свой собственный стиль. Гости обычно приносили Басе подарки, в основном еду, точно так же и сегодня люди, обучающиеся традиционным искусствам, считают своим долгом отблагодарить преподавателей за науку. Басе тоже, в свою очередь, навещал наставников, которые обучали его китайскому стихосложению, живописи (это было взаимовыгодное предприятие, поскольку его учитель рисования был одним из тех, кого он обучал стихосложению) и прежде всего дзэн-буддизму.

В последние десять лет жизни, в подражание китайским и японским поэтам прошлого, Басе отправлялся в путешествие по Японии, пользуясь возможностью неоднократно навещать свою семью в провинции Ига. Для таких странствий он одевался как буддийский монах: и в практических целях - чтобы миновать заставы без особых расспросов, и из-за действительно почти монашеского образа жизни, отрешения от суетного мира (он даже дал обет безбрачия), преданности дзэн-буддизму. В одном из своих дневников поэт повествует нам о многочисленных прощальных вечеринках, которые устраивались в его честь, когда он отправлялся в одно из своих странствий. Ученики развлекали его, а один стихотворец, бывший владелец замка, который удалился от дел, чтобы проводить свои дни в занятиях искусством, милостиво послал ему свое сочинение; другие брали его с собой на ло-

дочные прогулки, в то время как некоторые дарили теплые носки или деньги на новые сандалии.

Басе нужно было брать с собой совсем немного багажа, поскольку он полагался в основном на гостеприимство бывших учеников и собратьев-поэтов. В благодарность за гостеприимство Басе обычно оценивал их стихотворения, принимал участие в поэтических состязаниях и оставлял им свои стихи. Когда Басе находился в пути, а шел он обычно пешком, лишь изредка ехал верхом на вьючной рабочей лошади - ведь он не торопился, - то обычно наблюдал природу и сочинял об этом стихи. В конце жизни, перед смертью, в одном из таких путешествий в Нагою, он написал прощальное стихотворение, в котором кратко изложена вся его жизнь:

Таби-ни яндэ
Юмэ ва карэ-но о
Какэмэгуру.

В пути я занемог.
И все бежит, кружит мой сон
По выжженным полям[54].

Глава 7

Актеры и парии

Можно считать, что придворные, священники и люди умственного труда извлекали выгоду из той свободы, которую давало их положение вне сословной системы, но были и другие маргиналы - они предпочли бы существовать в рамках общества, но общество их отвергало либо из-за каких-то пороков, либо вследствие профессии, которой они занимались. Большинство из них образовывало маргинальную группу, известную как «эта»[55]; остальные, будучи париями, все-таки имели возможность найти себе место в структуре государства. Речь идет о хинин - «нелюдях». Некоторые, например актеры (якуся) и обительницы районов борделей (гейши и ойран), были поставлены вне общества, потому что сферой их деятельности были развлечения; считалось, что люди такого сорта отринуты, только пока они занимаются своим ремеслом, хотя и потом попасть в среду уважаемых людей для них было чрезвычайно затруднительно, поскольку это до некоторой степени контролировалось деятельностью брачных посредников и сватов, которые весьма неохотно приняли бы в качестве подходящих кандидатов того, кто «запятнал» себя актерством.

Рис. 55. Лицо актера

Существовало конечно же много разрядов актеров. Те, кто развлекали воинов и даже обучали их своему искусству, частично были вознаграждены уважением, с которым к ним относились. К примеру, в почете были исполнители танцев ковака, в основе которых лежали эпизоды из самурайских легенд начала эпохи Токугава. Такими представлениями развлекали зрителей из военного сословия, и за это хорошим танцорам позволяли носить два меча. Их положение в обществе было значительно выше, чем положение актеров театра. Последние были строго организованы по семейному принципу: по рождению либо усыновлению; их статус в профессии был четко определен, обычно в зависимости от старшинства. Торговому и ремесленному люду не часто выпадал случай поглазеть на эти представления, хотя сегун иногда и позволял низшим сословиям присутствовать на спектаклях, устраиваемых в Эдо. Обычно эти зрелища чередовались с выступлениями актеров Кабуки в Осаке. Актеры Кабуки и Но в основном имели одинаковое общественное положение.

Хотя посещение театра было частью каждодневных развлечений японцев, живущих в городах, военное правительство очень подозрительно относилось ко всякого рода забавам. Предшественников этих актеров, народных комедиантов прошедших эпох, не принимали в обществе, относили к каварамоно[56], что дословно означало «прибрежный люд», - они имели обыкновение селиться вдоль берегов рек на пространстве, свободном от постоянного строительства из-за внезапных разливов, что характерно для японских рек. Актеров ассоциировали с «берегом реки» и в XVII веке, поскольку первые театры были открыты в Киото рядом с рекой Камо, в районе, где четвертая линия пересекается мостом и где до сих пор стоит единственный сохранившийся до наших дней театр Кабуки. Термин «прибрежный люд» изначально включал в себя и представителей некоторых иных ремесел наряду с теми, кто был занят в сфере развлечений, но после XVI века так называли только актеров и людей, занятых в сфере развлечений, но наиболее приличных, выделенных из тех, кто были действительно исключены из приличного общества.

Отторжение актеров от общества объяснялось не только традицией - военные правители не доверяли им именно за то, что, по их мнению, они оказывали губительное воздействие на мораль зрителей. Однако, учитывая, что купцы постоянно посещали такие предосудительные представления, а следовательно, дальнейшему моральному разложению подвергнуться уже не могли, властям ничего не оставалось, как махнуть на них рукой - если уж театры помогают торговому люду не скучать, то пусть себе существуют. Простые солдаты тоже должны были иметь какие-то грубые развлечения, - возможно, это отвлечет их от бунтарских настроений, поэтому в Канадзаве, например, власти некоторое время сами держали театр, но не разрешали самураям или крестьянам его посещать. Тем не менее эти воины не считали зазорным тайком насладиться зрелищем, поэтому однажды после представления при выходе у театра специально установили наблюдателей, и некоторые воины были арестованы, в то время как другие, узнав о слежке, остались в театре, до тех пор пока караул не сняли (что произошло лишь через несколько недель); кое-кто сбежал, переодевшись в женское платье или нарядившись слугами. Крестьян же следовало оберегать от мыслей, что существует какая-то иная жизнь, гораздо лучше их собственной, поэтому поездки в города не поощрялись.

Любое неподобающее поведение в театре немедленно каралось; о получившем широкую огласку случае с Эдзимой упоминалось выше, именно в результате этого один из эдоских театров был закрыт навсегда, а трех провинившихся актеров и их агента отправили в ссылку. Другой случай произошел в театре Киото раньше, в 1656 году, когда актера пригласил в свою ложу самурай и попотчевал горячительными напитками; веселье закончилось тем, что воин поднял свой меч на актера, а тот в испуге убежал. Упоминаются только эти события, и нам неизвестно, был ли наказан этот самурай или нет, но все театры в Киото были закрыты на несколько месяцев, и, прежде чем им разрешили снова открыться, ложи убрали, а на распитие алкогольных напитков в зрительном зале был наложен запрет.

Отдельные самураи стали большими поклонниками театра Кабуки. При посещении театра у них вошло в обычай прятать лица под глубокой, похожей на корзину шапкой, но иногда они приглашали актеров к себе домой или наслаждались их игрой в резиденциях своих господ. Актеры в Эдо с нетерпением ждали случая, когда их пригласят играть и заплатят по особой ставке, что означало подобное приглашение. Нам известно о встрече между знаменитым агентом-актером Сакатой Тодзюро и неким самураем, это говорит о том, что самураи и актеры все-таки могли поддерживать определенного рода отношения. Тодзюро воспользовался временным закрытием театра в Киото, чтобы отдохнуть в компании некоторых членов своей театральной труппы у храма, обращенного на озеро Бива. Его узнал какой-то великий властитель (так и оставшийся неизвестным), пригласил в свою компанию, которая выпивала и любовалась пейзажем, отгородившись ширмами от сквозняков и взглядов простолюдинов. Тодзюро, очевидно, понравился господину, поскольку тот решил преподнести ему подарок и спросил, чего желает дорогой гость. Тодзюро слыл любителем необычных подарков, к тому же, будучи известным актером, он считал ниже своего достоинства принимать обычные подношения и попросил себе в подарок росшую поблизости сосну. Когда спустя некоторое время дерево доставили к нему домой в Киото, возникло замешательство, поскольку мешал узкий проход к дому и подарок мог просто разрушить стену.

Тодзюро был более состоятельным, чем большинство его собратьев-актеров. Его дом был дорогим и элегантно меблирован и достаточно просторным, чтобы там можно было проводить репетиции. Будучи сам не только агентом, но и великим актером, он сумел хорошо заработать благодаря собственной популярности и разбогател. Обычно большинство актеров работали по годовым контрактам, начинающимся каждый год с осени; жалование на этот год обговаривалось актером с театральной администрацией. В 1741 году эдоского актера Эбидзо уговорили поехать в Киото на год с жалованием, превышающим 30 000 тысяч британских фунтов, но эта плата была чрезвычайно высокой, такого больше не повто-

рялось. Обычно самое высокое жалованье составляло четверть этой суммы, а подавляющее большинство актеров вынуждены были довольствоваться значительно меньшей оплатой.

Рис. 56. Девушки из Есивары, района «веселых кварталов» в Эдо

Жизнь актера была нелегкой. Действительно, по вечерам он обычно был свободен - после наступления темноты представления давались лишь в исключительных случаях. Однако спектакли начинались рано утром и продолжались весь день. Они держались в репертуаре недолго - в зависимости от успеха; как правило, репетиции занимали очень мало времени по современным западным стандартам, но постоянно готовились новые спектакли. Несомненно, актеры того времени обладали той же способностью «переключаться», что и актеры Кабуки сегодня, поскольку даже теперь пьесы идут очень долго, а ведь актер вынужден вести обычную жизнь: принимать гостей, заботиться о своей рекламе и питаться в перерывах между своими появлениями на сцене. Актеры обычно не имели никакой личной жизни, кроме театра, и это особенно касалось онагата - исполнителей женских ролей. Если не считать краткого периода в начале XVII века, женщинам не позволялось открыто появляться на сцене. И от актеров, которые исполняли женские роли, ожидалось, если их принимали зрители и критики, чтобы они жили как женщины даже вне театра и как можно тщательнее скрывали свою мужскую внешность от взглядов публики. Критики периодически подавали списки самых популярных актеров.

Профессию актера получали либо идя по стопам отца, либо дебютировав в роли ребенка, либо будучи усыновленным актером, либо пройдя через нелегкий труд клоуна, развлекающего детей. Кроме того, как британский актер мог начать свою артистическую карьеру в провинции и добиться признания, получив роль в постановке лондонского театра, так и некоторые японские актеры начинали в сельской местности, возможно, в центре паломничества, таком как Исэ, где потребности паломников в развлечениях удовлетворяли

один или несколько театров, после чего ему могло повезти получить работу в Эдо, Киото или Осаке, где находились большие театры. Такой местный талант мог быть замечен актерами из больших театров во время их гастролей по провинции, которые они иногда совершали по кругу, стараясь охватить как можно больше мест паломничества, таких как Исэ (либо Ицукусима, который со своими знаменитыми красными воротами святилища, поднимающимися из моря, до сих пор является крупным туристическим центром) и Компира (или Котохира) на острове Сикоку, где до сих пор сохранился театр конца эпохи Токугава (теперь это кинотеатр). Театры в таких местах обычно устраивались на открытых пространствах в границах владений буддийских храмов или синтоистских святилищ, на которые практически не распространялись полномочия чиновников.

Актеры обычно размещались в храме или святилище, поскольку многие маленькие города имели указания от местных властителей, запрещающие проживание актеров в кварталах, где могли останавливаться обычные путешественники. Святилища и храмы, где имелись театры, до сих пор зачастую сохранили исполненные по обету картины или каменные столбы ворот с именами актеров-жертвователей, которые считали такие путешествия своеобразным паломничеством. Актеры театра Кабуки (это относится и к певцам, музыкантам, кукольникам в театрах больших городов) были вершиной пирамиды, состоящей из всякого рода работников индустрии развлечений.

Некоторые из актеров проживали в харчевнях и других местах развлечений - это, например, шуты (мужчины), исполняющие комические танцы, поющие комические песенки и вообще веселящие посетителей. Их коллеги женского пола жили обособленно, там царила строгая иерархия. Туда они попали либо по своей воле, лишившись других средств к существованию после смерти мужа, после развода, или вообще по многочисленным причинам, которые могли заставить девушку уйти из дома, например, чтобы исполнить свой долг по отношению к отцу, обедневшему крестьянину, который получил определенную сумму денег в обмен на те «услуги», которые она обязывалась оказывать в течение нескольких лет. В то время как одна счастливица могла уйти, когда срок заканчивался, и вернуться домой, чтобы удачно выйти замуж, отец другой, возможно, был вынужден снова взять денежную ссуду и приговорить свою дочь еще к одному сроку. Однако всегда оставалась надежда, что какой-нибудь богатый клиент возместит выплаченные авансом деньги и возьмет такую женщину себе в дом, возможно, и в качестве жены.

Рис. 57. Театр одного актера. Этот изобретательный уличный комедиант превратил свою правую сторону в пожилого горожанина или крестьянина, а левую - в ронина или другого энергичного персонажа. Так он один мог сыграть пьесу

Рис. 58. Глотатель мечей

Существовало большое число странствующих комедиантов, которые не имели такого уютного пристанища. Лучшие из них, как и комедианты низшего разряда, бродили по стране, например фокусники, танцоры, певцы, кукольники, различные уличные попрошайки, в ряду которых были и религиозные фанатики, звонящие в колокольчики или бьющие себя в грудь, а также другие, изображавшие из себя праведников из Индии. Бродячие лицедеи тоже собирали милостыню, и их едва ли можно было отличить от настоящих попрошайек, от упомянутых в начале этой главы хинин - «нелюдей».

В их число входили не только более или менее постоянные и наследственные «нелюди», такие как попрошайки, но и те, кто оказался в маргинальном положении временно и мог надеяться на возвращение в категорию «доброго люда» - ремин (или, по крайней мере, на то, что его дети сделают это). К последним относились бывшие преступники, ссыльные, люди, выжившие после попытки самоубийства. Отчаявшиеся пары часто пытались умереть вдвоем, чтобы вечно быть вместе в буддийском раю; власти были особенно жестоки к тем, кто покончил или пытался покончить с собой; к оставшимся в живых относились как к преступникам, мертвые тела самоубийц выставляли на обозрение, словно казненных преступников. Двойные самоубийства - синдзю - стали очень модными в конце XVII века, когда великий драматург Тикамацу Мондзаэмон[57] написал ряд пьес, пользовавшихся большим успехом; в них некий купец полюбил куртизанку, но все заканчивается двойным самоубийством влюбленных. Семьи таких несчастных страдали за грехи отцов; множество других хинин дошли до такого положения из-за экономических или иных обстоятельств, что вынудило их выполнять работу, которую могли делать только «нелюди».

Жизнь попрошайек не слишком отличалась от той жизни, какую вели нищие по всему миру. Они обитали в лачугах и хижинах и влачили жалкое существование. Те «временные нелюди», чьи семьи, возможно, все еще поддерживали отношения с ними, по-видимому, получали какую-то помощь от родных, но власти не одобряли этого. Однако отверженным

были доступны определенные виды занятий: они могли работать с судебскими чиновниками (досинами) в качестве тюремных надсмотрщиков, палачей и мучителей, осуществляющих многочисленные формы физического наказания, которые назначали судьи. Занимались и тем, что выставляли мертвые тела преступников на всеобщее обозрение и поставляли трупы для испытания на них новых мечей, были чистильщиками после стихийных бедствий: наводнений, тайфунов, землетрясений и пожаров, в результате которых оставалось много мертвых тел, а родственников, чтобы их похоронить, не было.

Все это объясняется нежеланием обычных людей иметь дело с трупами. Неприязнь ко всему, что связано со смертью и разложением, кажется вполне естественной, однако в Японии она носила ярко выраженный характер. Это было обусловлено, с одной стороны, боязнью осквернения, присущей последователям синтоизма, а с другой - буддийским запретом на убийство живых существ. Работа, выполняемая «нелюдьми», не внушала любви к ним купцов и другого «добротного люда». До нас дошли рассказы, свидетельствующие явно не в пользу хинин: например, о случае, когда они шантажировали хорошенькую дочь лавочника, мимо которой вели заключенного. «Этот человек, - говорили они, - на пути к смерти, и его последнее желание - получить теко сакэ из ваших рук». Девушке приходилось давать взятку, чтобы не оказывать такой неприятной услуги. Действительно, у «нелюдей» почти не имелось покровителей, и, за исключением тех, кто был официально нанят на работу, они отличались внешне от других жителей тем, что волосы на голове у них были коротко пострижены, а не собраны в «хвост». Самурай в дурном расположении духа или купивший новый меч мог без угрызения совести или страха наказания разрубить их, чтобы опробовать свое оружие[58].

В обществе, однако, каждый человек подчинялся определенному порядку и занимал там свое место, это относилось и к низшим слоям - «нелюдям». В Эдо они были зарегистрированы по районам, в которых проживали со своим главой. Самым влиятельным был Курума Дзэнъити, этим именем назывались все, кому по наследству доставался пост главы хинин - «нелюдей». Легенда гласит, что первый Дзэнъити происходил из знатного семейства воинского сословия и пытался убить сегуна Хидэтаду, правившего с 1605 по 1623 год, чтобы отомстить за смерть своего брата; эта попытка не удалась, но Дзэнъити сохранили жизнь при условии, что он встанет во главе «нелюдей».

Хинин могли в определенных случаях вырваться из низов в награду за хорошо выполняемые обязанности, пройдя через своего рода ритуальное очищение, и таким образом их восстанавливали в правах. У эта, обреченных на положение отверженных по рождению, не было шанса изменить свою судьбу. Они тоже были организованы, и их глава в Эдо носил наследственное имя Дандзаэмон, передаваемое из поколения в поколение. Эта считались несколько выше, чем хинин, и их глава был важнее, чем Дзэнъити. В отличие от «нелюдей» эта имели право работать на скотобойнях, свежевать туши, выделывать шкуры и торговать кожевенными изделиями. Они селились в определенных кварталах городов или в сельской местности, могли быть вполне зажиточными, но считалось преступлением, если эта пытались скрыть свое происхождение или переехать из тех районов, где должны были проживать.

В 1871 году закон нового правительства устранил социальное неравенство по рождению. «Нелюди», как оказалось, почти сразу же влились в обычный мир, но для того, чтобы исчезли эта, потребовалось больше времени. Слово «эта» вышло из употребления, и помнят его разве только историки, но потомков эта до сих пор узнают некоторые члены общества, и им будет нелегко, например, породниться с семейством, придерживающимся консервативных взглядов.

Глава 8

Повседневная жизнь в Эдо

Жизнь в стране регулировалась временами года. В больших городах часы и календарь изменялись. Григорианский календарь, который Япония вместе почти со всем остальным цивилизованным миром использует сегодня, был введен в 1873 году, сразу после Реставрации Мэйдзи. До этого использовался лунный; год был разделен на месяцы, состоящие из 29 и 30 дней. Если бы все месяцы были «длинными», то есть тридцатидневными, в «солнечном» году не хватало бы нескольких суток, если же «короткими», тогда возникла бы еще большая необходимость проводить корректировки. Точность достигалась с помощью введения лишнего, или «вставного», месяца. Такой добавленный месяц нумеровался тем же числом, что и предшествующий ему, но с отметкой, указывающей, что он был дополнительным. Месяцы обозначались и до сих пор обозначаются числами (например, апрель - это четвертый месяц), хотя для них были и поэтические названия.

Расчет календаря был делом специалистов и держался в тайне, которую они ревниво хранили. Вообще новый год начинался с даты, соответствующей определенному времени в феврале, что означало, что на самом деле новый год наступал в начале весны и приносил с собой обновление и возрождение. Одним из следствий того, что календарь основывался на лунных фазах, было то, что каждый месяц начинался с темных ночей новолуния, в то время как середина его была временем любования луной - цукими, когда наступало полнолуние - дзюгоя. Самым праздничным месяцем года был восьмой, соответствующий урожайной луне сентября; это было настолько широко известно, что простого упоминания луны в стихотворении было достаточно, чтобы показать, что действие происходит именно в этом месяце.

Летосчисление велось периодами, или эпохами: например, эпоха Гэнроку[59] началась в 1688 и продолжалась до 1703 года, затем наступила новая эпоха. Их названия во времена Токугава не имели точного значения, но в основном смысл их сводился к пророчеству счастья, поэтому существовала тенденция изменять их, если дела шли плохо. Подобная практика сохранилась до наших дней, но теперь названия изменяются со смертью императора.

В буддизме существует концепция семидневного периода - в связи с обрядами, исполняемыми в честь умершего, но изначально неделя не служила мерой времени; вместо этого месяц разделяли на десятидневные периоды, называемые «верхним», «средним» и «низшим», и эта система продолжает использоваться, некоторые магазины до сих пор закрыты по датам месяца, оканчивающимся тем же числом, что и сам месяц, например четвертого, четырнадцатого и двадцать четвертого апреля (четвертого месяца). Дни месяца нумеровались, как в западном календаре.

День подразделялся не на часы, а на двенадцать периодов, которые в равноденствие равнялись по продолжительности двум часам. Японцы, в отличие от китайцев, пользовались древней системой, когда время между восходом и закатом солнца разделилось на равные части: шесть днем и шесть ночью. Эти части колебались по продолжительности на протяжении года (однако не столь заметно, как в Британии, где различия в долготе дня в соответствии со временем года больше), и, когда португальцы привезли в Японию часы, им пришлось, чтобы компенсировать это, изобрести сложный механизм. В полночь начинался «девятый» час, числа уменьшались, поэтому «восьмой» час начинался в два часа ночи и так далее до конца «четвертого» часа в полдень, когда очередной круг начинался снова с «девятого» часа. Такая система может показаться сложной для современного человека, но японцы издавна привыкли к ней и вовсе не считали ее такой уж сложной.

Кроме системы, где часы обозначались цифрами, существовала еще одна система измерения времени, пришедшая из Китая, - набор знаков, составляющий шестидесятизначный цикл[60]. Особые знаки двенадцати животных: крыса - нэ, бык - уси, тигр - тора, кролик - у, дракон - тацу, змея - ми, лошадь - ума, овца - хицудзи, обезьяна - сару, петух - тори, собака - ину, кабан - и, в сочетании с пятью элементами - дерево, огонь, земля, металл, вода,

- образовывали такую шестидесятизначную систему, обычно ею пользовались для подсчета лет. Можно заметить, что шестидесятилетний цикл фактически составляют пять циклов по двенадцать лет, обозначенных животными. Отсюда возникает ассоциация года с животным: например, первый год Гэнроку, 1688, был годом «земляного дракона», а 1700 год, двенадцать лет спустя, был годом «металлического дракона», так что и 1688 и 1700 были годами «дракона». Именно таким календарем пользовались предсказатели; например, считалось, что девочка, рожденная в год лошади, погубит (убьет) своего мужа и поэтому ей будет трудно выйти замуж. Свадьбы часто переносили, чтобы первый ребенок родился по прошествии несчастливого года, а девочек, родившихся в такой несчастливый год, с гораздо большей вероятностью смогли убить родители.

Двенадцатилетние циклы также могли использоваться для обозначения месяцев (составляющих год) и времени суток (начиная с полуночи); тридцатиградусные отклонения стрелки компаса тоже обозначались подобным образом: Крыса обозначала север, Заяц - восток и так далее. Все это лишь поверхностно обрисовывает влияние такой шестидесятизначной системы и сферы ее применения.

День для лавочников начинался с «шестого» часа (до полудня), когда они открывали свои заведения. Эта операция выполнялась под грохот ставен лавок, обращенных на улицу, отодвигаемых по пазам и заталкиваемых в рамки, которые скрывали их в дневное время. Отделялись ли спальни от жилых комнат, зависело от размеров дома.

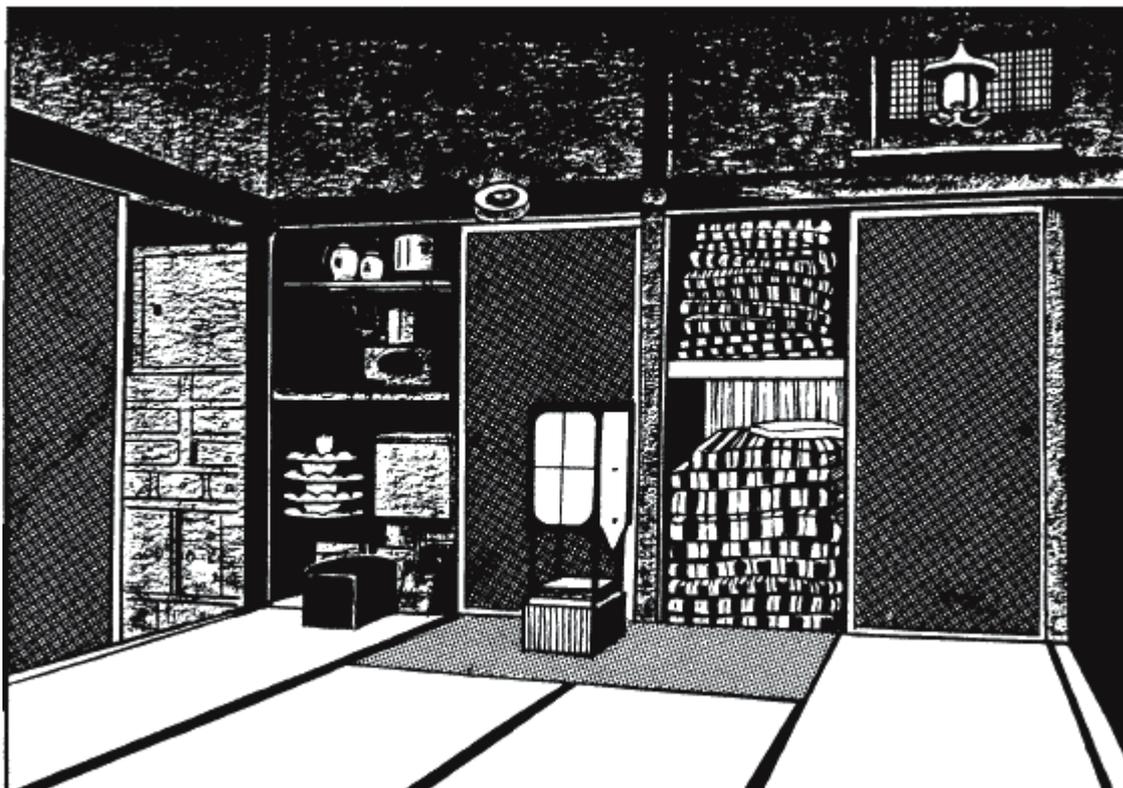

Рис. 59. Интерьер комнаты, с постельными принадлежностями и другими предметами, убранными в стенные шкафы - оси-ирэ, обычно закрывавшиеся скользящими дверями. Обстановка типична для конца эпохи Токугава. Приблизительно 1850 г.

Все, что нужно было для сна, - это матрас фупон, расстеленный на полу, стеганое одеяло, чтобы спящему было тепло; подушка была деревянной или фарфоровой, с небольшим углублением для шеи. Волосы в то время укладывали в разные замысловатые прически и фиксировали особым густым жиром. Обычно прическа сохранялась на протяжении десяти дней или около того без мытья и без больших изменений (ее только чуть подправляли), и поэтому было важно не запачкать матрасы жиром или не растрепать волосы во сне, - следовательно, подушка должна была не давать голове коснуться матраса. Переодевались ли

люди на ночь, зависело от состоятельности семьи. Мужчины и женщины обычно надевали простые хлопковые кимоно и завязывали их узким поясом, но иногда спали в одежде, в которой ходили весь день, правда, женщины обычно снимали пояс (оби) с его тяжелым и громоздким узлом на спине, как носили женщины купеческого сословия. Более бедные горожане и наемные работники, у которых не было спален, расстилали матрасы там же, где работали, либо укладывались спать на тростниковых циновках или даже на дощатых полах.

Рис. 60. Разнообразные метлы. Бамбуковые палки с оставшимися на них листьями использовались при «весенней уборке» - сусухорай, а треугольные метлы - для полов

Встав утром, женщины скатывали постельные принадлежности и складывали их в глубокие стенные шкафы - оси-ирэ, предназначенные для этой цели. В хорошую погоду постельные принадлежности обычно проветривали на солнце; это делалось как можно чаще, поскольку в определенные периоды года влажность и тепло в Японии таковы, что если не принять соответствующих мер, то все покрывалось плесенью. Соломенные циновки регулярно чистили и обметали метлами, а деревянные полы протирали влажной тряпкой. После таких уборок через некоторое время полы приобретали тусклый блеск, похожий на первый взгляд на полировку с помощью воска, но на самом деле в Японии тогда не пользовались ни полировкой, ни краской.

Раз в год проводилась генеральная уборка, называемая «сусухорай», или «сусухаки»[61], когда все циновки, покрывающие пол, выносили в сад или на улицу и выбивали; бамбуковые палки с гибкими веточками использовали в качестве метелок, чтобы сметать пыль и сажу с потолков и светильников. Для общества того времени характерно, что такая «весенняя уборка» проводилась не из соображений эстетики или гигиены, а с целью, чтобы Новый год мог вступить в дом, который очищен от оскверняющей грязи. Дата этого события была определенной и в первые десятилетия эпохи Токугава выпадала на двенадцатый день двенадцатой луны, но когда третий сегун, Иэмицу, умер в этот день, то число стало неподходящим для такого ритуала, и выбрали новую дату: тринадцатый день того же месяца. Существовали местные и временные изменения, но обычно старались придерживаться таких дат.

День начинался с открывания ставен и вынесения постельных принадлежностей на воздух, затем следовало позаботиться о первом приеме пищи. В большинстве городских до-

мов ели два раза в день: утром и ранним вечером. Сельские жители ели трижды (еще и в полдень); лишь к концу эпохи Токугава горожане переняли этот обычай, но даже и сейчас он распространен не повсеместно.

Порядок приема пищи был в каждом доме свой и зависел от благосостояния семейства, а также от положения в семье. Глава семьи обедал с какими-нибудь важными гостями, иногда со своим старшим сыном. Ему подавала жена или жена сына, которым помогали служанки, если семья могла их себе позволить. Женщинам не полагалось есть вместе с мужчинами, они обедали либо отдельно, либо урывками во время трапезы супруга и повелителя, либо после этого доедали то, что осталось. Если же в доме была молодая невестка, она подавала обед еще и свекрови. Очевидно, в стране со столь явными сословными различиями трапезы в разных домах сильно различались, даже в семьях равного достатка.

Обычно подавали сразу весь обед (за исключением риса), который приносили на отдельном лаковом подносе, обычно с четырьмя ножками, площадью около 18 дюймов, а высотой - чуть больше 9. Его ставили перед едоком. На подносе были расставлены закуски, которые по этикету подавались к сакэ и предшествовали основному питательному блюду из риса, завершающему прием пищи. Выбор блюд отражал более всего другого благосостояние семьи и положение в семье. Самая скромная трапеза была представлена обедом, состоящим из супа мисо, небольшого количества овощей, небольшого количества риса или чего-либо взамен риса, маринада осинко и чая.

Мисо готовят из соевых бобов, которые вначале обрабатывают точно так же, как масляные бобы, замачивают на некоторое время, а затем варят. После этого их размельчают в пасту, смешивают с рисовой закваской, солью и водой и оставляют бродить и зреть на несколько лет, в результате получается красно-коричневая волокнистая жидкость, растворимая в воде. Она имеет характерный вкус и запах. Как все японские супы, мисо подают горячим в лаковой чашке с крышкой, которую можно использовать, перевернув, как блюдце или тарелку. В суп мисо можно было класть овощи, листья растений, таких как петрушка и сельдерей, съедобные стебли или корни, например лотоса, которые варят в супе или же подают отдельно вареными и с приправой, такой как бобовая паста с ароматными зернами. Суп частично выпивали из чашки, а частично ели с помощью палочек - варибаси, которыми либо вынимали кусочки из супа, либо заталкивали плавающие овощи в рот, поднося чашку к губам. Варибаси, или хаси, часто изготавливали из необработанного дерева, и такие палочки считались одноразовыми, но другие, для индивидуального пользования, покрывали лаком, делали из слоновой кости или драгоценного металла и держали в футляре для лучшей сохранности или для того, чтобы брать с собой в дорогу. В доме, где устраивались приемы на более высоком уровне, имелись узорные подставки, на которые клались палочки, чтобы не запачкать поднос.

Рис, нередко с добавлением пшеницы, готовили в небольшом количестве воды. Вода частично испарялась, частично впитывалась зернами к тому моменту, когда блюдо признавали готовым, а сами зерна слипались в клейкую массу, которую легко было есть палочками. Рис приносили из кухни в закрытой деревянной посудине и раскладывали по чашкам, обычно из фарфора, предназначенным специально для риса. Ни сахара, ни соли в рис не добавляли; иногда с помощью палочек рисовые комочки заворачивали в сушеную водоросль и отправляли все это в рот, заедая маринованной редькой. Японская редька - корнеплод, достигающий в длину одного фута; ее употребляли в пищу в сыром виде, мелко порубленной или тертой либо разрезанной на кусочки и вымоченной в разведенной водой рисовой закваске.

Рис. 61. Фарфоровая лавка с разнообразными видами посуды, используемой в общем употреблении. Жена лавочника одета в фартук

Риса обычно съедали по три чашки с верхом, и считалось хорошим тоном оставить на дне чашки пару зерен, когда хотели получить добавку. Часто пили чай в конце трапезы из той же чашки, чтобы остатки риса не пропадали. Этот чай готовили из зеленого неферментированного листа. Его заваривали обычно в керамических горшках-чайниках, но ритуал чаепития мало напоминал английский. Чай, который пили после обеда, ничего общего не имел с чаем, используемым для чайной церемонии, где заваривали порошкообразный продукт. При обычном чаепитии считалось вполне нормальным снова и снова добавлять воду в чайник, до тех пор пока не останется ни цвета, ни вкуса.

Чаепитием прием пищи заканчивался, если не принимать во внимание быстрое пользование зубочисткой, а также поклон и благодарности кормильцу, будь то какое-то божество, хозяин или господин. Когда нужно было делать какую-нибудь работу, промедление не поощрялось: быстрое мелькание палочек - и назад, к работе.

Выбор доступной пищи для изысканного обеда был более широким, но отдельные продукты, которые японцы едят сегодня, во времена Токугава не употребляли. Мясо в городах было редкостью, а говядина и конина вообще отсутствовали. Так было почти во всех японских провинциях (по разным причинам, отчасти религиозным, а отчасти для сохранения поголовья животных, необходимых для военных и сельскохозяйственных нужд), лишь немногочисленные семейства дайме, которые прежде были христианами и, по слухам, тайно упорствовали в мясоедении. При этом в провинции Хиконэ, к востоку от озера Бива, местная разновидность мисо готовилась с нежнейшей говядиной, но прямо со шкурой и оставшейся на ней шерстью. Это блюдо считалось укрепляющим средством, а по некоторым сведениям, его преподносили даже сегуну и его придворным высокого ранга.

Такое мясо, как оленина, кабарина и птица, разрешенные к употреблению в пищу, продавалось в Эдо, иногда под вымышленными названиями, такими, например, как «горный

кит»[62] и «лекарство», поскольку признавалось, что скудный белками рацион жителей можно пополнить питательным тушеным мясом и подобными блюдами во имя здоровья, особенно зимой. Но, несмотря на это, мясоеды были немногочисленны.

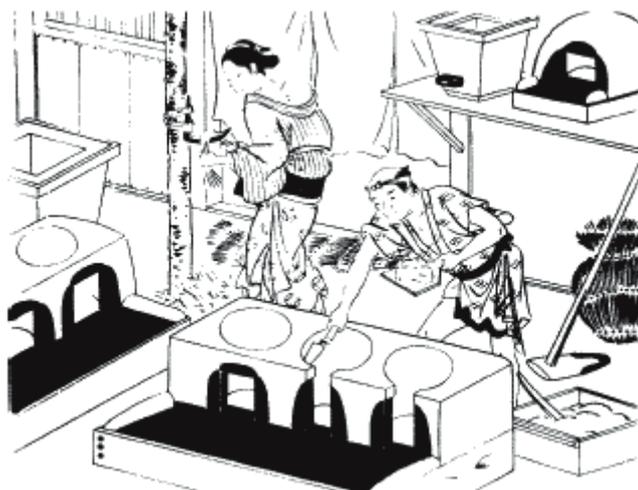

Рис. 62. Печник. Пока муж добавляет заключительные штрихи к тройной печи, жена с ребенком за спиной разрезает солому, добавляемую в известковый раствор

Главным поставщиком животного белка в рационе японцев была рыба. У побережья рядом с Эдо трудилась флотилия рыбачьих судов, финансируемая купцами, которая ежедневно приносила улов, продаваемый свежим в тот же день. Речная рыба тоже входила в рацион - ведь рыбная ловля на удочку в каналах и ручьях вокруг Эдо была привычным времяпрепровождением. Чаще всего на стол японцев попадали морской карась, тунец, форель, лосось, карп и айю (мелкая речная рыбешка). Кусочки морского карася обжаривали и добавляли в суп мисо, но в большинстве случаев морскую рыбу ели сырой; ее разрезали на очень тонкие ломтики и макали в соевый соус или смешивали с зеленью и другими овощами, которые сдабривались уксусом. Нежное мясо цыплят ели точно так же. Некоторые сорта рыбы солили, вялили на солнце и ели целиком, а «мясную» рыбу, такую как тунец, можно было высушить до «деревянной» твердости; ее тонко строгали либо отрезали от куска и ели с другими блюдами или просто так.

Можно было бы перечислять и множество других продуктов, которые употребляли в пищу, в том числе ракообразных, таких как пальчатые креветки и омары, различные моллюски, блюда из корней и клубней, например ямса, а также птичьи яйца и рыбью икру, и даже лакомились такими экзотическими продуктами, как лягушачье мясо, личинки пчел, рыбы глаза и рыба кожа. Однако будет более полезным отметить общее отношение японцев к еде в то время. Основным требованиям питательности отвечали злаковые, которыми завершалась трапеза; их обычно ели с определенным количеством шелухи и ростками, чтобы нехватка витаминов не превратилась в проблему, как это стало позднее, когда шлифованный рис стал вызывать болезнь бери-бери[63] у людей, основой рациона которых он был. Мисо и овощи добавляли пище аромата, немного белков и витаминов. Существовало молчаливое соглашение, что эти три составляющие необходимы для поддержания жизни, поэтому в них не отказывали даже черноработчим; такая пища должна была минимально поддерживать их здоровье и работоспособность. В основном ели не для удовольствия, а только чтобы утолить голод. Незатейливые обеды съедались быстро, на разговоры за едой старались времени не тратить.

Рис. 63. Фарфоровый сосуд - токкури для сакэ

Кухня в большинстве домов находилась на самом нижнем уровне на земляном полу, следовательно, туда можно было войти с улицы, не снимая обувь.

Там же была деревянная раковина для мытья овощей и большая бочка для воды или горшок. Эти сосуды заполняли водой, набранной из колодца, который нередко был единственным на всю округу и считался центром общественной жизни местных женщин, любивших посплетничать. В плиту для приготовления пищи с печью, которую топили дровами, и с отверстиями для металлических кастрюль, предназначенных для варки риса, мисо, овощей и кипячения воды, была встроена ступка. Деревянной раковинной иногда пользовались для нарезки рыбы и овощей с помощью многочисленных отличных ножей разнообразной формы и размеров. Даже в самых маленьких кухоньках был закуток с приподнятым над уровнем пола дощатым настилом. Там обычно сидела кухарка на тонкой камышовой или соломенной циновке и занималась приготовлением блюд, используя множество деревянных, фарфоровых или лаковых сосудов, плетеное сито, ступки, пестики и прочую утварь.

В семьях пищу готовили женщины, профессиональными поварами почти всегда были мужчины, срок обучения кулинарии был очень долгим. Для них обладание собственным поварским ножом было символом посвящения в профессию. Они трепетно берегли и лелеяли этот нож и считали его своим основным и неотъемлемым орудием труда, если открывали собственное дело.

Пища, которую ели, не опасаясь запретов, состояла из рисовой каши, водянистой, легкоперевариваемой стряпни для немощных, и реже - тушеной дичи в качестве укрепляющего средства. Молока не было. Вообще говоря, все остальные блюда ели по причинам, которые можно было счесть несущественными: привлекательность их вида, экзотичность или появление не по сезону. Верно, что приправа к блюду не была важна, за небольшим исключением: мисо и маринованные овощи. Европейцы нашли бы большинство японских блюд гораздо менее сдобренными приправами, чем те, к каким они привыкли. Чем замысловатее и изысканней пища, тем больше церемоний сопутствовало застолью. Самураи, в

частности, брали уроки этикета, и некоторые купцы также придавали значение хорошим манерам за столом. Питье сакэ сопровождалось, как правило, определенным ритуалом. Когда сакэ пили за обедом, то подавали только в первой половине трапезы, до подачи риса на стол. Дома жена хозяина или жена сына обычно заботились о подаче сакэ[64], которое наливали в изящные фарфоровые или лаковые сосуды - токкури, по форме напоминающие бутылку. Сакэ подогревали прямо в токкури и наливали каждому в теко, вместимостью не больше куриного яйца, причем каждый должен был подставлять свою чарку, держа ее на весу. Чтобы оказать гостю честь, хозяин передавал ему свою чарку и наполнял ее сам, а гость затем должен был ответить такой же любезностью. На шумных пирушках, когда группа мужчин развлекалась в каком-нибудь увеселительном заведении, один из их числа мог обойти всех собравшихся с полным токкури сакэ и обменяться здравицами с товарищами, а те непременно начинали уговаривать нанятую гейшу, распорядившуюся за столом, выпить с ними.

Рис. 64. Бродячий торговец маслом отмеряет (из мерки квадратной формы) масло в чайник покупателя. Разнообразные емкости содержат масло для различного применения. Повязка через левое плечо придерживает его правый рукав. Предмет в его левой руке выполняет функцию воронки и фильтра

Хотя в большинстве семей ели два раза в день, во многих домах люди не прочь были перекусить в неурочное время, тогда они лакомились всяческими сладостями: мандзю - пирожками из сахара и рисовой муки с фасолевым начинкой; екан - пластинками фасолевым пастилы, подслащенной сахаром и с различными добавками для разнообразия вкуса. Существовало также много видов сладостей, изготавливаемых из окрашенной пшеничной муки с приправами и другими ингредиентами, которым придавали различные геометрические формы и формы-символы (такие как цветы, листья и т. п.). Их часто ели перед тем, как выпить довольно горького порошкообразного чая, который использовался в чайной церемонии, а также обычного зеленого чая, терпкого на вкус.

Работа почти в каждом доме продолжалась далеко затемно, поэтому необходимо было освещение. На самом деле свечами не пользовались до середины эпохи Токугава - воск был большой редкостью, потому что восковое дерево (сумах сочный), из которого получали сырье для свечей, еще не начали специально выращивать, а пчелиный воск практически не использовали. Иногда можно было увидеть свечи плохого качества из сосновой смолы, но с началом культивирования восковых деревьев свечи стали самым обычным способом освещения, вытеснив масляные лампы. Их фитиль обычно был бумажным.

Рис. 65. Изготовление свечей

Масляные лампы представляли собой плоскую миску с маслом и с камышовым фитилем, плавающим в ней и свисающим с одного края. Использовалось масло из семян камелии и другие растительные масла. Свечи иногда ставили в подсвечники, а иногда в фонарики. Фонарики андон изготавливали из бумаги, натянутой на деревянную рамку, и в те, которые не были предназначены для того, чтобы выносить их на улицу, ставили либо лампу, либо свечу. Чиновники носили с собой гофрированные фонари сферической или цилиндрической формы с самурайским гербом или фразой, означавшей что-то вроде «по казенной надобности». Несколько большие по размеру подобные фонари использовали на праздниках для украшения святилищ и храмов. Лавки с названием или указанием товаров, которые там продавались, что было написано либо черным на белой бумаге, либо схематически изображено на рисунке, освещали у входа светильниками. Когда процессии двигались после наступления темноты, дорогу освещали горящими факелами, а в ночные праздники иногда устраивали фейерверки; в случае синтоистской церемонии они могли олицетворять убежище для духа божества.

Домашняя обстановка была скромной и простой. Кроме необходимых предметов для еды и сна, имелись ящики для хранения одежды - либо отдельно стоящие сундуки, либо встроенные шкафы - *оси-ирэ*, находившиеся в пространстве под лестницей, если в доме было два этажа. В гостиной на полу лежали квадратные или круглые подушки (*дзабутон*) для сидения. Зимой комната обогревалась с помощью большого чана, полного золы и еще не догоревших дотла древесных угольков, которые ворошили с помощью железного инструмента, похожего на большие палочки для еды. Там стоял и поднос с курительными принадлежностями. Табак курили в очень маленьких трубках - *кисэру*, в них помещалось его столько, сколько в сигарету; в наше время старинные табачные трубки часто стали использовать в качестве мундштука для сигарет. Табак нарезали очень мелко, и одной порции хватало всего для одной-двух затяжек, затем пепел выбивали из трубки на бамбуковую подставку, которая служила пепельницей. На табачном подносе также стояли емкости с табаком и горящими углями. Гость курил собственную трубку, которую держал в футляре. Когда кто-нибудь заходил в дом или лавку (даже если не снимал обуви), то садился только на край приподнятого пола, и ему приносили табачный поднос, чтобы он мог выкурить трубочку. Табак конечно же был ввезен португальцами, и подобно королю Якову в Англии Иэясу пытался запретить его; в 1612 году был издан указ, запрещающий выращи-

вание табака, но он не возымел никакого действия, и курение очень широко распространилось как среди женщин, так и среди мужчин.

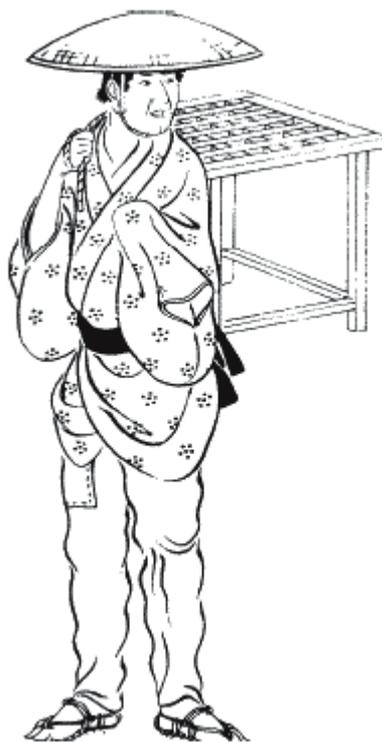

Рис. 66. Мужчина, несущий раму для котаци

Чан с древесным углем главным образом использовали в качестве источника тепла для согревания рук и лица; для согревания тела пользовались теплом, исходящим от котаци. Котаци - это обогреватель на угле с рамой, похожей на стол, которую ставили поверх жаровни, а затем накрывали стеганым одеялом, достаточно большим, чтобы его хватило закрыть ноги сидевших у котаци; горячий воздух поднимался вверх через одеяло, а руки тоже можно было согреть под одеялом. У котаци иногда и спали.

Обычно котаци начинали топить в первый день кабана, то есть на двенадцатый день десятой луны. Горящие угли клали также в специальную емкость и помещали в запах кимоно вместо грелки. Для всего дома в целом кухонный очаг был более эффективным обогревателем, но тепло от него не распространялось далеко, в другие части дома. Главной защитой против холода была зимняя одежда, а в качестве подстежки использовали шелк-сырец или льняное волокно.

Рис. 67. Продавец круглых вееров

Летом носили легкую одежду, обычно из хлопка, и обмахивались веерами - либо складывающимися, либо плоскими. Рабочий люд раздевался до набедренной повязки, фундоси, или до пояса. Наряду с жарой настоящим бедствием в душный дождливый сезон были комары, которые множились в прудах и бесчисленных лужах. Ночами некоторую защиту от насекомых давала хлопковая, шелковая или пеньковая сетка; ее подвешивали на веревках, продетых через кольца на потолке или стенах. Под такой сеткой было, естественно, более душно, чем снаружи, но, когда одолевали комары, людям приходилось из двух зол выбирать меньшее, особенно тем, кто обладал повышенной чувствительностью к укусам. (В любом случае, даже в самую знойную погоду, ставни дома (амадо) были всегда закрыты по ночам.)

Однако малярией в Японии тогда не болели, поэтому, несмотря на то что комары сильно докучали, они все же не представляли серьезной опасности для здоровья.

Относительная изоляция Японии, видимо, защищала ее от некоторых болезней, значительно более опасных. Конечно, заболевали оспой и проказой. За всю эпоху Токугава случилось несколько серьезных эпидемий холеры, но эта болезнь, видимо, не задержалась надолго в Японии. Бывало множество случаев заболеваний, очень похожих на эпидемический грипп, но страдали и от обычной простуды, а жаркое лето и плохие условия хранения продуктов вызывали значительное число желудочно-кишечных заболеваний.

Рис. 68. Мужская баня - сэнто. По выражениям на лицах можно судить о том, какое это приятное место для расслабления. Один мужчина привязал ключ от своего шкафчика (или, возможно, от тайника) к пучку волос на голове

Важным фактором в предотвращении распространения болезней было особое внимание к личной гигиене и поддержанию чистоты жилища. Только очень большие и богатые дома были снабжены ванной; простые горожане ходили в общественные бани. В первом десятилетии XIX века в Эдо существовало 600 заведений подобного рода. Пользование баней стоило от семи до восьми дзэни. В начале эпохи Токугава мужчины и женщины мылись там вместе, хотя во избежание недоразумений и ради соблюдения приличий принимались определенного рода предосторожности. Во-первых, в помещении, где находилась общая ванна для предварительного омовения, было очень темно. Во-вторых, обычай предписывал мужчинам не снимать набедренную повязку, а женщинам - нижние юбки даже в воде или переодеться в специально предназначенную для бани одежду. Позднее появились отделения бани, предназначенные отдельно для каждого пола.

Мыло было дорогим предметом импорта, и вместо него пользовались мешочками с рисовыми отрубями для предварительного мытья. Для вытирания пользовались тэнугуи - куском хлопчатобумажной материи размером около 9 дюймов на 2 фута; сначала терли тело влажным тэнугуи, а потом выжимали воду. Таким образом вряд ли можно было высушить тело досуха, но оставшуюся влагу впитывала одежда. Прохлада от воды была очень приятной летом, и японцы, казалось, не слыхивали о возможных губельных последствиях пребывания на сквозняке после горячей ванны, чем люди на Западе часто очень обеспокоены. С другой стороны, зимой после горячей ванны любили как можно скорее отправиться в постель, чтобы сохранить тепло.

Полный отчет о японском этикете показался бы утомительным, но некоторые примеры вежливого поведения, затрагивающие жизнь обычного дома, обязательно следует привести. В доме и гости, и хозяева обычно пребывали в сидячем положении на собственных пятках, на полу. Правильной осанке учили с детства, поэтому мышцы ног и спины настолько приспособивались к неудобной, с точки зрения европейцев, позе, что японцы чувствовали себя очень комфортно, размещаясь в «чаше», образованной ступнями, почти горизонтально прижатыми к полу. Мужчины могли сидеть скрестив ноги в неформальной

обстановке, но женщинам подобные вольности не дозволялись. Когда женщины здоровались, прощались или получали приказ, те клали ладони на пол и делали глубокий почти-тительный поклон, касаясь пола лбом между руками, при этом ягодичы следовало держать как можно ближе к полу. Мужчины не кланялись так низко. Здороваясь на улице, однако, люди останавливались и кланялись в пояс[65]. Только когда мимо проходило какое-то влиятельное лицо, например дайме, люди на улице должны были опускаться на землю и отвешивать глубокий поклон.

Очень невежливым считалось дышать на людей. Так, разговаривая со старшим, нужно было держать руку перед ртом. Такие же предосторожности необходимо было соблюдать, вручая послание от какой-то высокопоставленной особы или когда синтоистский священник раздавал священные амулеты; в таких случаях в рот клали кусочек бумаги, чтобы не осквернить их дыханием. Считалось невежливым здороваться, если на тебе любая рабочая экипировка. Женщины, например, прикрывали волосы от пыли куском ткани и подвязывали длинные рукава кимоно, чтобы не мешали во время работы; и косынку, и тесемки нужно было снять, прежде чем заговорить с гостем или старшим. Точно так же мужчине надлежало снять хатимаки (полотенце, обвязанное вокруг лба, чтобы пот не застилал глаза) или очки в черепаховой оправе[66], перед тем как поклониться.

Войти в комнату и выйти из нее можно было, отодвинув скользящую перегородку. Когда служанка вносила поднос с едой, то опускалась на колени в коридоре перед перегородкой, которую ей надо было раздвинуть, ставила поднос на пол, отодвигала перегородку, затем вставала, входила в комнату, снова опускалась на пол, задвигала перегородку, брала поднос, вставала, подносила его гостю, садилась на пол, кланялась ему, а потом наливала ему немного сакэ. Для современного жителя Запада это покажется утомительной процедурой; она требовала от женщины исполнения почти акробатических трюков, но таково было непреложное правило во всех приличных домах и почти во всех постоянных дворах.

В лучшей комнате дома, той, где принимали гостей, находилась ниша - токонома, доходящая до потолка; ее ширина, как правило, составляла половину или целый татами (то есть от 3 до 6 футов), а глубина - около 18 дюймов. Дно ее было приподнято над полом комнаты. В токонома висел свиток с рисунком или текстом, который меняли в зависимости от времени года. В ней размещали декоративную вазу, цветочную композицию или фамильный меч. Самых важных гостей усаживали спиной к токонома, и если старшинство не было очевидным, то, прежде чем гости в конце концов рассядутся, все вежливо отказывались от такой чести. Похожая проблема возникала, когда нужно было решить, кому уступит честь пройти первым, например, в узкую дверь, хотя когда у мужчины не возникало сомнений в своем праве, то он не проявлял притворной скромности, особенно самурай среди простолюдинов. Когда же случалось до определенной степени необычное событие и женатая пара выходила куда-то вместе на люди, жена шла на шаг позади своего мужа и во всем ему уступала.

Когда женщина беременела, первым решением, какое нужно было принять, - это сохранить ли плод. В городах, как и в деревнях, бедность и многодетность семьи могли быть причиной нежелания родителей иметь лишний рот. В сельской местности, возможно, родители были склонны ждать, не родится ли мальчик, а младенца женского пола, случалось, убивали сразу после родов. В городах более обычной практикой были аборты, хотя официально они запрещались, для матери они представляли значительную опасность - ведь в то время антисептиков еще не знали.

Если беременность благополучно протекала до пятого месяца, существовал обычай повязывать полоску ткани (называемую «иватаоби») вокруг талии будущей матери. Это делалось повивальной бабкой, которая впоследствии должна была помогать при родах. В этом отношении в разных частях Японии существовали многочисленные суеверия. В некоторых местах вместо иватаоби рекомендовалось повязывать одну из набедренных повязок мужа (их часто делали из цельной полосы ткани), в других - такую повязку давали ей ее родители, где-то еще - брали в храме, чье божество помогало при рождении ребенка.

Этому обычаю не находится никаких объяснений, он, видимо, имеет магический характер[67]. Месяцы проходили в молитвах синтоистским божествам и буддийским силам; особо старательно избегали жирной, острой и кислой пищи. В древности (и до сих пор) в высших слоях общества считалось, что роды оскверняют дом, поэтому по возможности женщин отправляли рожать детей в специальную постройку, возведенную для этой цели подальше от дома, но большинство горожан не имели ни места, ни денег для подобной предосторожности, и роды проходили в обычных спальнях комнатах, за тем исключением, что рожать первого ребенка мать по традиции возвращалась в дом родителей. Женщины рожали сидя на корточках, но в эпоху Токугава придумали кровать с упором для спины. Пуповину, в соответствии с древним обычаем, перерезали бамбуковым ножом, но затем заменили стальным. Обязанности повивальной бабки не ограничивались помощью во время родов; именно на ее плечи ложилась организация праздника, когда на седьмой день родственники и друзья приходили, чтобы поздравить мать и отца с новорожденным. По этому случаю дарили подарки матери и ребенку, имя которого оглашалось именно в тот день.

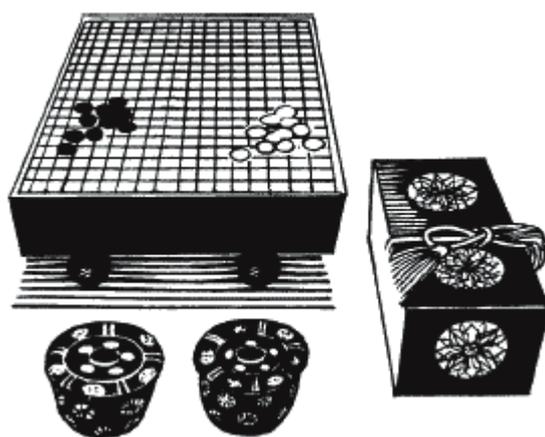

Рис. 69. Доска для игры в го; фигуры хранили в круглых лаковых сосудах, а их, в свою очередь, иногда убирали в коробку

Если мать умирала или по какой-то причине не могла кормить грудью своего малыша, нередко младенца отдавали приемной матери или кормилице. Жена купца, участвующая в деле своего мужа, была склонна прибегнуть к подобной практике. Ребенок привязывался к приемной матери, устанавливалась крепкая связь с молочным братом или сестрой, уступающая лишь его привязанности к своим кровным братьям и сестрам.

По крайней мере, в низших сословиях матери кормили грудью своих детей как можно дольше, гораздо дольше, чем в Европе, - отчасти потому, что считали, что не забеременеют, пока не отнимут от груди последнего ребенка, а отчасти потому, что все время могли держать своих детишек при себе. Ребенка мать носила за спиной, подвязав широкой полосой материи, проходящей под ягодицами через спину. В такой «люльке» он проводил весь день, там он засыпал, просыпался, время от времени малыша вынимали оттуда для кормления. Иногда его препоручали заботам старшей сестры, но он все время оставался в близком физическом контакте с другим человеком. По ночам младенец спал в материнской постели, и, даже когда ребенок вырастал достаточно большим, чтобы спать отдельно, он оставался в той же комнате, что и родители. Постоянная компания людей, видимо, оказывала свое влияние на его последующую жизнь, когда одиночество считалось чрезвычайно нежелательным.

Большинство семей посещали один и тот же синтоистский храм, где постоянно молились, и имели покровителя своего рода - удзигами или покровителя домашнего очага - убусоно ками. Ребенка приучали принимать активное участие в храмовых празднествах, и, когда он первый раз предстал перед божеством, это сопровождалось определенным це-

ремониалом, по-видимому организованным повивальной бабкой, которая ввела его в этот мир. Для женщин, которые разрешались от бремени в обособленных родильных помещениях, этот первый визит в храм (миямаири) клал конец периоду затворничества и во всех сословиях обычно происходил на тридцать второй день после рождения мальчика и на день позже, если родилась девочка. Для многих детей это был случай, когда их в первый раз наряжали в одежду, похожую на кимоно.

При подсчете возраста дата рождения не принималась во внимание, а считали календарные месяцы. Так, новорожденному будет год до того, как истечет двенадцатый месяц года его рождения, после чего ему уже будет два, - так, ребенку, рожденному осенью, будет уже два года всего несколько месяцев спустя. Пятнадцатый день одиннадцатой луны был особым праздником, носящим название «сити-го-сан» («семь-пять-три»), по годам детей, достигших в этом году семи-, пяти- и трехлетнего возраста. Детей обоего пола, которым исполнилось три года, одевали в нарядное платье и водили в храм. Это был день, когда они расставались с детством, и он ознаменовывался сменой прически. В тот же день мальчик, которому исполнилось пять лет, в первый раз одевался во взрослое платье. Его ставили лицом в счастливом направлении на доску, которой пользовались при игре в го (когда игроки пытались окружить фигуры своего противника), - своеобразный помост площадью около 18 дюймов, приподнятый над полом. Затем он надевал свои первые хакама, начиная с левой ноги. За этим следовало посещение храма. Девочка проходила похожую церемонию (обитоки) на седьмом году жизни, когда кимоно с пришитыми узкими ленточками, завязывающимися вокруг талии, заменялось другим, требующим отдельного оби.

Для детей придворных и воинов высшего ранга предусматривалась еще одна церемония, гэмпуку («совершеннолетие»), чтобы отметить вступление во взрослую жизнь. Этот обычай был важнее для мальчиков, для которых он и проводился примерно в возрасте от 10 до 15 лет. Важным моментом были выбривание лба и новая прическа, позволяющая носить придворный головной убор, как это было принято в то время. Для дочерей аристократов наступал момент, когда они начинали чернить зубы[68] и выбривать брови, поскольку было принято рисовать их неестественно высоко на лбу. Молодые женщины из семей воинского сословия также начинали носить взрослую прическу с момента этой церемонии. Купеческие семьи устраивали своим сыновьям церемонию вхождения во взрослую жизнь в возрасте 18 или 19 лет, хотя для них этот ритуал не имел большого значения. Он состоял в выбривании лба и надевании церемониального платья в первый раз. Женщины низших сословий тоже чернили зубы, но начинали делать это либо после замужества, либо с наступлением первой беременности.

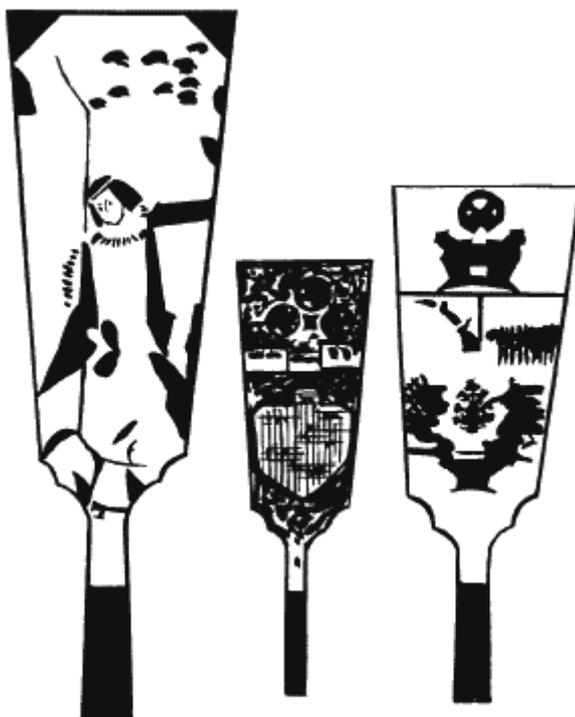

Рис. 70. Ракетки (хагоита) для игры в волан (ханэцуки) при встрече Нового года. Эти экспонаты датируются XVII в. Позднее они стали более искусно сделанными. Существовало поверье, что удар хагоита символизировал прихлопывание москита и служил заклинанием от их укусов

На протяжении всего года происходили события, которых дети с нетерпением ждали и в которых принимали участие. Несмотря на то что они зачастую предназначались только молодому поколению, эти праздники были частью жизни всего населения. Что касается горожан, то до них они дошли в виде древних ритуалов аристократов, перенятых воинским сословием, а в конечном итоге - купцами. Тогда, как и теперь, встреча Нового года была праздником, который длился несколько дней: ходили в гости к родственникам, навещали покровителей и всех остальных, к кому питали чувство признательности за что-либо.

В токонома клали рисовые колобки, а к столбам ворот прикрепляли ветки сосны. Каждого гостя угощали рисовыми колобками или деликатесами, а также рисовым вином, сдобренным приправами. Дети играли разукрашенными битами и ракетками для игры в волан. Если был снег, лепили снеговиков, но это развлечение не имело прямого отношения к новогодним торжествам.

Если в доме была девочка, в третий день третьей луны отмечали Праздник кукол[69]. В эпоху Токугава этот праздник распространился и среди горожан и заключался в выставлении в токонома набора кукол (нинге), изображающих императора и императрицу[70] с многочисленной свитой и предметами быта - хихина-но асоби. Выставка могла быть очень затейливой, с миниатюрным дворцом, вмещающим кукол, или же состоять из нескольких бумажных кукол[71]. Комнату украшали цветами персика, и в день праздника родственницы и подружки встречались, чтобы поболтать и выпить глоток сладкого белого сакэ - сиродзакэ. Торговля такими куклами процветала по весне, и, разнообразив ассортимент, торговцы увеличили спрос на них.

Праздник мальчиков отмечался в пятый день пятой луны с древних времен и при Токугава не утратил своей важности для воинского сословия. В этот день было принято дарить подарки, а чиновники надевали соответствующий торжественному случаю наряд с длинными хакама. У жилищ дайме перед входом стояли охранники - ерики и досин в доспехах, с алебардами, мечами и знаменами. Ремесленники, изготавливающие военное оснащение и оружие в миниатюре, и лавочники, торгующие этим, способствовали тому, что праздник

вошел в дома горожан, где возник обычай выставлять такие игрушки. Если сыну исполнялось восемь лет, вывешивали знамя, скорее похожее на ветровой конус, какие сейчас устанавливают на аэродроме, в форме карпа - кои-нобори, рыбы, почитаемой в Японии за стойкость и упорство в достижении цели, - ведь он может плыть против течения и стрелой пронестись через водопад. Мальчики отмечали этот день сражениями на деревянных мечах, чтобы продемонстрировать свою ловкость и мужественность. Кроме того, существовал обычай хлестать землю заплетенными в косу листьями ириса[72] в шумной потешной битве.

Седьмой день седьмой луны был праздником Ткачихи и Пастуха, которых олицетворяют звезды, разделенные Млечным Путем и находящиеся друг против друга[73]. Легенда гласит, что в седьмой день седьмой луны влюбленные могут встретиться, перейдя Небесную Реку - Млечный Путь[74]. В этот день у домов выставляют бамбуковые шесты с оставшимися на них листьями и украшенные полосками цветной бумаги[75], карточками со стихами о двух звездах, тетрадами, кистями и другими письменными принадлежностями из папье-маше. Кроме того, в этот день ученики писали стихи в школе, и это был в каком-то смысле праздник грамотности.

Существовало много других праздников, которых с нетерпением ждали и дети, и их родители, такие как день почитания божества местного святилища, когда его изображение в своем украшенном храме выносит толпа молодых людей - монахи или прихожане этого храма. Церемония сопровождается звуками барабанов, гонгов и флейт, а также всеобщим весельем. Праздники Бон отмечались как в городе, так и в деревне и отчасти были серьезными действиями: с молитвами в местном буддийском храме, с танцами - бон-одори и угощением. Для своих обычных развлечений у детей был большой выбор игрушек и игр: волчки и воздушные змеи тако-агэ, а также куклы, мячи, е-е[76] и ходули. Они играли в прятки, жмурки, салочки, прыгали через скакалку. Складывание фигурок из бумаги (оригами) в качестве спокойного домашнего занятия способствовало развитию присущих японцам ловкости и быстроты движений пальцами, а зимой очень популярна была игра в снежки.

Для японских детей редко заводили домашних животных. Собак, несмотря на особое к ним отношение при «собачьем» сегуне, редко можно было увидеть в домах, за исключением немногочисленных пекинесов, ввезенных голландцами. Японские собаки, типичными представителями которых были бойцовые из Тосы на Сикоку, представляли собой сильных животных, родственных эскимосским собакам Севера. Они годились для сторожевой службы, но также сбивались в дикие стаи, которые бродили по сельской местности. Кошек, наоборот, можно было часто увидеть в домах. Они выполняли свою старую как мир функцию: ловили крыс и мышей, но им конечно же никогда не ставили блюдечко с молоком. Белых котов, у которых один глаз был желтым, а другой - зеленым, высоко ценили как талисманы удачи (энгимоно) лавочки, поскольку эти цвета глаза символизировали золото и серебро. В Японии водились дикие обезьяны, и некоторых ловили и обучали танцевать на потеху публике. В домах ловили сверчков и сажали в клетки, летом стрекотание сверчков напоминало японцам о прохладе, как и звуки «ветряных колокольчиков»[77], висящих на балконах первого яруса. Летом ловили светлячков и сажали их в клетки. В прудах иногда водились карпы и золотые рыбки. Обычно о животных заботились, только если они были полезны, в отношении к ним сентиментальность отсутствовала. Буддийский закон запрещал отнимать жизнь, но гласил, что освобождение животных, посаженных в клетку, принесет награду в следующей жизни. Существовали уличные торговцы, которые специально продавали верующим птиц в клетках, рыб и черепах в сосудах, чтобы они могли выпустить их в небо или в пруд. На то, что их частенько ловили и сажали в клетки, специально для того чтобы продать, мало обращали внимания.

Рис. 71. Продавец воздушных змеев - тако-агэ, ставший на колени, чтобы опустить свою корзину на землю

Рис. 72. Развешивание выстиранного белья. Кимоно расшивали для стирки, ткань крахмалили и растягивали для просушки

Было установлено, что даже к концу эпохи Токугава лишь чуть больше двух пятых мальчиков в Японии и одна десятая девочек обучались вне дома. Сыновья самураев учи-

лись в школах в феодальных поместьях, и многие деревни могли похвастаться школой, иногда содержащейся на пожертвования, или жители собирали средства в складчину, иногда это были частные учебные учреждения. В городах на преподавание в школе смотрели как на способ заработать на жизнь, к которому прибегали самые разные люди, в том числе ронины - самураи, лишившиеся своего господина или просто обедневшие, у которых господин был, калеки, вдовы, разведенные женщины, старые девы, а также представители семейств, профессия школьного учителя в которых передавалась по наследству.

Дети обучались семейному ремеслу дома. Девочка обретала навыки приготовления пищи, шитья и стирки белья от матери, в то время как мальчик учился у своего отца и его работников необходимым навыкам, в том числе пользованию соробаном для подсчетов, чтобы впоследствии стать полноправным членом ассоциации ремесленников, или же его могли отправить на обучение другому делу к другому умельцу.

Для такого вида профессионального обучения школ не требовалось, в строго регламентированном обществе они не могли помочь ребенку преуспеть и возвыситься над другими в этом мире, - скорее они учили, что знать свое место - это достоинство. Программа обучения по большей мере была такой же, как у детей самураев, и заключалась в обучении письму и в переписывании назидательных текстов.

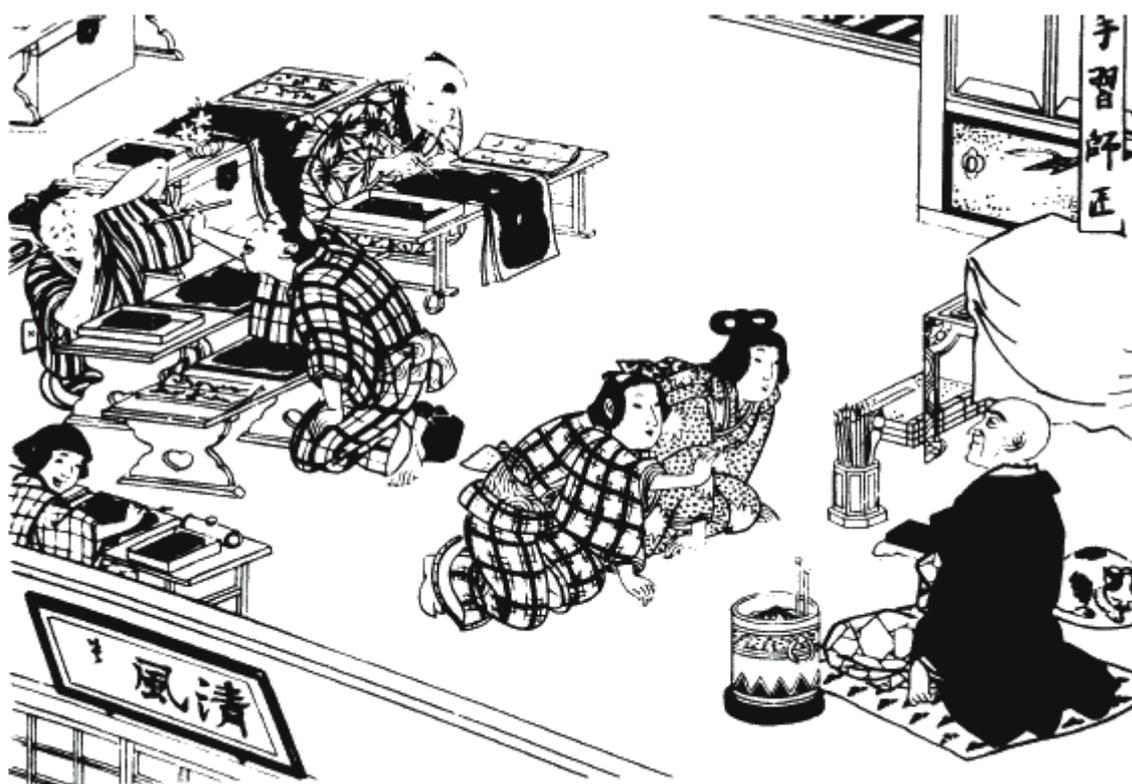

Рис. 73. Урок письма. Две ученицы почтительно кланяются своему учителю. Один мальчик ведет себя не так хорошо. На каждой парте - чернильный камень - судзури и тетрадь. Бумага была дорога и использовалась снова и снова, пока не почернеет, и лишь по невысохшим чернилам можно было отличить новую запись от старой. Обратите внимание на жаровню хибаси со щипцами, кошку и подставку с кистями разных размеров

Однако были и культурные мероприятия, когда ученики выставляли свои работы, а родители приходили и восхищались, помогали с раздачей угощения, приносили подарки учителю. Кроме регулярной платы (размер которой зачастую оставляли на усмотрение родителей) и дополнительных расходов, например на уголь для обогрева зимой, дарили учителю что-то на Новый год и на праздники мальчиков и девочек.

Видимо, в школу ходило гораздо больше дочерей из купеческих семей, чем из других сословий. Женщины играли важную роль в работе лавок и в торговле вообще, даже если лишь обслуживали покупателей и заказчиков, когда их мужья отлучались по делам. Несмотря на то что в лавке работали оплачиваемые управляющий, приказчики и другие помощники, авторитет жены хозяина часто бывал выше. Эти женщины учились читать и писать в школах и, следовательно, могли справляться с корреспонденцией и счетами.

Развлекательное чтение было представлено многочисленными художественными произведениями, выпускаемыми издательскими домами. Практически все книги были отпечатаны с деревянных блоков, и большая часть - с иллюстрациями. Самые простые, с картинками [78], отвечали тем же потребностям, что современные комиксы. Там были супергерои, воины с необыкновенными способностями и, как в современной научной фантастике, злобные лисы и барсуки-оборотни, принимающие человеческий образ. Эта очень популярная литература, а также театр подпитывали и без того сильный суеверный страх к сверхъестественному, частично основанный на буддийских представлениях о существовании параллельных миров. Мстительные привидения и духи считались вполне реальными, и люди время от времени озабоченно оглядывались, чтобы убедиться, что незнакомец с изможденным лицом действительно имел ноги - у привидений их не было, они обычно парили в воздухе или материализовались из колодцев или появлялись из-за ширм. Нельзя было доверять красоте женщин, встреченных на пустынных дорогах, особенно в сельской местности, слишком часто они оказывались лисами - кицунэ. Самыми хитрыми были белые кицунэ - песцы - в человеческом образе, они соблазняли людей и вовлекали в разные неприятности.

Рис. 74. Книжная лавка, торгующая иллюстрированными книгами. Справа - объявления о новых книгах. За ними рабочие подрезают отпечатанные листы. Самурай и проходящий мимо носильщик остановились, чтобы посмотреть ассортимент книг

Что касается литературы, мода на стиль изложения время от времени менялась, но длинные повести о романтической привязанности и верности вряд ли сохранились в веках, а сатирические или непристойные описания жизни в районах развлечений определенно пользовались спросом у широкого круга читателей. Процветала торговля сборниками пьес - тех, что с успехом шли на сцене, туда включали и оценку игры актеров. Для более серьезных читателей конфуцианские мыслители и их оппоненты, ревнители чистой науки,

писали свои философские трактаты. Однако почти любая деятельность в обществе того времени, в том числе и литературная, регламентировалась какой-нибудь инструкцией. Выпускались, например, иллюстрированные путеводители, иногда в приключенческом стиле, по великим дорогам и маршрутам паломничества. Это общество было озабочено вопросами морали и реальной пользы, и лекции о том, как вести правильный образ жизни, с примерами из добродетельной жизни его членов, собирали большие и жадные до знаний аудитории. Подобная литература широко распространялась, ее не только продавали в книжных лавках - ведь кроме всего прочего существовали своего рода бродячие библиотекари, которые давали книги на время.

Воспитание девушки считалось подготовкой к замужеству - ведь ее учили, как приспособиться к ведению хозяйства, когда она покинет свой дом. Обучение роли жены включало и обучение некоторым приемам в сексе, чтобы она наверняка знала, как угодить своему мужу в постели. У жен было много потенциальных соперниц в сфере развлечений, и, если муж проводил ночи дома, это было полезно не только для мира в семье, но и с экономической точки зрения.

Свадебная церемония в городах не отличалась от деревенской. Неофициальные отношения, перешедшие в законный брак, - это случалось нечасто, хотя в наименее состоятельных кругах они определенно имели место, но финансовые и деловые соображения считались более существенными мотивами. Место новобрачной в доме определяла ее свекровь, как и в деревне, но в системе, где сыну или подмастерью часто дозволялось открыть свое дело и забрать с собой свою жену, существовала несколько большая свобода. Хотя обычно жена была вынуждена усердно трудиться, жизнь в городе считалась более цивилизованной, чем в деревне, и многие юные деревенские девушки определенно радовались, когда свадьба устраивалась с каким-нибудь знакомцем семьи, уехавшим в город, даже если она никогда не встречалась со своим будущим мужем. Когда новобрачные отправлялись в свой новый дом, жена брала с собой приданое и одежду, постельные принадлежности и тому подобное. Считалось, что одна из многочисленных причин финансового краха - это если сын, достигший брачного возраста, начинал слишком много тратить на обучение хорошим манерам, на расширение и на новую обстановку дома в надежде привлечь невесту с особенно большим приданым.

Развестись в Японии времен Токугава было очень просто, решение не требовалось обосновывать (хотя часто это случалось из-за бездетности) - мужу достаточно было вручить жене письмо, позволяющее ей уйти и удостоверяющее, что она вольна вступить в новый союз с любым другим мужчиной. Форма такого письма была общепринятой, и оно занимало три с половиной строки; со временем уведомление о разводе стало называться «три с половиной строки» (микударихан). Не имело значения, была жена беременна или нет, хотя в некоторых областях, если она сообщала о том, что ждет ребенка, по прошествии трех месяцев после ее ухода бывший муж брал на себя заботу о малыше. Формально существовало правило - вернуть приданое и предметы обихода, которые жена принесла в его дом, но во многих случаях считалось, что очень повезло, если все это ей возвращалось. Правда, при возникновении имущественного спора женщина могла ожидать поддержку от своего отца или главы ее бывшей семьи.

Характерно, что жена не имела права оставить мужа без его согласия на развод. Впрочем, общество давало беглянкам возможность добиться «вольной грамоты». Существовало несколько храмов, и наиболее известный - Токэйдзи в Камакуре, которые предоставляли приют женщинам, ушедшим из дома по своей воле. Процедура развода состояла в том, что жена просила убежища в храме, после чего храмовые сановники начинали переговоры через посредника с мужем, чтобы убедить его дать ей свободу. Если переговоры не увенчивались успехом, жена должна была оставаться в храме три года, после чего могла уйти. Ее брак считался расторгнутым правительственным чиновником по надзору за храмами и святилищами. Если муж преследовал ее до врат храма, ей нужно было лишь бросить за ворота одну сандалию, чтобы попросить помощи. Фактически, если храм брался разбирать

дело жены, муж чаще всего отказывался от своих притязаний и отпускал ее. Храмовых записей почти совсем не сохранилось, но, по некоторым данным, в 1866 году в храме проживали четыре женщины, попросившие убежища, и сорок таких, чьи мужья уже дали им развод.

Рис. 75. Иллюстрация из книги пьес для кукольного театра, с типичной сценой насилия

Добрая половина описаний жизни в Эдо в этой главе посвящена домашней жизни. Вне дома, на улицах и в общественных местах, жизнь тоже была ключом. Жизнь в Эдо произвела на Кэмпфера сильное впечатление, об этом сохранилась его запись. Кэмпфер писал, что сразу у ворот в город он со своими спутниками обошел рыбный рынок, где продавали разные виды морских подводных растений, ракушки, съедобных моллюсков и рыбу - все это съедалось прямо на месте. Они держались середины широкой улицы, которая проходила в северном направлении через весь город, хотя не совсем прямо. Кэмпфер и его спутники миновали несколько величественных мостов, перекинутых через речки, и заполненные грязью рвы, которые проходили слева от них в направлении замка, как и некоторые улочки, отходящие от главной. Среди мостов был один в 42 морские сажени длиной, известный по всей Японии, потому что от него, как от центра, отмерялись дороги и расстояния до любого места в империи. «Его название - Ниппонбаси, то есть «мост Японии»...» Толпа людей на этой главной и идущей посередине улице шириной в пятьдесят шагов... «просто невероятна», и, пока они ехали верхом, встречалось множество «многолюдных процессий принцев империи и высокопоставленных придворных, а также богато одетых дам, которых несли в носилках в форме сидений и в паланкинах». Среди других людей им встретила команда пеших пожарных «числом около тысячи», марширующая «в том же военном порядке, как и наши в Европе»; они были одеты в коричневые кожаные куртки, защищающие их от огня; некоторые несли на плечах длинные пики, другие - пожарные багры, «их капитан ехал на коне в середине». По обе стороны улиц располагалось множество хорошо оборудованных лавок торговцев - мануфактурой шелком, лекарственными снадобьями, церковными талисманами, книгами, стеклянными сосудами, аптекарскими товарами и многим другим. Лавки до половины были занавешены черной тканью. Лавки немного выдавались на улицу, и любопытные изображения товаров, которые в них продавались, «были открыты людскому взору». Кэмпфер и его спутники обратили внимание,

деть почти на каждом углу, и время от времени происходило еще более увлекательное зрелище: впавший в буйство самурай выхватывал свои мечи, и тогда лучше было держаться от него подальше.

Рис. 77. Сказитель - гиду. Его балаган выходит на улицу и привлекает самую пеструю аудиторию: слева - мальчуган из лавки, которого отправили доставить товар - моток ткани, висящий у него на плечах. Сказитель пользуется веером и деревянным бруском, которым громко стучит по столу, чтобы акцентировать свой рассказ, которым обычно бывает какое-нибудь кровопролитное историческое событие

Рис. 78. Городской бунт в 1866 г.

Такая жестокость - привычное дело в XVII веке, но не в конце эпохи Токугава, когда деятельность полиции стала более эффективной. В 1600-х годах среди хатамото, или «знаменосцев» (прямых вассалов сегуна), были молодые люди с обязанностями не слишком обременительными, но все же неплохо оплачиваемыми. Они образовывали банды, одна из

которых, например, называлась «банда белых мечей», ее члены носили белые оби и мечи с белыми рукоятками, с лезвиями длиннее обычного. Они переняли эксцентричную манеру одеваться и носили одно короткое кимоно зимой и три длинных летом; зашивали свинец в подол своей одежды, чтобы ее полы раскачивались на ходу. Когда у них кончались деньги, они не оплачивали свои счета; когда деньги у них появлялись, надменно выкладывали монеты крупного достоинства и впадали в ярость, если им предлагали сдачу. Говорят, что, когда одного члена банды схватили сзади, чтобы помешать ему наброситься на кого-то, он отомстил пытавшемуся остановить его - убил ударом меча, которым сначала пронзил себя, а затем удерживавшего его человека. В то же время существовали банды из представителей низших сословий: городских носильщиков, наемных рабочих и им подобных, которые переняли эту моду - носить длинные мечи и часто вступали в кровопролитные схватки с хатамото. Такие городские банды к тому же были организаторами игорных притонов, впрочем, всех их уничтожили к началу XVIII века.

Рис. 79. Ночной страж ворот, идущий на дежурство с колотушкой

В 1733 и 1866 годах возникли волнения иного рода, когда несколько самых обедневших жителей Эдо напали на рисовые лавки. В 1787 году столичный простой люд взбунтовался во время голода, когда цены были очень высоки; такие же восстания прошли в Киото и Нагасаки. Бунтовщики, число которых достигало пяти тысяч в Эдо, в большинстве недавно приехали из сельских районов и в основном зависели от случайных заработков. Злоба бунтовщиков была направлена против владельцев рисовых лавок и богатых торговых домов. Они врываются туда и ломали прилавки и мебель. В таких случаях власти смотрели на это сквозь пальцы, - в конце концов, они ведь нападали всего лишь на торговцев, высокомерие которых нужно было время от времени умирять. Совсем другое дело, если нападению подвергся самурай. В 1787 году, однако, дело дошло до такого состояния, что пришлось провести тридцать арестов, прежде чем жизнь вернулась в обычное русло.

Одной из мер, введенных для контроля над бандами, была установка в 1645 году ворот в различных районах Эдо. Организации местных жителей должны были обеспечивать дежурство стражей у ворот, и в десять часов вечера ворота запирали на ночь на засовы. Это означало, что люди могли передвигаться лишь в ограниченном пространстве, удаляясь больше чем на несколько сотен ярдов от своего дома. На восходе ворота открывались.

Ворота не оставляли без присмотра, поскольку в случае пожара они должны быть открыты.

Существует известная легенда о девушке по имени О-Сити, дочери зеленщика, которая влюбилась в молодого монаха, когда ее семья попросила убежища в его храме после пожара, в котором сгорел их дом. После возвращения ее страстное желание встретиться с ним подтолкнуло ее устроить еще один пожар, чтобы открыли ворота и он смог прийти к ней. К несчастью, она была арестована, а потом сожжена за свое преступление.

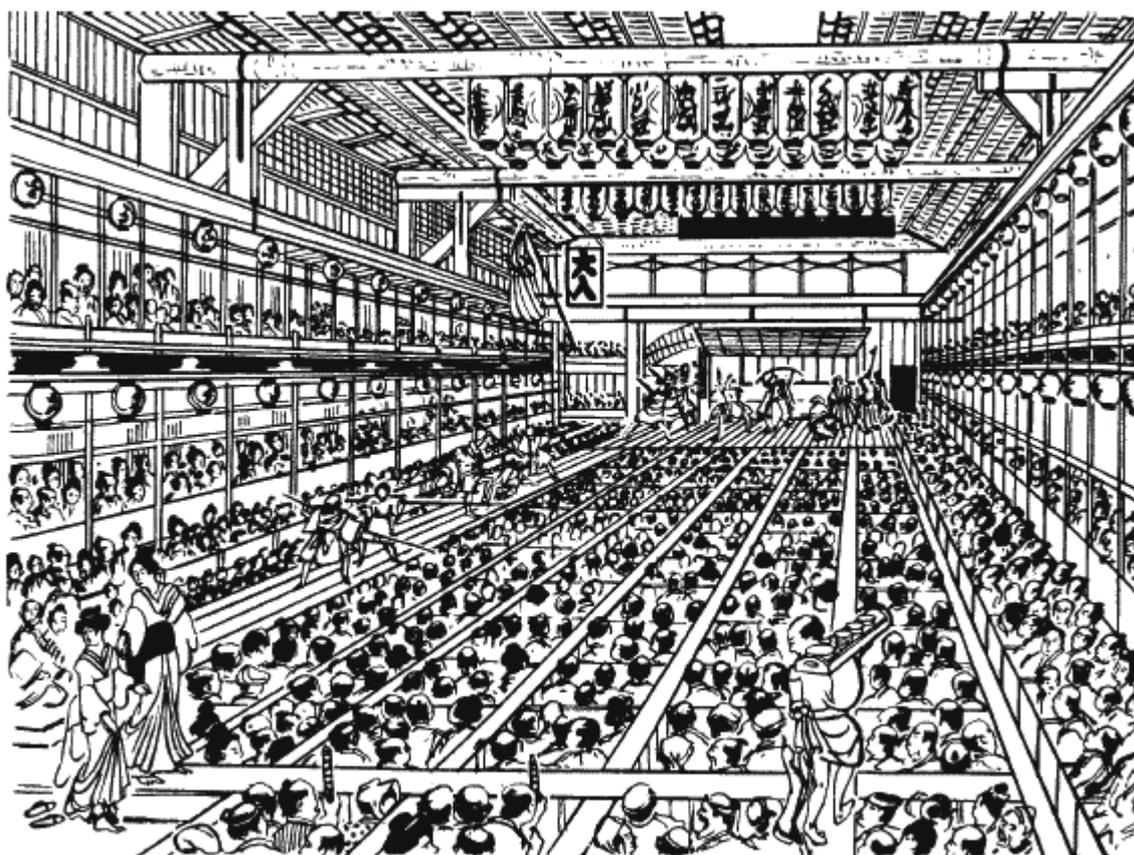

Рис. 80. Театр в 1804 г. Этот набросок для цветной гравюры изображает театр в административном районе Сакай в Эдо по случаю премьеры сезона в месяц одиннадцатой луны. Явно видно все характерные черты театра того времени. В зрительном зале находятся несколько самураев, держащих свой большой меч с поднятой как можно выше рукоятью

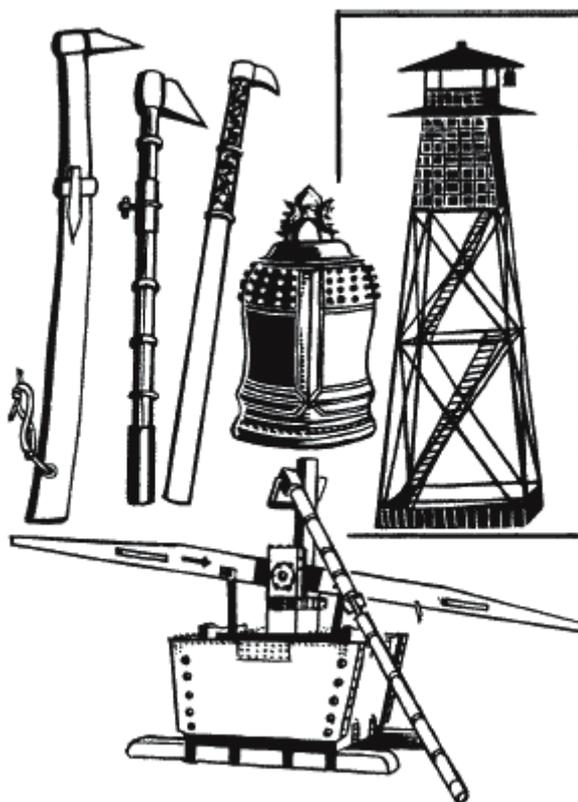

Рис. 81. Инструменты для борьбы с пожарами и пожарная вышка

С 1600 по 1866 год произошло около двадцати крупных пожаров и три сильных землетрясения, не говоря о том, что неоднократно горел замок, но не сам город. Три самых серьезных пожара произошло в 1657 году (когда погибло сто восемь тысяч человек, а полгорода выгорело дотла), в 1772 году (намеренный поджог грабителя уничтожил больше половины Эдо) и в 1806 году (сгорел восточный район города, в том числе почти все жилища воинского сословия). Также вспыхивало несчетное число небольших пожаров, которым не дали разгореться. Чтобы сгореть дотла японским домам, построенным из смолистого дерева и с перегородками из бумаги, много времени не требовалось. Если же дул сильный ветер, ситуация могла быстро выйти из-под контроля. Вот почему люди хранили ценности в негораемых хранилищах или в сундуках на колесиках, позволяющих легко вывезти добро на улицу через бумажные стены-седзи. Японцы всегда были готовы мгновенно собрать все, что можно было унести, и покинуть свои дома.

Как заметил Кэмпфер, пожарные отряды были хорошо организованы. В 1629 году центральное правительство учредило первый из них, а вскоре к решению этой проблемы подошли с разных сторон. На соломенные или тростниковые крыши наложили запрет, хотя покрытие деревянной щепой дозволялось. Большие кадки с водой и множество ведер оставляли на улицах. Открытые пространства расчищали, а улицы расширяли, чтобы огонь не мог легко перекинуться на противоположную сторону. К концу XVII века дайме и центральным правительством были организованы команды в основном для защиты от пожара замка и окружающего его кольца самурайских владений, их примеру последовали купцы, чтобы защитить свою собственность. Команды пожарников были организованы правительством во многом так же, как полиция. Они были одеты в защитную кожаную одежду с капюшонами и каски. Горожане нанимали строителей, чаще кровельщиков и черепичников, и одевали их в толстые хлопковые робы. Для разбрасывания горящих кровель использовали крючья, с 1760 года появились деревянные водяные насосы, подающие потоки воды. По всему городу возвели пожарные вышки и оснастили их колоколами, чтобы подавать сигнал тревоги. Расстояние до огня и масштабы пожара определяли по ритму и силе

ударов в колокол. Без сомнения, многие серьезные пожары были предотвращены быстрыми и решительными действиями.

Рядовые горожане были лишены некоторых развлечений, в отличие от тех, кто стоял выше на общественной лестнице, особенно в первую половину эпохи Токугава. Позднее, когда самураи, которым не хватало жалованья, стали зарабатывать деньги ремеслом и торговлей, сословные барьеры начали стираться, и богатые купцы, стремясь вырваться из своей социальной среды, не только усвоили манеру поведения и привычки, прежде считавшиеся нехарактерными для их сословия, но и взяли за правило покупать усыновление в семьях самураев для себя или своих отпрысков. Однако в XVII веке горожане уже находили для себя новые развлечения, и большую популярность приобрели два связанных между собой явления - бытовой театр и район борделей.

Правительство Токугава относилось к проституции с практицизмом, характерным для военных умов. Оно признавало, что низшие чины нуждаются в выходе сексуальной энергии, но было очень обеспокоено тем, чтобы обеспечить надлежащий контроль и не давать слишком большой свободы. Поэтому в больших городах власти узаконили «веселые кварталы» - районы, где были сконцентрированы публичные дома и где за ними можно установить наблюдение; путешественникам тоже дозволялось развлекаться: на почтовых станциях главных дорог всегда можно было найти женщин по сходной цене. «Веселый квартал» Эдо был известен как Есивара, название, которое изначально означало «камышовая пустошь» (этот район прежде представлял собой болотистую местность). Позднее один из иероглифов, используемых в названии, был заменен на другой с тем же произношением, но иным значением; название теперь стало «счастливая равнина». Сначала район Есивара оказался не слишком счастливым, поскольку между его основанием в 1617 году и 1643 годом он горел не менее четырех раз; отчасти из-за этого и отчасти из-за расширения города он оказался в смущающей близости от центра. Район развлечений был перенесен в определенное место на восточной окраине города, где и оставался до своей окончательной ликвидации после Тихоокеанской войны[82].

О происхождении его обитательниц говорилось выше. Девушек обучали многим искусствам, таким как пение, танцы, музыка и чайная церемония. Они приобрели вкус к фантастическим одеждам, став до некоторой степени законодательницами мод для респектабельных женщин.

Их описывали в романах и пьесах, они были показаны в излишне романтическом свете, как образец всех женских добродетелей, даже воздержания; в одной из пьес проститутку, у которой был любовник, молодой человек, убедили выйти замуж за старого самурая, чтобы освободить юношу от своего влияния; когда молодой человек попытался возобновить прежние отношения с бывшей любовницей, то был ею в конце концов отвергнут.

Посетители Есивары искали там самых разнообразных развлечений. Большинство отправлялось к проституткам, и цена здесь зависела от разряда, к которому относилась девушка. Если мужчина домогался женщины самого высшего разряда, которая называлась «таю», ему могло не повезти, потому что она имела право отказать клиенту, если он ее не устраивал. Действительно, для того чтобы завоевать внимание таю, не слишком привлекательному или немолодому мужчине приходилось раскошелиться на дорогостоящие подарки; молодой человек приятной наружности, вероятно, не тратил на это столько денег. Конечно, таю не могла себе позволить быть чересчур разборчивой, в противном случае хозяин принимал свои меры вплоть до наказания побоями.

Ритуал визита в Есивару начинался для настоящего бонвивана еще до того, как он туда придет. Проторенный путь вел вверх по одной из рек Эдо на лодке до пристани, где клиентов поджидали кони, чтобы доставить до места назначения. Было время, когда всегда носили белые одежды и ездили на белом коне. Прибыв в означенный дом, гости заказывали сакэ, которое подавали мужчины или женщины, за этим следовали танцы и песни; гостей уговаривали исполнить свой номер, потом играли в игры, например в жмурки, шумному веселью сопутствовало общее опьянение. Затем большинство клиентов, выб-

рав себе пару, расходились на остаток ночи. Несомненно, были и такие, кто ходил только ради попойки, и те отправлялись домой, чтобы успеть до закрытия на ночь городских ворот; большинство же оставались в Есиваре до утра и возвращались с первыми лучами солнца. Было подсчитано, что в 1680-х годах общая стоимость ночи с таю была эквивалентна 175 фунтам, или 420 долларам, поэтому такое удовольствие могли позволить себе очень редко или только очень состоятельные люди.

Однако в Есиваре была возможность развлечься, не тратя денег. В передней части домов, выходящей на улицу, были комнаты с деревянными решетками - своеобразная реклама предоставляемых удовольствий. Там обычно сидели проститутки низшего разбора, которые иногда вступали в беседу и шутили с прохожими. Однако, если мужчина оставался просто зрителем, девушки начинали осыпать его оскорблениями, а их сутенеры могли даже прибегнуть к физической силе.

Район Есивара находился под контролем городского префекта, который пристально следил за положением дел. В частности, его следовало оповещать, если кто-то вознамерился поселиться там постоянно, - вдруг человек скрывается от правосудия.

Пристрастие мужчин к удовольствиям «веселых кварталов» в определенной мере порицалось, как отступление от норм морали. Однако от жены (даже если она и испытывала уколы ревности) тем не менее ждали покорности, и при этих обстоятельствах ее роль заключалась в рождении и воспитании детей, она должна была вести дом и помогать мужу в его деле. В то время как большинство супругов, несомненно, ценили те удобства, которые предоставляли им их жены, но требовали свободы провести вечер вне дома, когда им того хотелось, пусть и только для того, чтобы пропустить пару стаканчиков. Расточительности противостояла бережливость. Когда мужчина проматывал свое состояние, то нарушал купеческий кодекс экономии, а также лишал своих потомков надлежащего им наследства. Кажется, упоминать об опасности венерических болезней не стоило - такое было возможно лишь в Нагасаки, где источник инфекции представляли иноземцы.

Романтический ореол, окружающий завсегдатаев Есивары, зачастую перевешивал экономические соображения. Во многих популярных литературных произведениях описывались комичные попытки деревенских неотесанных парней попасть в общество подобного рода, и каким посмешищем они становились из-за своей невоспитанности. Однако для поддержания репутации своего мужа как знатока и любителя женщин покорная жена могла экономить в расходах на ведении домашнего хозяйства и даже продавать свою одежду, чтобы достать денег и дать ему возможность беспрепятственно продолжать похождения.

Жизнь женщины состояла по большей части в исполнении домашних обязанностей и в сплетнях с соседками у колодца или в бане. Когда в дом приходила невестка, которая брала все обязанности по дому на себя, появлялась возможность отправиться либо в буддийское паломничество, либо в краткое путешествие по местным храмам и святилищам, либо в более продолжительное путешествие, охватывающее посещение, например, тридцати трех храмов Каннон[83] на Кюсю. Она могла отправиться со своим мужем в паломничество в Исэ или в один из других великих храмов, хотя в равной степени вероятно, что муж мог отправиться и без нее, чтобы ему было удобнее насладиться случайными удовольствиями на постоянных дворах по пути, которые зачастую предлагали служанки, и развлечениями в окрестностях храмов и святилищ. В больших городах Эдо, Киото и Осаке возможно было пойти в театр.

Начиная с 80-х годов XVII века женщины начали занимать большую часть зрительного зала, и ранние тенденции развития бытового театра с изображением жестокости и неприкрытой чувственности до определенной степени приспособились теперь к семейной аудитории. После былой популярности в XVII веке, когда наивные военные и им подобные горожане получали удовольствие от пьес с кровопролитием и бряцанием оружием, кукольные пьесы стали постепенно исчезать из Эдо. Три театра в городе иногда меняли свою дислокацию, но всегда находились рядом друг с другом, чтобы властям было легче осуществлять над ними контроль. Театры закрывались летом, но остальное время года рабо-

тали, и репертуар менялся каждый месяц, в зависимости от популярности спектаклей; за это время писали новые пьесы, чтобы зрители всегда могли увидеть и старые любимые спектакли, и новинки.

Представления иногда давали уже в четыре утра, но вначале всегда шли одноактные пьесы, исполняемые перед началом основного спектакля, - это были дебюты неопытных актеров, поэтому проходило несколько часов, до того как на сцене начинали показывать что-то стоящее. Часто ночь перед спектаклем проводили в близлежащей харчевне, а иногда это было просто необходимо, чтобы занять хорошее место, когда в пьесе играл известный актер. Представление заканчивалось в четвертом или пятом часу дня, и люди, которым пришлось преодолеть существенное расстояние, иногда были вынуждены провести еще одну ночь поблизости от театра перед возвращением домой.

Сидели в театре на циновках татами в квадратных отсеках, вмещающих около шести человек, разделенных приподнятыми над полом перегородками, вдоль которых зрители пробирались на свои места. Продавцы еды и напитков также протискивались по этим узким проходам. Актеры смирились с тем, что порой зрители отвлекались, - представления были такими длинными и столь многое отвлекало, что требовались такие приемы, как очень энергичное притопывание в танцах и использование деревянных колотушек для акцентирования моментов высокого накала страстей. Проход через зрительный зал по ханамити[84], по которому происходили самые впечатляющие выходы и уходы актеров, также помогал установить связь со зрительным залом.

Изобретение в 1758 году вращающейся сцены мавари-бутай сделало представления более зрелищными. Хотя в крыше имелись окошки, освещение в театрах было тусклым, и поэтому жесты были преувеличенными, грим - яркий, а костюмы - очень условными. Половина репертуара была почерпнута из пьес для кукольного театра, и содержание формально адаптировали к игре живых актеров. По прошествии лет пьесы становились все сложнее, но постоянной темой был конфликт между верностью своему долгу перед господином, родителями, семьей (в таком порядке, а иногда и конфликт между ними) и человеческими привязанностями. Единственный признак социальной критики прослеживался лишь в драме, когда какой-то энергичный герой из купеческого сословия одерживал верх над безнравственным самураем. Подобное случалось нечасто, и большинство сюжетов подкрепляло идею социальной стабильности, которая была официальной доктриной.

Гравюры с деревянных блоков, которыми знаменита рассматриваемая нами эпоха, - укие-э, или «картины брэнного мира»[85], - служили по большей части рекламой различных «веселых кварталов». Куртизанки и актеры имели своих поклонников, которые покупали эти гравюры в специальных лавках и использовали их для украшения дома, в то время их не считали художественно ценными.

На открытых пространствах и улицах, специально сделанных широкими, чтобы пожар не мог перекинуться на противоположную сторону, возводились балаганы. Там прохожие платили за то, чтобы увидеть чудеса: невиданных птиц и зверей из заморских стран (привозимых предприимчивыми голландцами), чудовищ, таких как русалки, а также людей со всевозможными уродствами. Галереи для стрельбы из маленького лука (кюдо) предлагали призы для тех, кто умело обращался с ним. Сказители - гадаю[86] - практиковались в своем искусстве, часто повествуя о том, как горожанин обвел глупого самурая вокруг пальца[87].

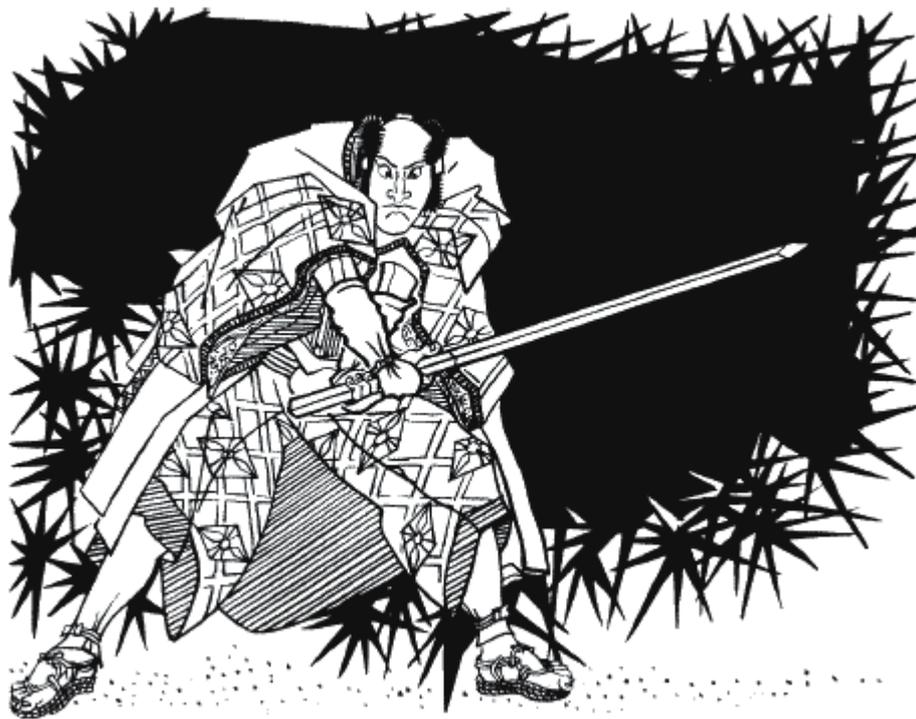

Рис. 82. Гравюра с изображением актера - типичная реклама актеров того времени

Состязания за приз, как это бывало на Западе, были представлены сумо, японской борьбой. Это был вид борьбы, который в древности исполнялся в святилищах и храмах как часть религиозных празднеств. В начале турниры сумо (за вход зрители платили) проводили для сбора средств на реконструкцию религиозных храмов, где их устраивали. Позже барыши шли на покрытие расходов на это зрелище и плату борцам. Суть этого вида спорта заключалась в том, что двое борцов - рикиси, одетые лишь в замысловатые набедренные повязки[88], - боролись на небольшом ринге - дохе[89] с целью заставить противника коснуться пола либо вытеснить за пределы ринга. Схватке предшествовал определенный продолжительный ритуал[90], но, как только бойцы сходились, борьба была резкой, и схватка заканчивалась быстро. Победитель, которого определял судья - гедзи, получал приз. За его победами следили по месту (повышению или понижению) в классификационных списках, положение в которых соответствовало определенному рангу, получаемому за серию побед. Турниры сумо проводились в помещениях, похожих на театры, где у входа воздвигали башню, откуда раздавались звуки барабана во время борьбы.

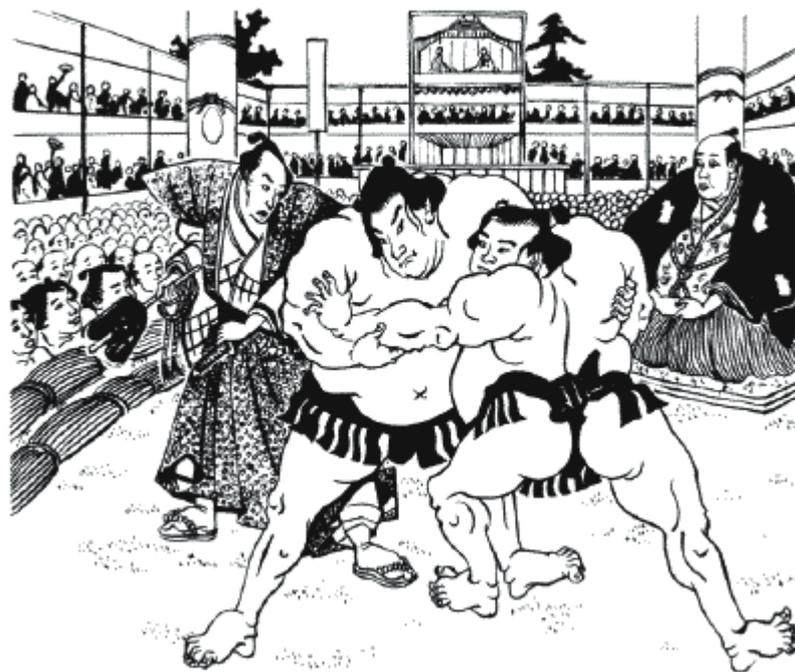

Рис. 83. Судья гедзи с металлическим веером судит схватку борцов сумо. Справа бывший борец выступает в качестве высшего судьи. Ринг обложен соломенными тюками

Эта башня указывала, что собрание людей происходит с разрешения властей. Начиная приблизительно с 1780-х годов состязания сумо длились на протяжении десяти дней при ясной погоде; поскольку они проходили не под крышей, дождь вызывал временную приостановку. Тогда, как и сейчас, борцы сумо отличались могучим телосложением и пользовались у публики большим почетом не только у мужчин, но и у женщин, не говоря уже о дайме и самом сегуне, которые тоже были среди их поклонников.

В Японии времен Токугава были интересные противоречия. С одной стороны, правительства, центральное и местное, постоянно издавали эдикты, ограничивающие свободы населения, но, с другой стороны, казалось, жители зачастую поступали в основном так, как считали нужным. Сельским жителям не позволялось оставлять свою землю, тем не менее они постоянно мигрировали в города; в больших городах делались попытки контролировать одежду и почти все другие аспекты жизни, но тот факт, что такие директивы издавались снова и снова, указывает на их неэффективность. Одно было ясно: когда говорят деньги, остальное молчит. Даже в сельской местности, где денег у населения было относительно мало, чиновников можно было подкупить с помощью взятки, чтобы они, например, «не заметили» новых полей, с которых крестьяне могли оставить урожай себе. В городах купцы и ремесленники оказывали самураям множество знаков уважения - преподносили подарки, которые почти всегда дарили старшему по положению, но их трудно было отличить от взяток. Многие чиновники, несомненно, были честными, но, по-видимому, слишком перегруженные работой, они оказывались не в состоянии осуществлять общий контроль над многочисленным населением. Только в призамковых городах жизнь контролировалась наиболее сурово, а в Эдо такой контроль был самым небрежным, несмотря на то что он, строго говоря, для призамкового города был слишком велик; Осака тоже была большим городом, но там жизнь была свободнее, чем где-либо, поскольку самураев там было немного. И в конце концов, самурай считал ниже своего достоинства уделять слишком много внимания выходкам горожан, пока они не представляли угрозы для их сюзеренов, поэтому горожане вели себя сообразно собственным моральным представлениям и не отказывали себе в удовольствиях. Борьба между пуританскими взглядами, навязчивым желанием заработать побольше денег и увеличить семейное благосостояние за счет эконо-

мии, с одной стороны, и почти столь же сильной потребностью в увеселениях - с другой, породила сложное меркантильное общество с безбрежной индустрией развлечений. Именно это сочетание сдержанности и развязности делает Японию эпохи Токугава столь привлекательной.

Приложение

Важнейшие события эпохи Токугава

1603 год - Иэясу Токугава провозглашен сегуном. В первые годы его правления было составлено «Уложение о самурайских родах», окончательно закрепившее за всеми самураями права привилегированного сословия, в частности «право меча», согласно которому они могли безнаказанно лишить жизни любого простолюдина

1607 год - прибытие в Эдо первого посольства от корейской династии Ли для установления дипломатических отношений с сегунатом Токугава

1614 год - закон о запрещении христианства во всей стране

1615 год - законы о регламентации для самурайского сословия: о строительстве замков, семейно-имущественных отношениях супругов, вассальных отношениях, а также законы о регламентации жизни императорского двора и дворянства, об этикете, назначениях на должности, одежде

1635 год - иностранным кораблям разрешено заходить только в порт Нагасаки. Иностранцам запрещено заниматься миссионерской деятельностью. Японцам запрещены поездки в другие страны, живущим за границей не разрешено возвращаться в Японию

1637-1638 годы - Симабарское восстание, крупнейшее крестьянское восстание против феодалов на полуострове Симабара и острове Ямакуса, вспыхнувшее под религиозными лозунгами защиты христианства в Японии.

Симабарское восстание, в котором участвовало несколько десятков тысяч человек, побудило правительство запретить почти все связи с иностранными государствами, чтобы пресечь проникновение и распространение христианства

1639 год - всем европейцам, за исключением голландцев, запрещено посещать Японию. В единственный порт в стране Нагасаки два раза в год разрешено заходить голландским, китайским, а также корейским кораблям

1644 год - родился поэт Мацуо Басе, настоящее имя Дзинситиро (1644-1694) - известен как создатель японского трехстишия - хайку (хокку), создал литературную школу, совершившую переворот в японской поэзии («стиль Басе» царил почти двести лет)

1653 год - родился Тикамацу Мондзаэмон (1653-1724), один из классиков японской драматургии. Среди пьес были бытовые драмы - сэвамоно, а также исторические - дзи-даймоно. Дзидаймоно Тикамацу, написанные поэтическим образным языком, считались новаторскими в японской драматургии

1707 год - последнее извержение вулкана Фудзияма

1720 год - отменен запрет на ввоз китайской и голландской научной литературы

1740 год - правительство объявляет о поощрении занятий голландским языком

1758 год - появился первый словарь, открывший дорогу к изучению голландской научной литературы

1854 год - появление у японских берегов американской эскадры М. Перри. Высадка американского десанта. Подписание договоров о мире и сотрудничестве между Японией, США и Великобританией

1855 год - Симодский договор о торговле между Россией и Японией - первый русско-японский договор, заключенный в Симодэ 7 февраля 1855 года, провозглашал «постоянный мир и искреннюю дружбу» между Россией и Японией. Япония открывала три порта

для захода русских судов: Симода, Хакодате и Нагасаки. Россия получила право назначить в один из первых двух портов своего консула. Проведено территориальное размежевание на Курильских островах, на обладание которыми претендовали обе страны. Граница между Россией и Японией была определена «между островами Итуруп и Уруп» (Сахалин), который вслед за русскими осваивали и японцы, он был оставлен неразделенным

1868 год - низложение сегуната Токугава и создание нового правительства. Город Эдо переименован в Токио (Восточная столица)

Примечания

1

Сегун (от «сэйи тайсегун» - «великий полководец, карающий варваров») - в древней Японии временная военная должность; в 1192 году сегун Минамото-но Ёритомо добился от императора признания титула постоянным и создал государственную структуру, наряду с существовавшей дворцовой, но реально управляющую страной. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

2

Реставрация Мэйдзи (Мэйдзи исин) - в узком смысле политический переворот и гражданская война 1867-1868 годов, завершившиеся свержением власти сегунов из феодального дома Токугава и восстановлением власти императоров. В широком смысле - буржуазная революция, ликвидировавшая феодальный строй и приведшая к созданию в Японии цивилизованного государства. Многие историки рассматривают Реставрацию Мэйдзи как незавершенную буржуазно-демократическую революцию.

3

Сегунат (или бакуфу) - военно-феодальная система правления в Японии, при которой императорская власть имела декоративные функции, а реальная власть принадлежала военному правителю - сегуну.

4

Недаром в Японии широко распространена поговорка: «Пожар, землетрясение и наводнение - три беды народа».

5

Синтоистские божества называются «ками».

6

Конфуцианство - морально-этическое учение, в основе которого лежат иерархические и патриархальные отношения.

7

Но - один из старейших японских театров. Пьесы Но основаны на классической литературе, народных и буддийских легендах. Действие на сцене происходит под аккомпанемент флейты и барабана, сопровождается мужским хором. Главные действующие лица выступают в масках. Танцы и условные жесты передают переживания героев. Спектакли традиционного театра Но были обязательной составной частью официальных приемов и церемоний в средневековой Японии. Классические формы театра сложились во второй половине XIV века, а наивысший расцвет приходится на XV век, когда были созданы лучшие пьесы, составившие основу репертуара. В самой структуре пьес содержались два временных слоя, так как главный герой появлялся дважды: один раз - в облике реального человека, другой - в виде духа или демона, ведь по законам кармы настоящее вырастает из прошлого и органично связано с ним.

8

Фурю - музыкально-танцевальная пьеса.

9

Традиционный кукольный театр Японии - нинге дзерури - возник в XVI веке, в нем соединились кукольное представление и народный песенный сказ дзерури, исполняемые под аккомпанемент сямисэна - щипкового музыкального инструмента типа лютни с тремя шелковыми струнами. Сначала кукольные представления устраивались в старой столице Киото на открытых площадках в русле периодически высыхающей реки Камо, в начале XVII века в только что основанной столице Эдо. Каждая из кукол, размером в две третьих человеческого роста, управлялась тремя кукловодами. Кукловоды, одетые в черное, работают, не прячась от зрителей. Представление ведет сказитель - гидаю, он говорит от имени всех героев спектакля. Золотой век кукольного театра связан с творчеством Тикамацу Мондзаэмона (1653-1724), автора дзерури для театра марионеток и драм для театра Кабуки. Самый крупный кукольный театр, продолжающий национальные традиции, Бунраку, был открыт в 1872 году в Осаке. Назван по имени организатора и постановщика первых спектаклей Уэмуры Бунракуэна. Впоследствии всякий японский кукольный театр назывался Бунраку.

10

Перри Мэтью (1794-1858) - американский адмирал (коммодор), командующий группой военных кораблей США, в 1854 году угрозой применения оружия вынудивший сегунское правительство подписать торговый договор с США.

11

То есть Сингон-сю - «Школа Истинного слова».

12

«Внешними» князьями - тодзама-дайме - называли феодалов, выступивших против семейства Токугава в сражении при Сэкигахаре в 1600 году; сторонников Токугава называли «фудай-дайме».

13

Ярд - единица длины, равная 0,914 метра.

14

Ронин - букв. «человек-волна», пережители-поле.

15

Кэндо - вид национального японского фехтования на бамбуковых саблях. Участники выступают в защитном снаряжении - панцирях, масках с металлической сеткой и в перчатках.

16

Нагабакама - длинные хакама (с волочащимися штанинами).

17

Кимоно (от «киру моно» - «вещь для надевания») - общее название японской национальной одежды, как мужской, так и женской.

18

Нагината - род древнего оружия, традиционно переводится как «алебарда», но это не совсем правильно, скорее это - меч с удлиненным хвостовиком, посаженный на длинное древко. Вошла в употребление во второй половине периода Хэйан (794-1185). В эпоху Эдо (1603-1868) стала также тренировочным оружием, в том числе и женским.

19

Эта, или буракумин, жили в отдельном поселении - бураку; к ним относились с презрением, так как они выполняли работу, которая в буддийско-синтоистской Японии считалась грязной и недостойной, - могильщиков, палачей, обмывали покойников.

20

Иногда сэппуку ошибочно называют «харакири» (от «хара» - живот и «кири» резать), но считается, что самоубийство с помощью харакири нарушает строго установленный ритуал.

21

Необычный для европейца уход из жизни именно таким образом объяснялся тем, что японцы считали, что душа находится именно в области живота.

22

В «Книге о чае» 1906 года Окакура Какудзо писал, что японский этикет начинается с изучения того, как предлагать человеку веер, и заканчивается правильными жестами для совершения самоубийства.

23

Его звали Васа Дайхати, и он превзошел рекорд Хисино Кандзаэмона, который поразил цель 8000 стрел в 1669 году, удостоившись титула «лучший лучник во всей Поднебесной».

24

Кабуки - один из наиболее известных японских традиционных театров. Возник в начале XVII века как театр горожан третьего и четвертого сословий. Основателем театра считается танцовщица Окуни. Позднее сегун наложил запрет на участие женщин в развлечениях такого рода, артисток на сцене заменили юноши, которые начали оказывать клиентам сексуальные услуги, что привело к скандалу. Поэтому с середины XVII века все роли стали играть мужчины, в том числе и женские. Само слово «кабуки» состоит из трех китайских иероглифов, буквально означающих «искусство пения и танца». Это название хорошо передает характер этого представления. В репертуар современного театра Кабуки входят в основном старинные классические пьесы в канонической постановке. Почти все сюжеты начального периода были связаны с жизнью «веселых кварталов», что определялось и составом зрителей, представленным горожанами всех сословий и уровней достатка.

25

В древности в придворных кругах Японии устраивались своеобразные игры с провозглашением победителей, участники которых должны были распознать состав порошковой смеси из различных сортов ароматических деревьев (сандала, камфары, кипариса, алоэ и др.), сдобренной мускусом и медом.

26

Дюйм - мера длины, соответствующая 2,54 см.

27

Хякунин иссю («Сто стихотворений ста поэтов»). На каждой из 100 карт написано одно стихотворение (или первые строки) известного поэта. Игра заключается либо в отгадывании автора, либо в нахождении карты с продолжением стихотворения.

28

«Повесть о принце Гэндзи» - знаменитый роман, написанный придворной дамой Мурасаки Сикибу о любовных приключениях прекрасного принца Гэндзи.

29

Искусство каллиграфии - искусство красивого и четкого письма, особый стиль написания иероглифов - се. Рисунок, всегда черно-белый, выполняется тушью суми, разведенной в тушечнице судзури. Художник рисует кисточкой (фудэ) на васи (высококачественной бумаге).

30

Японская поговорка гласит: «Наэ ханасаку» - «рассада - половина урожая».

31

Легенда гласит, что Санэмори был великим воином, но однажды во время сражения его конь поскользнулся и скатился на рисовое поле, и из-за этого противнику удалось убить ратника. С той минуты Санэмори превратился в поедающее рис насекомое, которое местные крестьяне из Идзумо называли Санэмори-сан. Существовало поверье, что если провести магический обряд - сжечь или бросить в воду соломенную фигурку конного всадника, Санэмори, - то это освободит поля от насекомых, губящих рисовые посевы.

32

Фут - мера длины, равная 0,3048 метра.

33

В японском доме величина комнат измеряется количеством устилающих пол татами стандартного размера (1,80 ? 1 м), которые позволяли определять не только размеры помещения, но и все пропорции в интерьере.

34

Футон служил как матрасом, так и одеялом.

35

Эту привычку чистить ушной канал от накопившейся серы японцы переняли у китайцев; вид японца, склонившего голову на бедро жены, которая в это время палочкой очищает ухо мужа, - символ семейной идиллии. Подобные сцены часто можно увидеть в пьесах театра Кабуки и японских фильмах.

36

Пятидворки - своего рода фискальная система с круговой порукой и слежкой за поведением каждого члена.

37

Сяо - сыновняя почтительность, один из основополагающих принципов конфуцианской этики; почитание младшими старших - залог процветания государства. Как отец руководит сыном, так и император руководит своими подданными.

38

Такие принудительные ссуды крестьян назывались «суйко».

39

Рабочая куртка свободного покроя называлась «хантэн».

40

Андон, японский фонарь, представлял собой легкий деревянный каркас четырехугольной формы, оклеенный белой бумагой, внутрь которого помещали плоскую с маслом и фитилем. Его ставили на пол или подвешивали к опорному столбу в комнате.

41

Аннам - название Вьетнама в европейской и китайской литературе.

42

Неточность автора: ре (кит. «лан») в эпоху Токугава равнялся 31,5 грамма.

43

Один моммэ равен 10 фун, или 3,75 грамма.

44

Асано Наганори (1667-1702) - дайме пятого ранга, носитель титула Такуминоками, владелец замка Асано. В 1701 году во время ежегодной церемонии приема императорских посланцев в замке Эдо Асано, входивший в комитет по подготовке приема, напал на Киру Есинаке, потомственного знатока ритуалов высшего ранга, который должен был вести Асано и других на церемонию, и ранил его. С возгласом «Наконец отомстил!» Асано нанес несколько ударов Кире, после чего позволил себя арестовать, не оказав ни малейшего сопротивления. Асано был приговорен к смерти через сэппуку, а его замок был конфискован. Перед ритуалом сэппуку Асано сложил прощальные стихи. Его смерть стала началом знаменитой драматической истории о сорока семи ронинах.

45

Самая знаменитая пьеса - «Канадэхон тюсингура» («Сокровищница самурайской верности») - написана тремя драматургами: Такэдой Идзумо (1691-1756), Намики Сэнрю (1693-1749), Миеси Сераку (1693-?).

46

Княжеские амбары для хранения риса назывались «миякэ».

47

Шпанская мушка - жук семейства нарывников длиной 11-22 мм; распространена в Евразии. Высушенные шпанские мушки применялись для изготовления нарывного пластыря.

48

Никко - с японского переводится как «солнечное сияние»; существует японская поговорка: «Не говорите «Изумительно!», пока не увидите Никко».

49

Расемон - старые городские ворота в Киото. «Ветка хаги задела меня... Или демон схватил за голову / В тени ворот Расемон?» - писал великий японский поэт-странник Басе (1644-1694); он оставил пять лирических дневников и несколько книг трехстиший - хокку.

50

На изображениях рая Амитабхи - «светоносного будды» - обычно рисуют его обитателей, восседающих на цветках лотоса: «Лотос в болоте растет, но остается чист». Есть выражение: «Сидеть в одной чаше лотоса», означающее бескорыстие и дружественное расположение людей.

51

В качестве лечебного средства применялось прижигание кожи коноплей, смоченной в горячем масле, - моксой. После прижигания ожог посыпали солью в целях обеззараживания.

52

Некоторые биографы считают, что Мунэфуса - настоящее имя Басе, а первым его псевдонимом был Собо (так произносились по-китайски иероглифы, которыми пишется имя Мунэфуса), другие - что его подлинное имя Дзинситиро Гиндзаэмон.

53

Индзя (букв. «сокрытый») - отшельник, чаще всего поэт-отшельник.

54

Пер. В. Марковой.

55

Эта - значит «оскверненные»; к ним относились как к париям, и вплоть до 1871 года они были лишены всех гражданских прав.

56

Каварамоно («балаганщик») - презрительная кличка актера театра Кабуки в эпоху Токугава.

57

Тикамацу Мондзаэмон (1654-1724) - классик японской драматургии; настоящее имя - Сугимори Нобумори. Он был выходцем из самурайской семьи, в юные годы покинул родительский дом, посвятив себя изучению дзэн-буддизма в одном из храмов. В девятнадцатилетнем возрасте он оставил храм и приехал в Киото, где вскоре заявил о себе как поэт. Несколько хокку Тикамацу были опубликованы в поэтической антологии «Такарагура» («Сокровищница»). С 1671 по 1672 год он находился на самурайской службе в знатной семье Итидзе, где познакомился с классическими пьесами Но. Тикамацу стал помогать писать сценарии, был рабочим сцены, заведовал реквизитом. В 1677 году написал первую

пьесу, которая принесла ему успех. После удачного дебюта он стал драматургом театра Кабуки в Киото, а позднее писал и для кукольного театра. Им сочинено более ста пьес для кукольного театра в жанре дзерури и около двадцати - для театра Кабуки.

58

Для испытания меча (тамэсигири) разрешалось использовать и тела казненных преступников.

59

Гэнроку - в японской периодизации эпоха, предшествующая эпохе Токугава. Считается временем наивысшего расцвета японской культуры. Иногда ее называют японским Ренессансом.

60

Летосчисление по системе десять «стволов» и двенадцать «ветвей» - лунный календарь. В его основе лежит шестидесятилетний цикл. Для составления цикла употребляли две отдельные группы иероглифов: первая - десять «стволов», вторая - двенадцать «ветвей». Обе группы писали рядом, причем на одиннадцатой «ветви» уже повторяется первый из десяти «стволов». Совпадение первых знаков происходит только через шестьдесят лет. Лунный календарь был в обиходе до 1873 года.

61

Дословно: «очистка от сажи и пыли».

62

Эвфемизм «яма-кудзира» (букв. «горный кит») вошел в употребление, когда пришедший в Японию буддизм ввел запрет на убийство животных и соответственно на употребление их мяса в пищу. Поэтому японцы называли «яма-кудзира» запрещенное мясо дикого кабана.

63

Бери-бери - одна из форм авитаминоза, вызываемого, главным образом, отсутствием в пище витамина В.

64

По правилам японского этикета сакэ всегда наливает в теко женщина: жена - мужу, хозяйка дома - гостям, а в ресторане - гейша или официантки.

65

Поклон, заменяющий японцам рукопожатие, называется «одзиги».

66

Новшество, ввезенное голландцами в эпоху Токугава.

67

Сейчас иватаоби выполняет функцию бандажа для беременных.

68

В Японии существовал обычай окрашивать зубы в черный цвет, то есть чернить, он назывался «охагуро».

69

Праздник девочек имеет несколько названий: Дзеси-но сэкку - праздник Первого дня Змеи; Хина мацури - Праздник кукол; Момо-но сэкку - Праздник цветения персика. (В настоящее время обычно употребляется название Хина мацури.)

70

Императора и императрицу изображают празднично одетые куклы дайрисама (*букв.* «господин заместитель»).

71

В древности в день Змеи третьей луны совершался ритуал избавления от болезней и несчастий. Для этого из бумаги делали небольших кукол, символизовавших мальчика и девочку, и выполняли обряд перенесения зла и несчастий на фигурки кукол, которых бросали потом в ближайшую речку или ручей, чтобы вода унесла с собой все беды и несчастья. Этот ритуал назывался хина-окури, а куклы - нагаси-бина.

72

Другое название Праздника мальчиков - Себу-но сэкку («Праздник ирисов»). Ирисы, которые цвели в это время, символизировали успех и здоровье.

73

Пастух, или *Волопас*, - это звезда Альтаир в созвездии Орла, по-японски Конгю, а Ткачиха - звезда Вега в созвездии Лиры, по-японски Сокудзи или Танабата-цумэ. Отсюда и японское название праздника - Танабата (слово «танабата» по звучанию имеет еще одно значение - «ткацкий станок», но пишется, конечно, другими иероглифами). Однажды, когда Танабата сидела за ткацким станком, она увидела красивого юношу по имени Хикобоси, ведущего на поводу быка. Она сразу же влюбилась в молодого человека. Ее отец согласился устроить свадьбу. Но, к несчастью, Танабата и Хикобоси так сильно любили друг друга, что забыли обо всем на свете. Танабата перестала ткать и забросила свой ткацкий станок, а бык Хикобоси бродил без присмотра. Бог Небесного Свода очень разгневался и повелел, чтобы Небесная Река разделила влюбленных. И только один раз в год на седьмую ночь седьмого месяца влюбленные могли встречаться друг с другом.

74

На помощь влюбленным пришли сороки, выстроившись в ряд и расправив крылья. По такому «мосту» Ткачиха и пришла к своему Пастуху.

75

Для написания стихов применяли специальные листки - тандзаку.

76

Е-е - это чертик на резиночке.

77

«*Ветряной колокольчик*» - маленький декоративный колокольчик судзу, к язычку которого привязывают полоску бумаги. В погожие дни их вывешивают на веранду, чтобы наслаждаться мелодичным звоном при каждом дуновении ветра.

78

Рассказ в картинках, который развлекал читателя не столько содержанием, сколько иллюстрациями, называли уничижительно «куса-дзоси».

79

Кэмпфер ошибочно принимал сегуна за императора.

80

Конняку - паста или желе из растения аморфофаллус.

81

На вывесках питейных заведений были изображены ветки криптомерий.

82

Имеется в виду конфликт между Чили и коалицией Боливии и Перу в 1879-1883 годах.

83

Каннон - одно из наиболее популярных божеств в японской буддийской мифологии, это милосердная заступница, обратиться к которой за помощью может любой человек.

84

Ханамити (букв. «дорога цветов») - помост, идущий на уровне сцены от левого края через весь зрительный зал в театре, используемый для выхода и ухода актеров, а также как дополнительная игровая площадка.

85

Вид жанровой живописи.

86

Гидаю - певец-сказитель в кукольном театре Бунраку и Кабуки. Называть его стали по имени популярного исполнителя пьес дзерури Гидаю Такэмото (1651-1714), создавшего особый исполнительский стиль гидаюбуси, в котором собрано и обобщено все лучшее, что было в музыкально-песенных сказках дзерури.

87

Традиционная драматическая форма, которая сложилась на основе народных героико-драматических сказов, называется дзерури. Дзерури исполнялись бродячими сказителями гидаю, а затем перекочевали в театры Бунраку и Кабуки. В дзерури сказитель, находясь на сцене, рассказывает содержание спектакля, повествует о переживаниях героев. В жанре дзерури писали пьесы многие драматурги.

88

Одежда борцов сумо состоит из пояса - маваси и передника - сагари.

Диаметр дохе - 4,55 метра.

Это этап психологической борьбы - сикири. Сжав кулаки, слегка нагнувшись вперед, борцы медленно сходятся, сверля друг друга взглядом, пытаясь мысленно уничтожить противника. Когда сикири не было ограничено во времени, случалось, что один из партнеров пасовал перед грозным взглядом и сдавался без боя. Впервые ограничение по времени до десяти минут ввели в 1928 году, а затем время сикири сократилось до двух - четырех минут.